

William
SHAKESPEARE
1564 – 1616

Уильям
ШЕКСПИР

Король Генрих IV

Историческая хроника

Санкт-Петербург
Издательская Группа
«Азбука-классика»
2009

УДК 82/89
ББК 84.4Вл
Ш 41

Перевод с английского
Владимира Морица, Михаила Кузмина
Оформление обложки Валерия Гореликова

Шекспир У.

Ш 41 Король Генрих IV: Историческая хроника / Пер. с англ. В. Морица, М. Кузмина. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. — 384 с.

ISBN 978-5-9985-0412-9

Историческая хроника-диалогия Уильяма Шекспира «Король Генрих IV» (1597—1598) переносит читателя в полную мятежных страстей и кровавых конфликтов политическую жизнь Англии начала XV века. Приход к власти короля Генриха IV — первого из династии Ланкастеров — отмечен появлением на подмостках Истории целой вереницы ярких, колоритных, запоминающихся героев, среди которых юный принц Гарри, сэр Генри Перси по прозвищу Хотспер («Горячая Шпора») и, конечно, рыцарь-шут сэр Джон Фальстаф — величайший из созданных Шекспиром комических персонажей. Публикация текста хроники сопровождается подробным историко-литературным комментарием, подготовленным специально для настоящего издания.

© С. Сухарев, комментарии, 2005
© В. Пожидаев, оформление серии, 1996
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2009

ISBN 978-5-9985-0412-9

Часть первая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих IV.
Генрих, принц Уэльский
Джон, принц Ланкастерский } сыновья короля.
Граф Уэстморленд.
Сэр Уолтер Блент.
Томас Перси, граф Вустер.
Генри Перси, граф Нортемберленд.
Генри Перси, по прозванию Хотспер, его сын.
Эдмунд Мортимер, граф Марч.
Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.
Арчибальд, граф Дуглас.
Оуэн Глендаур.
Сэр Ричард Вернон.
Сэр Джон Фальстаф.
Сэр Майкел, друг архиепископа Йоркского.
Пойнс.
Гедсхиль.
Пето.
Бардольф.
Леди Перси, жена Хотспера и сестра Мортимера.
Леди Мортимер, дочь Глендаура и жена Мортимера.
Мистрис Куикли, хозяйка трактира в Истчипе.
Лорды, офицеры, Шериф, трактирные
слуги, извозчики, путешественники, слуги.

Место действия: Англия.

АКТ I

СЦЕНА 1

Лондон. Дворец.

Входят король Генрих, лорд Джон
Ланкастер, граф Уэстморленд, сэр Уолтер
Блент и другие.

Король Генрих

Хоть мы в тревоге, от забот бледны, —
Дадим вздохнуть затравленному миру;
Пускай звучат прерывистые клики
Грядущих новых битв в краях далеких.
Впредь эта почва, жаждою томясь,
Не смочит губ своих сыновьей кровью;
Впредь нив ее не взбороздит война;
Ее цветов подковами не будет
Мять вражий конь; те взоры, что недавно,
Как метеоры грозowych небес,
Подобные и свойством и природой,
Встречались недругами в распрях братских
И в стычках яростных гражданской бойни,
Рядами стройными пойдут теперь
Одним путем, враждой не разрушая
Уз дружбы и родства. Клинок войны,
Как меч, в ножны не вложенный, не ранит
Владельца впредь. Поэтому, друзья,

Мы далеко, ко гробу Иисуса, —
Чей воин я, под чьим крестом святым
Отныне призваны сражаться мы, —
Направим вскоре войско англичан,
Чьи руки крепи в материнском чреве,
Чтоб истребить в святой земле неверных,
Там, где ступали благостные ноги,
За нас четырнадцать веков назад
К страстному пригвожденные кресту.
Уж год, как нами это решено,
И что пойдем мы, повторять не стоит:
Не для того призвал я вас. — Я слышать
Хочу от вас, кузен мой Уэстморленд,
Чтоб наш совет вчера постановил,
Чтобы желанный нам поход ускорить.

Уэстморленд

То с жаром обсуждалось, государь,
И лишь вчера был ряд статей расхода
Определен, как прискакал из Уэльса
Гонец внезапно с тяжкими вестями;
И худшая — что славный Мортимер,
Поведший херфордширцев в битву с диким,
Неистовым Глендауром, сам попал
Валлийцу в руки грубые, и было
Убито с тысячу его людей;
Валлийки же подвергли их тела
Такому надругательству, так скотски
И так бесстыдно их обезобразив,
Что совестно об этом рассказать.

Король Генрих

Задержит, видно, весть об этой битве
В Святую землю наш поход.

Уэстморленд

Король

Всемиловитейший, не в ней лишь дело;
К нам поступило с севера немало
Известий горестных, и вот о чем:
В Воздвижение юный Гарри Перси,
Хотспер отважный этот, с Арчибальдом,
Шотландцем мужественным и достойным,
Сошлись под Хольмдоном
И в бой вступили жаркий и кровавый;
Порукою тому была пальба
Орудий их и признаки другие.
Но тот, кто эту весть доставил нам,
В разгаре схватки на коня вскочил,
Еще не зная об ее исходе.

Король Генрих

Тут дорогой, рачительный наш друг
Сэр Уолтер Блент; он только что — с коня,
Покрытого следами разных почв,
Чтоб есть меж Хольмдоном и этим местом;
Он вести нам отрядные привез.
Разбит граф Дуглас; видел сам сэр Уолтер,
Что десять тысяч храбрецов шотландцев
И двадцать рыцарей в крови легло
На Хольмдонских полях; Хотспером взяты
В плен Файфский граф Мордек, и старший сын
Разгромленного Дугласа, и графы
Атоль и Меррей, Ангус и Ментейт.
Иль это не почтенная добыча?
Не славная награда? Как, кузен?

Уэстморленд

И впрямь;
Такой победой мог бы принц гордиться.

Король Генрих

Ты в скорбь меня поверг и ввел во грех:
Завидно мне, что лорд Нортемберленд —
Отец достойнейшего сына, сына,
Чье имя на устах всегда у славы;
Стройней его ствола нет в роще; счастья
Он баловень и гордость. Я ж, свидетель
Заслуг его, взираю, как пятнает
Себе чело распутством и бесчестьем
Мой юный Гарри. Если б доказать,
Что фея ночью наших сыновей
Переместила в люльках, и зовется
Мой — Перси, а его — Плантагенет, —
Его бы Гарри стал моим, а мой
Ему достался бы. Но бросим думать
Об этом. — Что вы скажете, кузен,
О Хотспере высокомерном? Пленных,
Захваченных в сражение этом, он
Оставил за собой, а мне отдать
Готов лишь графа Файфского Мордека.

Уэстморленд

Тут наущенье дядюшки его:
Всё это Вустер, к вам всегда враждебный;
Вот он и хорохорится, задрав
Свой гребень молодой пред вашим саном.

Король Генрих

Но призван мной уже к ответу он.
Итак, должны мы отложить на время
Святой поход наш в Иерусалим.
Кузен, совет наш созываем в среду
В Виндзоре мы; оповестите лордов,
Но поскорей вернитесь сами к нам:

Осталось многое сказать и сделать,
Что в гневе трудно вымолвить теперь.

Уэстморленд

Исполню всё.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Покои принца Уэльского.

Входят Генрих, принц Уэльский, и Фальстаф.

Фальстаф

А что, Хел, который час дня теперь, голубчик?

Принц Генрих

Ты так отупел от привычки пить старый херес, расстегиваться после ужина и спать по скамейкам после обеда, что даже не можешь как следует спросить о том, что тебя на самом деле интересует. На кой черт тебе знать, который час дня? Вот если бы часы обратились в рюмки с хересом, минуты — в каплунов, часовой бой — в языки сводень, циферблаты — в вывески публичных домов, а само благословенное солнце — в пригожую горячую девку в тафте огненного цвета, тогда бы я еще видел кое-какой смысл в твоём праздном вопросе: который теперь час?

Фальстаф

Вы действительно меня понимаете, Хел; потому что нам, отбирателям кошельков, нужна луна и

Большая Медведица, а не Феб, «прекрасный странствующий рыцарь». Прошу тебя, милый проказник, когда ты будешь королем, — господь да хранит твою милость, — я хотел сказать: твое величество, потому что божьей милости тебе никогда не дожждаться...

Принц Генрих

Что такое? Почему не дожждаться?

Фальстаф

Не дожждаться, честное слово! Даже той, которая испрашивается перед маслом и яйцами.

Принц Генрих

Хорошо. Так что же из этого? К делу, к делу!

Фальстаф

Право, милый проказник, когда ты будешь королем, не позволяй нас, телохранителей ночи, называть похитителями дневных красот. Пусть мы будем лесничими Дианы, рыцарями мрака, любимцами луны; пусть говорит народ, что мы находимся под хорошим руководством, так как руководит нами, как и морем, благородная и чистая госпожа луна, под чьим покровительством мы грабим.

Принц Генрих

Ты говоришь хорошо, и всё это справедливо; ибо наше благополучье, как благополучье всех подданных луны, имеет свои приливы и отливы, как море, будучи управляемо, как и море, луною. И вот доказательство: кошелек с золотом приобретается попутно в понедельник вечером и тратится весьма беспут-

но во вторник утром; он приобретается с криком: «Руки вверх!» и тратится с криком: «Подать сюда!» Иной раз вода опускается до подножья лестницы, а иной раз поднимается до вершины виселицы.

Фальстаф

Ей-богу, правильно ты говоришь, дружок. А не правда ли, здешняя моя трактирщица сладкая баба?

Принц Генрих

Как мед Гиблы, старина. А не правда ли, буйволовая куртка — очень прочная штука?

Фальстаф

Что такое, что такое? Что ты врешь? Какое мне дело, черт побери, до буйволовой куртки?

Принц Генрих

А какое мне дело, дьявол побери, до трактирщицы?

Фальстаф

Ты же часто ее зовешь, когда приходится расплачиваться.

Принц Генрих

Что же, я и тебя зову, чтобы ты платил свою часть.

Фальстаф

Нет, должен отдать тебе справедливость: здесь ты за всё платил полностью.

Принц Генрих

И здесь и в других местах, пока у меня хватало наличных. А когда не хватало, я пускал в ход свой кредит.

Фальстаф

И это имело последствия, так как ты наследственный. Но, милый мой проказник, скажи мне, прошу тебя: когда ты сделаешься королем, неужели виселицы будут еще стоять в Англии и храбрецов будет попрежнему сдерживать ржавый недоуздок старого плута, дедушки Закона? Когда ты будешь королем, не вешай воров.

Принц Генрих

Хорошо. Ты их будешь вешать.

Фальстаф

Я? Это замечательно! Ей-богу, я буду отличным судьей.

Принц Генрих

Вот ты уже и неверно рассудил. Я хотел сказать, что тебе будет поручено вешать воров и что из тебя получится замечательный вешатель.

Фальстаф

Ладно, Хел, ладно! Это в некотором роде так же подходит к моему характеру, как прислуживать во дворце, должен вам признаться.

Принц Генрих

Чтоб выхлопатывать задушные?

Фальстаф

Выхлопатывать задушные? У палачей задушных полный сундук. Ей-богу, я печален, как кот или медведь на привязи.

Принц Генрих

Или как старый лев, или как любовная лютня.

Фальстаф

Или как гуденье линкольнширской волынки.

Принц Генрих

Почему ты не скажешь: как заяц или как мрачный Мурский ров?

Фальстаф

Ты любишь самые неприятные сравнения, и ты, конечно, самый находчивый, самый канальский и самый прелестный молодой принц на свете. Но прошу тебя, Хел, не искушай меня более суетными благами. Я возблагодарил бы Господа, если бы мы с тобой узнали, где можно было бы купить хоть немножко доброго имени. Какой-то старый лорд из совета стал меня на улице пробирать за вас, сэра. Я не обратил на это внимания, но он говорил весьма разумно. Я слушать его не стал, но говорил он разумно, да к тому же на улице.

Принц Генрих

Ты хорошо поступил, ибо сказано: «Премудрость вопиет на стогнах, и никто не внемлет ей».

Фальстаф

О, какая нечестивая у тебя страсть к текстам! Право, ты можешь совратить и святого. Ты оказал на меня очень дурное влияние, Хел, — да простит тебя Бог. До знакомства с тобой я ничего не знал, а теперь, по правде сказать, я немногим лучше любого развратника. Я должен изменить свою жизнь, я хочу

сделать это. Видит Бог, если я этого не сделаю, я буду подлецом. Я ни из-за́ какого королевского сына не согласен губить свою душу.

Принц Генрих

Где бы нам завтра раздобыть денег, Джон?

Фальстаф

Э, где хочешь, голубчик, я на всё согласен. Если я этого не сделаю, назови меня подлецом и оскорбляй сколько хочешь.

Принц Генрих

Я вижу, как ты исправляешь свою жизнь: от молитв прямо к чужим кошелькам.

Фальстаф

Что же делать, Хел? Это мое призвание, Хел. Не грешно трудиться, следуя своему призванию.

Входит Пойнс.

Вот и Пойнс! Сейчас мы узнаем, какое развлечение предложит нам Гедсхиль. — О, если бы людям воздавалось по их заслугам, нашлась ли бы для него достаточно горячая яма в преисподней? Вот самый отъявленный негодяй, когда-либо кричавший честным людям: «стой!»

Принц Генрих

Здравствуй, Нед.

Пойнс

Здравствуй, милый Хел. Что поделявает мосье Раскаяние? Что поделявает сэр Джон Сладкий Хе-

рес? Джек, как порешили вы с дьяволом насчет твоей души, которую ты ему продал в прошлую Страстную пятницу за стакан мадеры и ножку холодного каплуна?

Принц Генрих

Сэр Джон сдержит слово: дьявол получит обещанное. Сэр Джон никогда не нарушает пословиц, а ведь есть пословица: отдай черту его долю.

Пойнс

Ты будешь осужден за то, что сдержишь слово дьяволу.

Принц Генрих

А иначе он будет осужден за то, что обманет дьявола.

Пойнс

Слушайте, голубчики мои: завтра утром к четырем часам нужно быть в Гедсхиле. Там проедут богомольцы в Кентербери с богатыми дарами и торговцы, едущие в Лондон с туго набитыми кошельками. У меня для вас приготовлены маски, а лошади у вас свои. Гедсхиль сегодня почует в Рочестере, но на завтрашний вечер я заказал ужин в Истчипе. Дело сделать нам безопасно, как спать лечь. Если пойдете, я набью ваши кошельки кронами, а не хотите, так сидите себе дома, и пусть вас повесят.

Фальстаф

Слышишь, Эдуард? Если я останусь дома и не пойду, я вас повешу за то, что вы пошли.

Пойнс

Неужели, мясная туша?

Фальстаф

Хел, хочешь принять участие?

Принц Генрих

Чтобы я стал грабить? Чтобы я стал воровать?
Нет уж, увольте.

Фальстаф

Ни капли нет в тебе ни честности, ни мужества, ни товарищеских чувств. Не знаю, право, есть ли в тебе королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллингов королевского чекана.

Принц Генрих

Ладно, один раз в жизни совершу сумасбродство.

Фальстаф

Правильно сказано!

Принц Генрих

Ладно, что бы там ни было, останусь дома.

Фальстаф

Клянусь Господом, я стану изменником, когда ты сделаешься королем.

Принц Генрих

Мне на это наплевать.

Пойнс

Сэр Джон, прошу тебя, оставь меня наедине с принцем: я ему изложу такие доводы в пользу этого предприятия, что он пойдет.

Фальстаф

Ладно. Пошли, Господи, тебе дар убеждения, а ему отверзи слух ко слушанию, чтобы то, что ты

будешь говорить, его подвигло, и чтобы то, что он услышит, могло доказать, что подлинный принц может забавы ради обратиться в поддельного вора, ибо в наше печальное время надо чем-нибудь поднять дух. Прощайте, вы найдете меня в Истчипе.

Принц Генрих

Прощай, запоздалая весна! Прощай, бабье лето!

Уходит Фальстаф.

Пойнс

Послушайте, мой дорогой, милый, золотой принц, поедемте с нами завтра утром: у меня есть наготове шутка, да одному нельзя ее сыграть. Фальстаф, Бардольф, Пето и Гедсхиль ограбят тех людей, которых мы уже выследили; меня и вас там не будет; а когда они получают добычу, то, если мы с вами не ограбим их, отрубите мне голову.

Принц Генрих

Но как мы отделимся от них?

Пойнс

Вот как. Мы поедem раньше них или позднее и назначим место встречи, куда от нас будет зависеть не попасть. Они решатся сделать нападение без нас, и как только покончат с этим делом, мы обрушимся на них.

Принц Генрих

Да; но они нас легко узнают по нашим лошадям, по нашему платью и по множеству других признаков.

Пойнс

Пустяки! Лошадей наших они не увидят: я привяжу их в лесу; наши маски мы переменим, как

только расстанемся с ними; и наконец, я припас на этот случай клеенчатые плащи, которые совершенно закроют знакомое им наше верхнее платье.

Принц Генрих

Да, но я не знаю, под силу ли нам это будет.

Поинс

Вполне! За двоих я ручаюсь: это — отъявленные трусы, которые всегда показывают спины; что касается третьего, то, если он будет противиться дольше, чем следует, я готов навсегда отказаться от ношения оружия. Главная потеха будет заключаться в невообразимом вранье, которым этот жирный негодяй будет вас угощать, когда мы сойдемся за ужином: он станет рассказывать, как он сражался с более чем тридцатью противниками, какие удары наносил и отражал, каким опасностям подвергался; и вся прелесть будет заключаться в опровержении этой лжи.

Принц Генрих

Ладно, я отправлюсь с тобою; достань всё необходимое и жди меня завтра вечером в Истчипе. Я буду там ужинать. Прощай.

Поинс

Прощайте, милорд.

Уходит.

Принц Генрих

Вас зная всех, я потакать хочу
Пока беспечности разгульной вашей
И буду в этом солнцу подражать,
Что позволяет облакам тлетворным
Скрывать от мира красоту его,

А после, пожелав вновь стать собою,
Прорвавшись сквозь уродливый и смрадный,
Грозивший задушить его туман,
Оно восторг тем больший вызывает,
Чем дольше были лишены его.
Будь целый год веселый праздник, стали б,
Как труд, скучны забавы; но когда
Не часты праздники, — ждут их прихода;
Всего приятней редкая случайность.
Так, если жизнь распутную я брошу
И уплачу тот долг, что я не делал, —
Чем лучше буду слова своего,
Тем обману сильнее ожиданья;
Как в темной почве блещущий металл,
Мое перерождение засверкает
Над прежними ошибками моими
И всем покажется еще прекрасней,
Чем если б фольги не было на мне:
Греша, в искусство превращу я грех
И вдруг исправлюсь, к удивленью всех.

Уходит.

СЦЕНА 3

Лондон. Дворец.

Входят король Генрих, Нортемберленд,
Вустер, Хотспер, сэр Уолтер Блент
и другие.

Король Генрих

Была чрезмерно кровь моя доселе
Спокойна, холодна и неспособна

Вскипать при оскорбленье; видя то,
Вы попираете мое терпенье.
Но знайте: впредь самим собой я буду —
Могучим, грозным, изменив свой нрав,
Что нежен был, как пух, и, как елей,
Был ласков и утратил уваженье,
Лишь гордостью внушаемое гордым.

Вустер

Мой государь, не заслужил наш дом,
Чтоб бич величия ему грозил, —
Величия, чью славу мы своими
Руками создали.

Нортемберленд

Мой государь...

Король Генрих

Лорд Вустер, удались, затем что вижу
В твоих глазах угрозу я и бунт.
Ваш вид, сэр, слишком дерзок и надменен,
А королевское величество не терпит
Морщин угрюмых на челе слуги.
Покиньте нас; коль ваш совет и помощь
Нам будут нужны, мы пошлем за вами.

Уходит Вустер.

(Нортемберленду)

Хотели вы сказать?..

Нортемберленд

Да, государь,
Отказ вам выдать пленников, которых

Под Хольмдоном взял Гарри Перси, был, —
Так уверяет он, — не столь уж резким,
Как вашему величеству сказали:
Лишь недоразуменье или зависть
В случившемся виновны, — не мой сын.

Хотспер

Я в пленных, государь, не отказал вам,
Но, помнится, когда был кончен бой,
Когда я, дух едва переводя,
Стоял без сил, на меч свой опершись,
Явился лорд какой-то расфранченный,
Одет с иголочки, свеж, как жених,
И выбрит — словно нива после жатвы,
Надушен, точно продавец нарядов.
Коробочку с душистым порошком
Держал двумя он пальцами, ее
То к носу поднося, то отводя.
При близости ее сердился нос,
А он всё улыбался и болтал.
Когда ж солдаты мертвых проносили,
Он грубо их невежами бранил:
Как смеют проходить со смрадным трупом
Меж благородием его и ветром!
Утонченно, по-дамски, выражаясь,
Вопросами он сыпал; и внезапно
Потребовал всех пленников для вас.
От многих ран запекшихся страдая,
Я, попугаем этим раздраженный,
Терпенье потеряв, ему небрежно
Ответил что-то, сам не помню что:
Их выдам или нет. Я был взбешен,
Что он так чист, и так благоухает,
И, словно дама при дворе, лепечет

О пушках, ранах, битвах, — черт возьми!
Он уверял, что лучше средства нет,
Чем спермацет, при внутреннем ушибе,
И сожалел (в чем был, конечно, прав),
Что мерзкую селитру добывают
Из безобидных недр земных, чтоб ею
Губить коварно статных молодцов;
Не будь, сказал он, этих мерзких пушек,
Он сам охотно сделался б солдатом!
На вздор его бессвязный, государь,
Я, повторяю, не ответил прямо
И вас молю не дать его докладу
Между моей любовью к вам и вашим
Величеством как обвиненью встать.

Б л е н т

Мой государь, коль все учесть условия,
То, что бы Гарри Перси ни сказал
Лицу такому-то, в таком-то месте,
Тогда-то, — с пересказом остальным
Всё умереть должно, не воскресая
Ему во вред. И как его винить
В словах, которые он отрицает?

Король Генрих

Но ведь готов он пленных выдать мне
Лишь с оговоркою и с тем условием,
Что из своей казны внесем мы выкуп
За Мортимера, шурина его.
А дурень тот, клянусь душой, нарочно
Тех предал жизнь, кого в сражение вел
С Глендауром, кудесником проклятым,
Чью дочь граф Марч, как слышно, в жены взял
Недавно. Иль казну опустошим мы,

Чтобы домой предателя вернуть
И выкупить измену? Иль мы будем
Радеть о тех, кто сам себя сгубил?
Пусть дохнет с голоду в горах бесплодных!
Нет, нами ввек не будет назван другом
Тот, чей язык у нас просить решится
Хоть грош один на выкуп Мортимера
Крамольника.

Хотспер

Крамольник Мортимер!

Он никогда б, король мой, не отпал, —
Всё лишь войны случайность: эту правду
Доказывает ран его язык,
Красноречивых ран, отважно им
Там, в камышах на берегу Северна
Прекрасного, полученных, где он
С прославленным Глендауром час почти
Свирепо бился, с ним сойдясь грудь с грудью.
Бой трижды прерывали, трижды пили
Из милых струй Северна, что, страшась
Их кровожадных взоров, боязливо
Бежал средь тростников дрожащих, пряча
Главу свою кудрявую под берег,
Политый кровью доблестных бойцов.
Коварство низкое для дел своих
Не изберет наряда ран смертельных,
И благородный Мортимер не мог
Для вида лишь их столько получить:
Так пусть его крамолой не пятнают.

Король Генрих

Солгал ты, Перси, про него, солгал;
С Глендауром он не бился никогда.

Поверь мне,
Охотней с чертом он в единоборство,
Чем с Оуэном Глендауром бы вступил.
Тебе не стыдно? Сударь, чтобы впредь
Я не слыхал от вас о Мортимере!
Пришлите мне скорее пленных, или
Я о себе напому так, что будет
Вам не по вкусу. — Лорд Нортемберленд,
Вас вместе с сыном отпускаем мы,
Пришлите пленных нам, иль будет худо.
Уходят король Генрих, Блент и свита.

Хотспер

Явись сам черт и с ревом требуй их,
Я не пришлю их. Вслед за ним пойду,
Чтоб высказаться, сердце облегчить,
Хотя б за это головы лишился.

Нортемберленд

Как? Опьяненный гневом? Стой, опомнись.
Вот дядя ваш.

Входит Вустер.

Хотспер

Молчать о Мортимере?

Нет, к черту! Буду говорить о нем.
Сгублю я душу, но к нему примкну!
Я жилы для него опустошу,
Кровь милую по капле вылью в грязь,
Но, попранного, вознесу его
На ту же высоту, где ныне блещет
Неблагодарный, вредный Болингброк.

Нортемберленд

Безумен, брат, племянник ваш; виной
Тому король.

Вустер

Кто без меня разжег
В нем этот пыл?

Хотспер

Впрямь, всех он хочет пленных.
Когда ж я вновь потребовал, чтоб брат
Моей жены был выкуплен, ему
Покрыла бледность щеки, на меня
Убийственный он бросил взгляд и вздрогнул
При имени одном лишь Мортимера.

Вустер

Я не виню его: не Мортимера ль
Покойный Ричард объявил ближайшим
По крови?

Нортемберленд

Да; и сам я был при этом;
Случилось то, когда король несчастный, —
Прости нам, Господи, вину пред ним, —
Войною на Ирландию пошел.
Оттуда, силой возвращенный, он
Низложен был, а вскоре и убит.

Вустер

И в этой смерти нас, покрыв бесчестьем,
Винят молвы широкие уста.

Хотспер

Постойте! Правда ль, Ричардом объявлен
Был брат мой Эдмунд Мортимер престола
Наследником?

Нортемберленд

Я это слышал сам.

Хотспер

Так не виню я короля, что он
Кузену смерть желал в горах бесплодных.
Но вы-то, возложившие корону
На столь забывчивого человека
И для него принявшие позор
К убийству подстрекателей, ужели
Несете целый мир проклятий вы,
Орудиями подлыми являясь,
Веревкой, лестницей иль палачом?
Простите, что так низко я спускаюсь,
Чтоб показать вам ваше положенье
При короле лукавом. О позор!
Ужели скажут в наши дни, ужели
Запишут в хроники грядущих лет,
Что люди вашей крови, вашей власти
Замешаны в неправом деле оба,
Затем что Ричарда, — прости вам Бог, —
Вы свергли, эту сладостную розу, —
Терн, Болингброка-язву посадив?
Иль — что еще позорней — после скажут,
Что одурачил вас, отверг, прогнал
Тот, для кого позор принjali вы?
Нет, время есть еще себе вернуть
Вам честь утраченную и подняться
Во мнении благоприятном света;

Отмстите за насмешки и презрение
Спесивцу-королю, что день и ночь
Отдать вам долг изыскивает средство,
Хотя б кровавой платой вашей смерти.
Еще скажу...

Вустер

Молчи, кузен, ни слова!
Я, книгу тайную теперь раскрыв,
В ответ на скороспелые упреки
Прочту вам кой о чем глубоком, трудном,
В себе опасностей таящем столько,
Как переход через поток ревуций
По древку ненадежному копья.

Хотспер

Упал — прощай! Или тонуть, иль плыть.
Когда опасность всюду от востока
До запада, — пускай помчится честь
Наперерез ей, с севера на юг.
Пусть сцепятся! О, кровь сильнее волнуешь,
Тревожа льва, чем поднимая зайца.

Нортемберленд

Лишь мысль одна о подвиге великом
Его за грань терпенья унесла.

Хотспер

Клянусь, нетрудно прыгнуть на луну
И честь сверкающую с бледнолицей
Сорвать; легко нырнуть и в глубь пучины,
Где лот еще не трогал дна, и честь,
Что утопает, вытащить за кудри, —
Лишь бы потом делить не надо было

Ее блага с соперником своим.
Товарищество вялое — долой!

Вустер

Мир целый образов он видит здесь,
Но только всё не то, что видеть должен. —
Лишь миг вниманья, милый мой кузен.

Хотспер

О, смилуйтесь!..

Вустер

Шотландцев благородных,
В плен вами взятых...

Хотспер

Всех себе оставлю.
Клянусь, не дам ему ни одного;
Завись от них души его спасенье, —
Не дам; моя десница в том порукой!

Вустер

Не слушая меня, вперед вы мчитесь.
Он их оставит вам...

Хотспер

Я сам беру их!
Не хочет выкупить он Мортимера;
О Мортимере говорить нельзя.
Когда он будет спать, к нему проникну
И закричу над ухом: «Мортимер!»
Иль лучше,
Я научу скворца, чтоб он твердил

Лишь «Мортимер», и подарю ему:
Пусть не дает на миг заснуть в нем злобе.

Вустер

Кузен, одно лишь слово...

Хотспер

Все цели я торжественно отринул;
Одна есть: злить и мучить Болингброка.
А принца Уэльского, гуляку, я
Охотно б кружкой эля отравил;
Но, думаю, отец его не любит
И был бы рад, случись несчастье с ним.

Вустер

Прощайте. Мы поговорим, племянник,
Когда у вас желанье будет слушать.

Нортемберленд

Иль ты осой ужален, иль рехнулся,
Что, уподобясь женщине, свой слух
К своим речам приковываешь только.

Хотспер

Нет, видите ль, я высечен крапивой,
Искусан муравьями, лишь услышу
О хитреце коварном Болингброке.
При Ричарде, — как, бишь, зовут то место,
Чума его возьми, — ну, в Глостершире —
Его безумный дядя, герцог Йоркский,
Там жил, я ж в первый раз склонил колено
Пред королем улыбок Болингбромом...
Черт!..

Когда вернулись вы из Ревенсперга
С ним...

Нортемберленд

Замок Баркли.

Хотспер

Да, там.
Каких мне сладких слов наговорила
Борзая эта льстивая тогда!
«Пусть счастье юное его растет»,
«Кузен любезный», «Милый Гарри Перси»...
Подобных плутов в ад! Прости мне, Боже!
Я кончил; милый дядя, говорите.

Вустер

Коль вы не всё сказали, продолжайте;
Мы подождем.

Хотспер

Я всё сказал, клянусь!

Вустер

Так вновь о ваших пленниках-шотландцах.
Без выкупа их тотчас отпустите;
Сын Дугласа орудьем вашим станет,
И вам поможет он набрать войска
В Шотландии. Есть много оснований, —
Я письменно их изложу, — считать,
Что всё легко удастся.

(Нортемберленду.)

Вы, милорд,
Пока ваш сын Шотландией займется,

К достойному и чтимому прелату,
К архиепископу вкрадитесь вы
В доверие.

Хотспер
Не к Йоркскому ли?

Вустер

Да. Не простил
Он брата смерть в Бристоле, лорда Скрупа.
Всё сказанное мной сейчас — не только
Мое предположение; то, что знаю,
Всё точно взвешено и решено;
И требуется лишь удобный случай,
Чтоб в исполнение это привести.

Хотспер
Я чую... Всё удастся нам отлично.

Нортемберленд
Дичь не подняв, спускаешь свору ты.

Хотспер
Конечно, это славный заговор!
Затем, коль войско Йорка и шотландцев
Прибавить Мортимеру...

Вустер
Так и будет.

Хотспер
Ей-богу, замысел великолепен.

Вустер

Спешить нам надо; головы свои,
Лишь их подняв высоко, мы спасем,
Затем что, как мы скромно ни держись,
Король о долге нам не позабудет,
Считая, что мы числим долг за ним,
Пока он часа для расплаты с нами
Не улучит. Смотрите, он уж начал
Лишать нас взоров ласковых своих.

Хотспер

Да, это так. Мы отомстим ему.

Вустер

Кузен, прощайте. Не идите дальше,
Чем в письмах я вам предпишу. Когда
Настанет время, — что случится скоро, —
Я к Мортимеру и Глендауру скроюсь,
Где вы и Дуглас и все ваши силы, —
Я так устрою, — счастливо сойдетесь,
Чтоб в руки крепкие нам счастье взять,
Что неуверенно теперь мы держим.

Нортемберленд

Прощайте, брат. Я верю в наш успех.

Хотспер

Прощайте, дядя. — Только бы скорей
В забаву нашу вторгся вихрь полей.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Рочестер. Двор гостиницы.

Входит 1-й Извозчик с фонарем в руке.

1-й Извозчик

Эй! Черт меня побери, если не четыре часа. Большая Медведица стоит уже над новой трубой, а моя лошадь еще не навьючена. Эй, конюх!

Конюх
(за сценой)

Сейчас, сейчас!

1-й Извозчик

Прошу тебя, Том, выколоти седло у Кургузого да подложи под лукú немного войлока: бедная скотина весь загривок себе стерла.

Входит 2-й Извозчик.

2-й Извозчик

Бобы и горох здесь совсем подмоченные, чтоб их черт побрал; того и гляди, что у бедной скотины черви заведутся. Всё в этом и доме пошло вверх дном с тех пор, как умер конюх Робин.

1-й Извозчик

Бедняга! Как овес вздорожал, он ни в чем радости не видел; оттого ему и смерть приключилась.

2-й Извозчик

По части блох, на мой взгляд, на всей лондонской дороге это самый паршивый постоянный двор. Я весь в пятнах, как линь.

1-й Извозчик

Как линь? А меня до первых петухов искушали лучше любого короля во всем христианском мире.

2-й Извозчик

Еще бы! Ночных горшков никогда не ставят, и приходится мочиться в камин; а от этого блохи разводятся, как пескари.

1-й Извозчик

Эй, конюх! Поди сюда, черт бы тебя побрал, поди сюда!

2-й Извозчик

Я должен доставить свиной окорок и два тюка имбиря в самый Чаринг-кросс.

1-й Извозчик

О господи! Мои индюшки в корзине чуть с голоду не подошли. Эй, конюх! Чума на тебя! Что у тебя, нет глаз во лбу? Оглох ты, что ли? Будь я подлец, если разбить тебе башку не такое же хорошее дело, как выпить. Поди сюда, черт бы тебя побрал! Что, совести в тебе нет?

Входит Гедсхиль.

Гедсхиль

С добрым утром, извозчики. Который час?

1-й Извозчик

Я думаю, около двух.

Гедсхиль

Одолжи-ка мне свой фонарь. Я хочу в конюшню пойти, посмотреть на своего мерина.

1-й Извозчик.

Ну, нет. Я знаю штуки похитрее, которые двух таких стоят.

Гедсхиль

Ну, так ты одолжи, прошу тебя.

2-й Извозчик

Была нужда! Одолжить тебе свой фонарь, говоришь? Пусть сначала тебя повесят.

Гедсхиль

Скажите-ка мне, к которому часу думаете вы поспеть в Лондон?

2-й Извозчик

Достаточно рано, чтобы лечь спать при свече, уверяю тебя. — Пойдем, сосед Мегс, пора будить господ. Они хотят ехать в компании, так как у них поклажи много.

Уходят извозчики.

Гедсхиль

Эй, слуга!

Трактирный слуга
(за сценой)

Мигом, как говорит грабитель.

Гедсхиль

С таким же успехом ты мог бы сказать: «Мигом, как говорит трактирный слуга»; разница между тобой и грабителем не больше, чем между подстрекателем и исполнителем. Ты показываешь нам, как надо грабить.

Входит Трактирный слуга.

Трактирный слуга

С добрым утром, мистер Гедсхиль. То, что вчера вечером я вам говорил, оказалось правильным. У нас остановился один землевладелец из Кентских диких степей; он везет с собою триста марок золотом; я слышал, как он рассказывал об этом вчера за ужином одному из своих спутников. А тот что-то вроде аудитора; везет он с собою тоже много поклажи, неизвестно какой. Они уже встали, велели подать себе яйца и масло и скоро тронутся в путь.

Гедсхиль

Ручаюсь тебе головой, что не миновать им встречи с ребятами святого Николая.

Трактирный слуга

Мне голова твоя не нужна; побереги ее лучше для палача. Ведь я знаю, что ты чтешь святого Николая, насколько может чтить его плут и обманщик.

Гедсхиль

Что ты мне толкуешь про палача? Если меня повесят, то получится жирная пара висельников. Ведь

если меня повесят, так вместе со мною повесят и старого сэра Джона, а он, как тебе известно, не заморыш. Брось! Найдутся еще такие троянцы, какие тебе и не снились; они ради забавы оказывают честь нашему ремеслу, и поэтому, если бы нашими делами вздумали заинтересоваться, они, заботясь о самих себе, отлично всё уладят. Мои союзники — не какие-нибудь бродяги, которые выходят с дубинами грабить на шесть пенсов, не безмозглые рыжебородые пьяницы, а люди знатные и степенные, бургомистры и богачи, которые умеют за себя постоять и больше дерутся, чем говорят, больше говорят, чем пьют, и больше пьют, чем молятся. Впрочем, я заврался: они всё время молятся своему святому — государству, или, лучше сказать, не молятся ему, а грабят его, катаются на нем верхом, топчут, как свои сапоги.

Трактирный слуга

Как, государство — их сапоги? А выдержит ли оно такую грязь?

Гедсхиль

Выдержит, выдержит — правосудие его смазывает. Мы ворует, как за крепкой стеной, с полной безопасностью. У нас есть при себе папоротниковый цвет, и мы ходим невидимками.

Трактирный слуга

Я полагаю, что вы ходите невидимками благодаря ночной темноте, а не папоротниковому цвету.

Гедсхиль

Дай мне руку; ты получишь свою долю в добыче, — клянусь тебе как честный человек.

Трактирный слуга
Нет, поклянись лучше как вор и мошенник.

Гедсхиль

Брось, пожалуйста. Номо¹ — общее название для всех людей. Вели конюху вывести моего мерина из конюшни. Прощай, грязный плут.

Уходят.

СЦЕНА 2

Большая дорога близ Гедсхилия.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Пойнс

Скорей спрячемся! Я увел лошадь Фальстафа, и его коробит, как накрахмаленный бархат.

Принц Генрих

Отойди в сторонку.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Пойнс! Пойнс, чтоб тебя повесили! Пойнс!

Принц Генрих

Тихо, пузатая каналья! Чего ты орешь!

Фальстаф

Где Пойнс, Хел?

¹ Человек (лат.).

Принц Генрих

Он поднялся на вершину холма. Пойду поищу его. *(Делает вид, что ищет Пойнса.)*

Фальстаф

Чистое проклятье — грабить в компании этого вора, каналья увел мою лошадь и привязал ее неизвестно где. Если я сделаю пешком еще ровно четыре шага, — я испущу дух. А я всё же надеюсь умереть как честный человек, если только меня не повесят за убийство этого негодяя. Вот уж двадцать два года, как я ежечасно закаиваюсь водить с ним компанию, но этот негодяй околдовал меня. Пусть меня повесят, если этот плут не опоил меня каким-нибудь зельем, что я так привязался к нему; не иначе, как опоил меня. Пойнс! Хел! Чума на вас обоих! Бардольф! Пето! Пусть я околею с голода, если хоть один еще шаг сделаю вперед! Пусть я буду последним из холопов, что зубами пищу жевали, если не предпочту бросить этих негодяев и снова сделаться честным человеком; это так же верно, как то, что выпивка — лучшая вещь на свете. Сделать пешком восемь ярдов по неровной почве для меня всё равно, что для другого семьдесят миль, и эти бессердечные подлецы отлично это знают. Чума их побери, если вор с вором не может быть честным. *(Слышит свист.)* Фью! Чума на всех вас! Эй, вы, негодяи, отдайте мне мою лошадь! Отдайте мне ее, и пусть вас повесят!

Принц Генрих

Замолчи, жирное брюхо! Приложи ухо к земле и прислушайся, не едут ли путники?

Фальстаф

А у вас есть рычаги, чтобы поднять меня потом? Черт возьми! Я никогда больше не потащу так далеко свое тело за все деньги, какие есть в казне твоего отца. Какого дьявола поднимаете вы меня на смех?

Принц Генрих

Врешь; мы тебя не поднимаем, а спускаем с лошади.

Фальстаф

Прошу тебя, добрый принц Хел, помоги мне найти мою лошадь, добрый королевский сын.

Принц Генрих

Еще чего, негодяй? Что я тебе — конюх?

Фальстаф

Так иди повесься на собственной подвязке, которую ты носишь как наследник. Если я попадусь, то достанется и тебе. Пусть я отравлюсь стаканом хереса, если про вас всех не сочинят баллад и не станут распевать их на самые мерзкие мотивы. Терпеть не могу, когда шутка заходит так далеко, да еще пешком.

Входят Гедсхиль, Бардольф и Пето.

Гедсхиль

Стой!

Фальстаф

Я и так стою, хоть и против воли.

Пойнс

О, это наша ищейка. Узнаю его по голосу. Что нового?

Бардольф

Прикройтесь, прикройтесь, надевайте маски! Королевские монеты спускаются с холма; они едут в королевское казначейство.

Фальстаф

Врешь, негодяй: они едут в королевский кабаk.

Гедсхиль

Их хватит на всех нас.

Фальстаф

Чтобы всех нас повесить.

Принц Генрих

Господа, вы четверо нападете на них на узкой тропинке. Нед Пойнс и я станем ниже; если они удерут от вас, то попадут нам в руки.

Пето

Сколько их всего?

Гедсхиль

Человек восемь или десять.

Фальстаф

Ого! Как бы они нас не ограбили!

Принц Генрих

Как? Трусись, сэр Джон Толстое Пузо?

Фальстаф

Конечно, я не ваш дедушка сэр Джон Гонт; но и не трус, Хел.

Принц Генрих

Ладно, мы увидим это на деле.

Пойнс

Эй, Джек, твоя лошадь стоит за забором; когда она тебе понадобится, можешь найти ее. Прощай и держись крепко.

Фальстаф

Черт побери, жаль, что я не могу поколотить его.

Принц Генрих

(тихо Пойнсу)

Нед, где же наши плащи?

Пойнс

Здесь поблизости; спрячемся.

Уходят принц Генрих и Пойнс.

Фальстаф

Ну, господа, ловите свое счастье. Все по местам.

Входят путешественники.

1-й Путешественник

Идем, сосед. Мальчик сведет наших лошадей с горы, а мы пока пройдемся пешком, разомнем ноги.

Воры

Стой!

Путешественники

Спаси нас, Господи!

Фальстаф

Бей! Вали их! Режь подлецам горло! Ах, проклятые гусеницы, жирные мерзавцы! Они ненавидят нас, молодежь. Вали их! Обирай их!

Путешественники

О, мы разорены вконец, мы и наши семьи!

Фальстаф

Повесить бы вас, толстопузые мерзавцы! Вы разорены? Нет, жирные скряги! Хотел бы я, чтобы все ваши кладовые были здесь с вами! Марш, окорока, марш! Ах, вы, мерзавцы! Молодежи тоже надо жить! Вы, пожалуй, присяжные судьи? Так вот, мы сейчас вас рассудим.

Уходят Фальстаф и другие, уводя с собой
путешественников.

Входят принц Генрих и Пойнс, переодетые.

Принц Генрих

Воры связали честных людей. Если нам теперь удастся ограбить воров и весело вернуться в Лондон, то мы сможем рассказывать об этом целую неделю, смеяться над этим целый месяц и с удовольствием вспоминать всю жизнь.

Пойнс

Спрячемся: я слышу их шаги.

Входят воры.

Фальстаф

Ну, милые мои, поделим добычу, а затем, прежде чем рассветет, на лошадей! Если принц и Пойнс — не два отъявленных труса, то на свете нет больше справедливости. В этом Пойнсе не больше храбрости, чем в дикой утке.

Принц Генрих
(бросаясь на них)

Отдавайте деньги!

Пойнс

Негодяи!

В то время как воры заняты дележом добычи,
Принц и Пойнс нападают на них. Они разбегаются,
и Фальстаф после двух-трех ударов тоже бежит,
бросив добычу.

Принц Генрих

Легко досталось. Живо на коней!
Грабители таким объята страхом,
Что трусить начали один другого,
Самих себя за стражу принимая.
В путь, Нед! Фальстаф наш до смерти вспотел
И по дороге удобряет землю.
Не будь он так смешон, его б жалел я.

Пойнс

Как плут вопил!

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Комната в замке.

Входит Хотспер, читая письмо.

Хотспер

«Что касается меня лично, милорд, то вследствие любви, которую я питаю к вашему дому, я был бы счастлив, если бы мог примкнуть к вам». Он был бы

счастлив! Так почему же его нет здесь? Из любви, которую он питает к нашему дому... Он, однако, доказывает своим письмом, что его собственный сарай ему дороже нашего дома. Посмотрим, что он пишет дальше. «Предприятие ваше — опасное». Конечно, опасное; опасно также простудиться, спать, пить; но я могу вас уверить, милорд дурак, что среди этой крапивы, которую называют опасностью, мы сорвем цветок, называемый безопасностью. «Предприятие ваше — опасное; друзья, которых вы называете, ненадежны; время неподходящее, и весь ваш заговор слишком легковесен для борьбы с таким сильным противником». Вы так полагаете? А я вам на это скажу, что вы пустоголовый трус и что вы лжете. Что за дурак! Клянусь Господом, наш заговор не хуже всякого другого. Наши друзья верны и надежны; хороший заговор, хорошие друзья и очень надежные; великолепный заговор, очень хорошие друзья. Что за холодный, как лед, негодяй! Архиепископ Йоркский одобряет и заговор и весь ход дела. Черт побери! Если бы он мне теперь попался, я бы вышиб из него мозги веером его жены. Разве в этом предприятии не участвуют мой отец, мой дядя и я? Лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендаур? Да еще и Дуглас? Разве не получил я от всех письма с обещанием присоединиться ко мне с войсками девятого числа следующего месяца, и разве некоторые из них уже не выступили в поход? Что за язычник! Нечестивец! Пожалуй еще, при своей искренней трусости и малодушии, он отправится к королю и откроет ему все наши замыслы. О, я готов разделить надвое и надавать себе пощечин за то, что предложил такому молокососу участие в столь почетном предприятии. Черт с ним! Пусть расскажет королю. Мы готовы. Я выступаю сегодня в ночь.

Входит леди Перси.

Здравствуй, Кет! Я должен покинуть тебя через
два часа.

Леди Перси

О мой супруг, зачем вы всё одни?
Отрешена за что я две недели
От ложа Гарри моего? Скажи,
Мой дорогой, что гонит аппетит твой,
И радости, и сон твой золотой?
Всё долу взор зачем ты опускаешь,
Когда ж один, ты вздрагиваешь часто?
Что молодую кровь со щек согнало,
И для чего сокровища мои
И право на тебя мое ты отдал
Туманным мыслям и проклятой грусти?
За дремой чуткой я твоей следила;
Ты о железных войнах бормотал,
Ты управлял своим конем горячим,
Кричал: Смелее в бой!» и говорил
Про вылазки, отходы, рвы, палатки,
Про брустверы, окопы, частоколы,
Про василиски, пушки, кулеврины,
Про выкуп пленных, про солдат убитых.
Про все события боев горячих.
Так поглощен войною был твой дух,
Ты так во сне взволнован этим был,
Что бисер пота покрывал твой лоб,
Как пузыри — встревоженный поток;
Твое лицо так странно изменилось,
Как у того, кто затаил дыхание
Пред грозным чем-нибудь. Что это означает?
Супруг мой занят трудным делом. Я
Всё знать должна, иль он меня не любит.

Хотспер

Эй, кто-нибудь!

Входит Слуга.

Ушел с пакетом Джильямс?

Слуга

Ушел, милорд, он с час назад.

Хотспер

Коней доставил Бетлер от шерифа?

Слуга

Сейчас доставил одного.

Хотспер

Наверно, чалый он и корноухий?

Слуга

Да.

Хотспер

Будет чалый троном мне. Сейчас
Я сяду на него. О Espérance!
Скажи, чтоб Бетлер в парк его отвел.

Уходит Слуга.

Леди Перси

Послушайте, милорд.

Хотспер

Что скажете, миледи?

Леди Перси

Что вас отсюда прочь уносит?

Хотспер

Мой конь, любимая, мой конь.

Леди Перси

Ах, глупая мартышка!
Наверно, меньше в ласочке причуд,
Чем в вас. Нет, правда, знать дела
Хочу я ваши, Гарри, я хочу.
Боюсь, что брат мой Мортимер за право
Свое восстал и просит вас помочь
Его затее. Но коль вам пойти...

Хотспер

Так далеко — пешком, мой друг? Устану.

Леди Перси

Ну, полно, попугай, ответьте прямо
На тот вопрос, что вам я задаю.
Клянусь тебе, мизинец я сломаю,
Коль правды всей не скажешь, Гарри, мне.

Хотспер

Нет, нет,
Шалунья, прочь! Любовь? Я не люблю.
Нет дела до тебя мне, Кет. Не время
Теперь для кукол и губных турниров;
Носов разбитых, черепов дырявых
Побольше нам давай! — Коня скорей!
Что, Кет? Чего ты хочешь от меня?

Леди Перси

Не любите меня вы? Правда, нет?
Ну, что ж? Когда в вас нет любви ко мне,
Я разлюблю себя. В вас нет любви?
Вы шутите иль нет, скажите прямо.

Хотспер

Проводишь ты меня?
Сев на коня, в любви я безграничной
Тебе дам клятву; но послушай, Кет:
Впредь не должна ты спрашивать меня,
Куда, зачем я еду. Я спешу,
Куда мне надо. Словом, нынче в ночь
Я вас покину, дорогая Кет.
Я знаю, ты умна, — всё ж не умнее
Супруги Гарри Перси; ты тверда,
Но женщина, хоть в отношение тайн
Столь скрытной леди нет; и я уверен,
Не станешь ты болтать, чего не знаешь;
Настолько я тебе доверюсь, Кет.

Леди Перси

Настолько?

Хотспер

И больше ни на дюйм. Заметьте, Кет:
Куда мой путь — и ваш туда ведет;
Я нынче еду, завтра — ваш черед.
Теперь довольны вы?

Леди Перси

Да, поневоле.

Уходят.

СЦЕНА 4

Истчип. Комната в трактире «Кабанья голова».

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Нед, прошу тебя, выйди из этой засаленной комнаты и помоги мне посмеяться немного.

Пойнс

Где ты был, Хел?

Принц Генрих

С тремя или четырьмя болванами среди шести или восьми десятков бочек. Я коснулся самой низкой струны самоуничижения. Ей-богу, я побратался со всей оравой трактирных слуг и могу каждого назвать по имени, которое дано ему было при крещении: Том, Дик, Френсис. Они клялись мне спасением души, что, хоть я пока еще только принц Уэльский, но по обходительности я уже король, и говорили мне прямо в лицо, что я — не чванный дурак, как Фальстаф, а настоящий коринфянин — весельчак и добрый малый (ей-богу, они так меня называют), и что когда я сделаюсь английским королем, то все истчипские молодцы будут готовы служить мне. Напиться у них называется «нарумяниться», а когда вы хотите передохнуть во время питья, они кричат вам: «А ну-ка!» и требуют, чтобы вы осушили чашу до дна. Словом, я за четверть часа сделал такие успехи, что всю жизнь могу пьянствовать с любым медником, разговаривая с ним на его языке. Уверяю тебя, Нед, твоя честь сильно пострадала от того, что ты не участвовал в этом деле. Но, сладкий мой Нед, — а чтобы еще боль-

ше подсластить твое имя, даю тебе этот кусок сахару стоимостью в один пенс, который только что всучил мне мальчишка-прислужник, из тех, что умеют по-английски сказать только: «Восемь шиллингов и шесть пенсов» или: «Добро пожаловать», с пронзительным добавлением: «Сейчас, сейчас, сэр! Пинту сладкого вина в комнату Полумесяца!» Так вот, Нед, чтобы скоротать время до прихода Фальстафа, уйди, прошу тебя, в соседнюю комнату, пока я буду допрашивать моего юнца-слугу, для чего он дал мне этот сахар, а ты всё время зови его оттуда: «Френсис!» так, чтобы он ничего не отвечал мне кроме: «Сейчас». Ступай, и я покажу тебе, как это надо делать.

Пойнс

Френсис!

Принц Генрих

Отлично.

Пойнс

Френсис!

Уходит Пойнс. Входит Френсис.

Френсис

Сейчас, сейчас, сэр! — Ступай в комнату Гранатового яблока, Ральф.

Принц Генрих

Поди сюда, Френсис!

Френсис

Что прикажете?

Принц Генрих

Сколько тебе еще осталось служить, Френсис?

Френсис

Да еще пять лет, столько же, сколько...

Пойнс
(за сценой)

Френсис!

Френсис

Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих

Пять лет! Долгонько же тебе придется еще греметь посудой! Но скажи, Френсис, хватит ли у тебя храбрости разыграть труса перед твоим контрактом и, показав ему славную пару пяток, удрать?

Френсис

О господи, сэр! Я готов поклясться на всех Библиях в Англии, что у меня хватит храбрости...

Пойнс
(за сценой)

Френсис!

Френсис

Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих

А сколько тебе лет, Френсис?

Френсис

Дайте сосчитать... В Михайлов день мне исполнится...

Пойнс
(за сценой)

Френсис!

Френсис

Сейчас, сэр! — Прошу вас, обождите немного, сударь.

Принц Генрих

Хорошо. Но послушай, Френсис, ведь сахар, который ты мне дал, стоил один пенс, не так ли?

Френсис

О господи, сэр! Я очень хотел бы, чтобы он стоил два пенса.

Принц Генрих

Я тебе дам за него тысячу фунтов. Попроси, когда захочешь, и получишь их.

Пойнс
(за сценой)

Френсис!

Френсис

Сейчас, сейчас.

Принц Генрих

Сейчас, Френсис? Нет, сейчас не могу. Френсис, но завтра, Френсис, или, Френсис, в четверг. Одним словом, Френсис, когда захочешь. Но, Френсис...

Френсис

Что прикажете?

Принц Генрих

Можешь ты ограбить этого человека в кожаной куртке со стеклянными пуговицами, гладко остриженного, с агатовым перстнем, в серых чулках с подвязками из шерстяных лент, со вкрадчивой речью, с испанской сумкой...

Френсис

О господи, сэр, о ком это вы говорите?

Принц Генрих

Ну, я вижу, ты только и умеешь что разносить сладкое вино. Но смотри, Френсис, не испачкай свою белую куртку. В Берберии, сэр, это так скоро не делается.

Френсис

Что, сэр?

Пойнс
(за сценой)

Френсис!

Принц Генрих

Ну, марш, негодяй! Разве ты не слышишь, что тебя зовут?

Они начинают оба звать его. Френсис стоит растерянный и не знает, куда ему идти.

Входит Буфетчик.

Буфетчик

Это что? Ты тут стоишь и не слышишь, что тебя зовут? Пойди туда к господам.

Уходит Френсис.

Милорд, там стоит у двери старый сэр Джон с полдюжиной людей. Прикажете впустить их?

Принц Генрих

Пусть подождут немного, а потомпусти.

Уходит Буфетчик.

Пойнс!

Входит Пойнс.

Пойнс

Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих

Знаешь, Фальстаф и остальные воры стоят у дверей. Позабавиться?

Пойнс

Позабавимся, как сверчки, голубчик. И ловко же вы дурачили мальчишку-слугу! Чем у вас кончилось?

Принц Генрих

Я теперь готов на все шалости, какие только проделывались со времен Адама до этой юной полуночи.

Входит Френсис с вином.

Который час, Френсис?

Френсис

Сейчас, сейчас, сэр.

Уходит.

Принц Генрих

У этого малого слов меньше, чем у попугая, хотя он и рожден женщиной. Всё его занятие — это только бегать вверх и вниз, а всё его красноречие — доклады-вать счета. Я всё еще не в таком настроении, как Перси, Горячая Шпора Севера. Перебив до завтрака шесть или семь дюжин шотландцев, он затем, вымыв руки, говорит жене: «Мне надоела эта спокойная жизнь! Мне не хватает дела!» — «О милый Гарри! — спрашивает она, — сколько человек ты убил сегодня?» — «Напоите моего Чалого, — говорит он и отвечает через час: — Человек четырнадцать, сущие пустяки!» Пожалуйста, позови Фальстафа. Я буду изображать Перси, а эта проклятая туша леди Мортимер — его жену. «Rivo!» — как говорят пьяницы. Зови этот окорок, зови этот кусок сала.

Входят Фальстаф, Гедсхиль, Бардольф
и Пето.

Пойнс

Милости просим, Джек. Где ты был?

Фальстаф

Чума на всех трусов, говорю я, и отмщенье на них! — Дай мне стакан хересу, малый. — Лучше я буду вязать чулки, штопать их и чинить пятки, чем продолжать такую жизнь. Чума на всех трусов! — Дай мне стакан хересу, негодяй. — Неужели на свете нет больше добродетели? (*Пьет.*)

Принц Генрих

Видал ли ты, как Титан лобзает тарелку с маслом (сострадательный Титан!), и оно тает от ласковых речей солнца? Если не видал, то посмотри на эту тушу.

Фальстаф

Мерзавец, в этот херес подмешана известь! Ничего, кроме подлости, от мерзавцев не дождешься. Но трус, гнусный трус еще хуже, чем стакан хереса с известью. Ступай своей дорогой, старый Джек! Умри, когда хочешь. Пусть я буду выпотрошенной селедкой, если мужество, истинное мужество, не исчезло с лица земли. Во всей Англии осталось неповешенными только трое порядочных людей, да и то один из них растолстел и начал стареть, — помоги им Бог! Нет, говорю я, мир совсем испортился. Я хотел бы быть ткачом — распевать псалмы и тому подобное. Чума на всех трусов, повторяю я.

Принц Генрих

Что такое ты там ворчишь, мешок, набитый шерстью?

Фальстаф

И это королевский сын! Пусть у меня волосы на лице больше не растут, если я тебя не выгоню из твоего королевства деревянным мечом и не погоню перед тобой твоих подданных, как стадо диких гусей. И это — принц Уэльский!

Принц Генрих

Что такое, жирный ублюдок? Чего тебе надо?

Фальстаф

Разве ты не трус? Отвечай мне. И Пойнс тоже?

Пойнс

Ах ты, брюхан! Если ты еще раз назовешь меня трусом, я тебя заколю.

Фальстаф

Я назвал тебя трусом? Будь ты раньше проклят, чем я назову тебя трусом. Но я дал бы тысячу фунтов за умение бегать так быстро, как ты. Плечи у вас прямые, и вы не боитесь показывать спину. Но разве это называется быть опорой друзьям? Черт с ней, с такой опорой! Мне нужны такие друзья, которые стояли бы ко мне лицом. — Дайте мне стакан хереса; будь я подлец, если хоть капля во рту с утра была.

Принц Генрих

Вот негодяй! После недавней выпивки еще губ не утер.

Фальстаф

Не все ль равно? (*Пьет.*) Еще раз скажу: чума на всех трусов.

Принц Генрих

В чем дело?

Фальстаф

В чем дело? В том, что четверо из находящихся здесь сегодня утром раздобыли тысячу фунтов.

Принц Генрих

Где же они, Джон, где же они?

Фальстаф

Где они? Их у нас отняли. На нас, несчастных четверых, напала целая сотня.

Принц Генрих

Как? Неужели целая сотня?

Фальстаф

Будь я подлец, если в течение двух часов не скрепчивал своего меча с целой дюжиной. Я спасся чудом. Моя куртка продырявлена в восьми местах, штаны в четырех, щит мой насквозь проколот, меч иззубрен, как пила: ессе signum.¹ Никогда еще с тех пор, как я стал взрослым мужчиной, я не дрался лучше, но всё напрасно. Чума на всех трусов! — Пусть вот они расскажут. Если они что-нибудь прибавят к истине или убавят из нее, они будут подлецами, исчадиями тьмы.

Принц Генрих

Расскажите, господа, как было дело.

Гедсхиль

Мы напали вчетвером на дюжину...

Фальстаф

Шестнадцать, сударь, по крайней мере шестнадцать.

Гедсхиль

Мы их связали.

Пето

Нет, нет, мы их не связывали.

Фальстаф

Молчи, негодяй. Мы их связали, всех до одного связали. Будь я еврей, гнусный еврей, если это не так.

¹ Вот знак, доказательство (лат.).

Гедсхиль

Когда мы стали делить добычу, вдруг явилось еще человек шесть или семь.

Фальстаф

Они развязали тех, прежних. А тут подоспели и другие.

Принц Генрих

Как, и вы со всеми ними сражались?

Фальстаф

Со всеми! Я не знаю, что ты называешь «всеми»! Но будь я пучком редиски, если я не скрещивал меча по крайней мере с пятьюдесятью. Пусть я перестану быть двуногим существом, если на долю бедного старого Джека не пришлось пятьдесят два или пятьдесят три человека.

Принц Генрих

Господи, помилуй! Надеюсь, ты не убил никого из них?

Фальстаф

Поздно об этом молиться: двоих из них я изрубил в крошки; с двумя, я уверен, покончен расчет, с двумя негодьями в клеенчатых плащах. Уверяю тебя, Хел! Если я говорю неправду, плюнь мне в лицо и назови меня лошадью. Ты знаешь мою обычную манеру фехтовать: вот я стал, так держал шпагу. Четверо негодяев в клеенчатых плащах набросились на меня.

Принц Генрих

Как, четверо? Ты только что сказал, что их было двое.

Фальстаф

Четверо, Хел. Я сказал тебе, что четверо.

Пойнс

Да, да, ты сказал — четверо.

Фальстаф

Эти четверо выстроились в ряд и напали прямо на меня. Я, не говоря дурного слова, отразил щитом все семь ударов.

Принц Генрих

Семь? Их только что было четверо.

Фальстаф

В клеенчатых плащах?

Пойнс

Ну, да, четверо в клеенчатых плащах.

Фальстаф

Семеро, клянусь, рукоятью этой шпаги; будь я подлец, если не так.

Принц Генрих

Пожалуйста, не мешай ему: скоро их станет еще больше.

Фальстаф

Ты слушаешь меня, Хел?

Принц Генрих

И даже очень внимательно, Джек.

Фальстаф

Так и следует, потому что это достойно внимания.
Так вот эти девять человек в клеенчатых плащах...

Принц Генрих

Так, еще двое прибавилось.

Фальстаф

...так как их клинки сломались...

Пойнс

То штаны с них свалились.

Фальстаф

...то они начали отступать, но я вплотную стал их преследовать, нога в ногу, рука в руку, и в одно мгновение покончил с семью из одиннадцати.

Принц Генрих

Это ужасно! Из двух человек в клеенчатых плащах выросло одиннадцать.

Фальстаф

Но тут черт вмешался в дело, трое негодяев в зеленых куртках из кендальского сукна зашли сзади и набросились на меня. А было так темно, Хел, что нельзя было разглядеть собственной руки.

Принц Генрих

Эта ложь похожа на своего отца, породившего ее: огромная, как гора, явная, очевидная. Как ты, требуха, набитая грязью, шут гороховый, ублюдок непотребный, ком свечного сала...

Фальстаф

Что ты, с ума сошел? С ума сошел? Ведь что правда, то правда!

Принц Генрих

Как ты мог знать, что люди одеты в зеленые куртки из кендальского сукна, если, по твоим же словам, было так темно, что собственную руку нельзя было разглядеть? Объясни нам это. Ну, что ты скажешь?

Пойнс

Объясни, Джек, объясни.

Фальстаф

Как? По принуждению? Нет! Если бы вы меня вздернули на дыбу и подвергли каким угодно пыткам, я и тогда ничего бы вам не рассказал по принуждению. Объяснять по принуждению! Если бы у меня этих объяснений было больше, чем ежевики в лесу, я и то по принуждению не стал бы их выкладывать.

Принц Генрих

Я не хочу больше быть участником этого греха. Этот краснокожий трус, этот давитель постелей, этот ломатель лошадиных хребтов, эта огромная гора мяса...

Фальстаф

Молчи, заморыш, шкурка от угря, сушеный коровий язык, хвост волчий, вяленая треска, — за один дух не перечислишь всего, на что ты похож, портняжный аршин, пустые ножны, колчан, паршивая рапира...

Принц Генрих

Отдышись немного, затем продолжай; а когда устанешь подбирать дурацкие сравнения, тогда послушай, что я тебе скажу.

Пойнс

Слушай, Джек, внимательно.

Принц Генрих

Мы двое видели, как вы вчетвером напали на четверых, связали их и забрали их имущество. Замечай, как простой наш рассказ совершенно обличает вас. Затем мы вдвоем напали на вас четверых и заставили вас немедленно бросить добычу, которую мы и забрали: мы можем показать вам ее, — она здесь, в доме. — А ты, Фальстаф, быстrehонько и проворно унес свои потроха, вопя о пощаде; я еще никогда ни одного теленка не видел, который бы так исправно бежал и ревел. И подлость же это с твоей стороны — иззубрить свою шпагу и потом рассказывать, что ты бился ею. Какую же хитрость, какую уловку или лазейку придумаешь ты теперь, чтобы прикрыть свой очевидный и явный позор?

Пойнс

Ну, Джек, какую же хитрость ты придумаешь?

Фальстаф

Клянусь Создателем, я сразу же вас узнал, как родной отец. Послушайте меня, голубчики! Смел ли я убить наследного принца? Неужели бы я стал сражаться с настоящим принцем? Ты знаешь, я храбр, как Геркулес; но всё дело в инстинкте: лев никогда

не тронет настоящего принца. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно вел себя трусом. Я отныне буду еще лучшего мнения о себе и о тебе, о себе — как о льве, о тебе — как о настоящем принце. Но, ей-богу, голубчики, я рад, что деньги находятся у вас. — Хозяйка, двери на запор! Сегодня ночью повеселимся, а завтра помолимся! Ну, храбрые ребята, молодцы, золотые сердца, — уж и не знаю, как вас назвать, славные мои товарищи! Почему бы нам не повеселиться? Не сыграть ли нам экспромтом какую-нибудь комедию?

Принц Генрих

Согласен; и содержанием будет твое бегство.

Фальстаф

Довольно об этом, Хел, если ты меня любишь.

Входит Хозяйка.

Хозяйка

Господи Иисусе! Милорд принц...

Принц Генрих

Что тебе, миледи хозяйка? Что скажешь?

Хозяйка

Ей-богу, милорд, у дверей стоит какой-то придворный: он хочет поговорить с вами и уверяет, что его послал ваш батюшка.

Принц Генрих

Дай ему крону, если он от короля, и отошли его обратно к моей матушке.

Фальстаф

Каков он из себя?

Хозяйка

Старый человек.

Фальстаф

Зачем же почтенная старость в этот полуночный час не в постели? Может быть, мне передать ему ваш ответ?

Принц Генрих

Пожалуйста, Джек.

Фальстаф

Отлично, я его живо спроважу.

Уходит.

Принц Генрих

Честное слово, господа, вы отлично сражались: вы, Пето, и вы, Бардольф; вы оба показали себя львами и обратились в бегство благодаря инстинкту, чтобы не тронуть настоящего принца. Стыдитесь!

Бардольф

Право, я побежал, когда увидел, что другие бегут.

Принц Генрих

А теперь скажите по правде: как это случилось, что шпага Фальстафа так иззубрена?

Пето

Очень просто: он иззубрил ее своим кинжалом и заявил, что если бы даже ему пришлось божиться до

тех пор, пока он не выгонит правду из Англии, — он заставит вас поверить, что это случилось в сражении. Он и нам советовал сделать то же самое.

Бардольф

Он еще уговаривал нас разбередить себе носы до крови репейником и вымазать себе этой кровью платье, а потом клятвенно уверять, что это — кровь честных людей. Со мной случилось то, чего уже семь лет не было: я покраснел от его мерзких выдумок.

Принц Генрих

Негодяй, ты восемнадцать лет тому назад украл стакан хереса, но тебя поймали с поличным, и с тех пор ты приобрел способность в любую минуту краснеть. Ты отлично мог действовать огнем и мечом. Какой же инстинкт руководил тобой?

Бардольф

Милорд, вы видите эти метеоры? Знакомы вам эти протуберанцы?

Принц Генрих

Знакомы.

Бардольф

Как вы думаете, о чем они говорят?

Принц Генрих

О горячей печени и холодном кошельке.

Бардольф

О пылком нраве, милорд, говоря по правде.

Принц Генрих

Нет, уж если говорить по правде, то о виселице.

Входит Фальстаф.

Вот идет тощий Джек, кожа да кости. Ну, как дела, ватная подкладка? Сколько лет, Джек, ты не видел своих собственных колен?

Фальстаф

Моих собственных колен? Когда я был твоих лет, Хел, моя талия была не толще орлиной лапы. Я мог бы пролезть сквозь перстень с большого пальца олдермена. Черт бы побрал горе да заботы! Они раздувают человека, как пузырь. Скверные вести: сюда приходил от вашего отца сэр Джон Бреси; завтра утром вам придется явиться ко двору. Этот скверный сумасброд Перси и тот валлиец, который отколотил Амемона, наставил рога Люциферу и заставил дьявола присягнуть ему на кресте уэльской алебарды, этот — черт поberi, как его зовут?..

Пойнс

Глендаур?

Фальстаф

Оуэн Глендаур, он самый, и зять его Мортимер, и старый Нортемберленд, и самый прыткий из всех шотландцев, Дуглас, который въезжает верхом на отвесную гору...

Принц Генрих

Тот, что на полном скаку убивает из пистолета воробья?

Фальстаф

Вы попали в цель.

Принц Генрих

Лучше, чем он в воробья.

Фальстаф

Да, этот плут не из трусливых: наутек не пустится.

Принц Генрих

Что же это ты, плут, хвалишь его за проворство!

Фальстаф

Ах ты, кукушка! Это верхом, а пешком он ни на шаг не отступит.

Принц Генрих

Конечно, Джек, по инстинкту.

Фальстаф

Будь по-твоему, по инстинкту. Так вот, он тоже с ними, и еще какой-то Мордек вместе с тысячью синих шапок. Вустер удрал сегодня ночью. От этих новостей у твоего отца борода сразу поседела. Земля будет продаваться дешевле тухлой макрели.

Принц Генрих

Значит, если в июне будет жарко и гражданская потасовка продлится, то девственниц можно будет покупать сотнями, как гвозди для подков?

Фальстаф

Верно, голубчик, клянусь мессой; без сомнения, этот товар сильно подешевеет. Но, признайся, Хел,

ты сильно стряхнул? Для тебя, наследного принца, нельзя было бы во всем свете выискать трех более страшных противников, чем этот черт Дуглас, злой дух Перси и дьявол Глендаур? Неужели ты не перетрусил? Неужели у тебя кровь не стынет в жилах?

Принц Генрих

Нисколько, уверяю тебя: мне недостает твоего инстинкта.

Фальстаф

Ладно. А ведь завтра тебя ждет изрядная головомойка, когда ты явишься к отцу. Если ты любишь меня, приготовься к ответу.

Принц Генрих

Изображай моего отца и расспрашивай меня о подробностях моей жизни.

Фальстаф

Это ты мне предлагаешь? Изволь. Пусть этот стул будет моим троном, этот кинжал — скипетром, а эта подушка — короной.

Принц Генрих

Будем считать, что твой трон — складной стул, золотой скипетр — оловянный кинжал, а драгоценная корона — твоя жалкая лысина.

Фальстаф

Если в тебе сохранилась хоть искра благодати, ты будешь сейчас растроган. — Дайте мне стакан хереса, чтобы глаза мои покраснели, словно от слез,

так как я должен говорить с чувством — вроде царя Камбиза.

Принц Генрих

Отлично; вот я отвечаю поклон.

Фальстаф

А я сейчас начну речь. — Отойдите в сторону, лорды.

Хозяйка

Господи Иисусе! Вот так славная потеха!

Фальстаф

«Не лей, супруга, токи слез напрасно».

Хозяйка

Как он выдерживает роль отца!

Фальстаф

«Уйдите, лорды, с грустной королевой:
Ее глазные шлюзы слез полны».

Хозяйка

Господи Иисусе! Совсем как те актеры, что представляют всякую похабщину.

Фальстаф

Молчи, добрая пивная кружка, молчи, славная наливка! — Гарри, меня удивляет не только выбор мест, где ты проводишь свое время, но и общество, в котором ты вращаешься. Хотя ромашка, чем больше ее топчут, тем быстрее растет, но молодость, чем

больше ею злоупотребляют, тем быстрее расходует-ся. Что ты мой сын — я знаю отчасти из слов твоей матери, отчасти по собственным соображениям; но более всего меня убеждает в этом плутоватое выражение твоих глаз и глупо отвисшая нижняя губа. Если же ты мой сын, — а в этом-то всё и дело, — то почему же все на тебя, моего сына, указывали пальцами? Может ли благодатное небесное солнце слоняться без дела и есть ежевику? Никто даже не задаст такого вопроса. Может ли сын английского короля быть вором и похищать кошельки? Этот вопрос всякий задаст. Есть такая вещь, Гарри, о которой ты часто слышал: в нашей стране она называется дегтем. По свидетельству древних авторов, деготь марает; точно так же марает и общество, в котором ты вращаешься. Я говорю тебе, Гарри, испивая чашу не вина, а слез, не шутя, а скорбя не только словами, но и стонами. Но всё же около тебя есть один добродетельный человек, которого я часто видел вместе с тобой, только позабыл его имя.

Принц Генрих

С позволения вашего величества, какого рода этот человек?

Фальстаф

Очень представительный, уверяю тебя, мужчина, хотя и несколько дородный; взгляд у него веселый, глаза приятные, обхождение благородное. Лет ему, я думаю, пятьдесят, а может быть, и около шестидесяти; и теперь я припоминаю, что его зовут Фальстаф. Если он безнравственного поведения, то я очень ошибся, потому что, Гарри, в глазах у него видна добродетель. Если дерево узнается по плодам, а пло-

ды по дереву, то я решительно заявляю, что Фальстаф преисполнен добродетели. Сохрани его, а остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник: где ты пропадал целый месяц?

Принц Генрих

Разве короли так разговаривают? Становись на мое место, а я буду изображать отца.

Фальстаф

Ты меня свергаешь с престола? Пусть меня повесят за ноги, как кролика и зайца у продавца дичи, если выйдет у тебя хоть наполовину так торжественно и величественно в словах и движениях, как у меня.

Принц Генрих

Ну, вот, я сел.

Фальстаф

А я встал. Будьте судьями, господа.

Принц Генрих

Ну, Гарри, откуда вы явились?

Фальстаф

Из Истчипа, ваше величество.

Принц Генрих

До меня дошли очень серьезные жалобы на вас.

Фальстаф

Ей-богу, ваше величество, всё это ложь. (Я тебе покажу молодого принца, увидишь!).

Принц Генрих

Ты клянешься, негодный мальчишка? Ну, так не смей и глаз на меня подымать. Ты насильственно совлечен с пути праведного: тобой овладел дьявол в образе жирного старика; твой приятель — бочка, а не человек. Зачем ты водишь дружбу с этим сундуком жидкостей, с этим вместилищем скотства, с этой вздутой водянкой, с этой огромной бочкой хереса, с этим чемоданом, набитым требухой, с этим невыпотрошенным зажаренным меннингтрийским быком, с этим достопочтенным Пороком, седым Безбожием, с этим старым негодяем, с этим престарелым Тщеславием? На что он годен? Разве только на то, чтобы наливать херес и пить его! В чем он аккуратен и опрятен? Только в разрезании и пожирании каплунов! В чем ловок? Только в обмане. В чем расторопен? В плутовстве. В чем презренен? Во всем. В чем достоин? Ни в чем.

Фальстаф

Я просил бы, ваше величество, объяснить мне, кого вы имеете в виду?

Принц Генрих

Я говорю о мерзком развратителе юности, о Фальстафе, этом старом белобородом сатане.

Фальстаф

Ваше величество, он мне известен.

Принц Генрих

Я знаю, что он тебе известен.

Фальстаф

Но если бы я сказал, что знаю за ним больше дурного, чем за самим собой, я бы солгал. То, что он стар, к сожалению, — об этом свидетельствуют его

седины, но чтобы он, с позволения вашего величества, был развратником, это я решительно отрицаю. Если пить херес с сахаром — преступление, то да будет Господь милостив к преступникам! Если быть старым и сохранить веселость — грех, то многие знакомые мне старые трактирщики попадут в ад. Если тучность достойна ненависти, то, значит, следует любить тощих фараоновых коров. Нет, добрый государь, прогоните Пето, прогоните Бардольфа, прогоните Пойнса, но милого Джека Фальстафа, доброго Джека Фальстафа, верного Джека Фальстафа, храброго Джека Фальстафа, и тем более храброго, что он старый Джек Фальстаф, — не разлучайте его, не разлучайте его с вашим Гарри; прогнать толстого Джека — всё равно, что прогнать весь мир.

Принц Генрих

Я хочу прогнать его — и прогоню.

Слышен стук.

Уходят Хозяйка, Френсис и Бардольф.

Снова вбегает Бардольф.

Бардольф

Милорд, милорд! У дверей — шериф, и с ним грозная стража.

Фальстаф

Прочь, мерзавец! Доиграемте пьесу; я еще многое имею сказать в защиту Фальстафа.

Входит Хозяйка.

Хозяйка

Господи Иисусе! Милорд, милорд!

Принц Генрих

Ну, ну! Черт на смычке приехал. В чем дело?

Хозяйка

Шериф с целым отрядом стоит у дверей. Они хотят обыскать дом. Впустить их или нет?

Фальстаф

Ты слышишь, Хел? Никогда не принимай настоящую золотую монету за фальшивую. Ты в самом деле сумасшедший, хоть и не кажешься с виду таким.

Принц Генрих

А ты без всякого инстинкта природный трус.

Фальстаф

Я не признаю этой предпосылки. Если ты не признаешь посылку шерифа, отлично; если же признаешь, то пусть он войдет. Если я не сумею держаться не хуже всякого другого, когда меня на телеге повезут на виселицу, то к черту всё мое воспитание! Я надеюсь, что петля меня удавит так же скоро, как всякого другого.

Принц Генрих

Спрячусь за стенным ковром; а все прочие ступайте вверх. А теперь, господа, нужно принять вид честных людей со спокойной совестью.

Фальстаф

Были у меня когда-то и честность и совесть, да теперь сплыли, в потому я лучше спрячусь.

Уходят все, кроме принца Генриха и Пето.

Принц Генрих

Позвать шерифа.

Входят Шериф и Извозчик.

Ну, господин шериф, что вам угодно?

Шериф

Сперва, милорд, простите. Шум и крики
Людей каких-то в этот дом загнали.

Принц Генрих

Каких людей?

Шериф

Один из них известен, ваша милость,
Он — толстый, жирный.

Извозчик

Жирный, словно масло.

Принц Генрих

Его здесь нет, я уверяю вас.
Я сам его отправил с порученьем;
Но слово дам тебе, шериф, что завтра
Его пришлю я в час обеда, чтобы
Он дал ответ тебе или другим
Во всем, в чем будет обвинен. Теперь
Я вас прошу покинуть этот дом.

Шериф

Сейчас, милорд. При этом нападение
У двух господ пропали триста марок.

Принц Генрих

Возможно. Если он ограбил их,
Он будет отвечать. Итак, прощайте.

Шериф

Милорд, покойной ночи.

Принц Генрих

Не доброго ли утра? Так верней.

Шериф

И впрямь, милорд: уж два часа, пожалуй.

Уходят Шериф и Извозчик.

Принц Генрих

Этот жирный мошенник известен всем, как собор Святого Павла. Поди, позови его.

Пето

Фальстаф! — Спит мертвецким сном за занавеской и сопит, как лошадь.

Принц Генрих

Послушай, как он тяжело дышит. Обыщи его карманы. (*Пето обыскивает.*) Ну, что ты нашел?

Пето

Ничего, кроме каких-то бумаг, милорд.

Принц Генрих

Посмотрим, что там такое. Читай вслух.

Пето

(*читает*)

«Item, каплун — два шиллинга два пенса.

Item, соус — четыре пенса.

Item, хересу два галлона — пять шиллингов восемь пенсов.

Item, анчоусы и херес после ужина — два шиллинга шесть пенсов.

Item, хлеб — полпенса».

Принц Генрих

Возмутительно! Только на полпенса хлеба при таком невероятном количестве хереса. Довольно. Остальное спрячь, прочтем на досуге. Пусть он тут спит до рассвета. Утром я пойду во дворец. Нам всем придется отправиться на войну, и ты получишь почетную должность. А этого жирного мерзавца я устрою в пехоту; я знаю, что пройти двести шагов для него — смерть. Деньги мы вернем с избытком. Приходи ко мне завтра пораньше, а теперь прощай, Пето.

Пето

Прощайте, принц.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Бангор. Комната в доме архидиакона.

Входят Хотспер, Вустер, Мортимер
и Глендаур.

Мортимер

Друзья верны, прекрасны обещанья.
Надежд счастливых полон первый шаг.

Хотспер

Лорд Мортимер, и вы, кузен Глендаур,
Прошу вас сесть.
И дядя Вустер... Тысяча чертей!
Я карту позабыл.

Глендаур

Нет, вот она.
Вы садьте, Перси; садьте, милый Хотспер.
Всегда, так называя вас, Ланкастер
В лице меняется и вам со вздохом
Желает быть уже на небесах.

Хотспер

А вам — в аду, лишь речь при нем заходит
Об Оуэне Глендауре.

Глендаур

И в этом прав он. При моем рожденье
Покрыли небо огненные знаки
И факелы горящие; едва я
На свет явился, вся земли громада,
Как трус, до основанья задрожала.

Хотспер

Положим, если бы вы тогда и не думали появ-
ляться на свет, а окотилась бы кошка вашей матери,
произошло бы всё то же самое.

Глендаур

Я говорю, когда рождался я,
Земля дрожала.

Хотспер

Я же говорю:
Мы с ней не схожи, коль она тряслась,
По-вашему, из страха перед вами.

Глендаур

Пылало небо, и тряслась земля.

Хотспер

Так землю в дрожь поверг огонь небес,
Совсем не страх перед рождением вашим.
Необычайны часто изверженья
Больной природы; у земли чреватой
Нередки колики; ее терзает
Скопление необузданного ветра
В утробе у нее. Стремясь наружу,
Старушку-землю он трясет и башни

Замшенные и колокольный рушит.
Земля-старушка при рождение вашем,
Страдая так, тряслась.

Глендаур

Кузен, немногим
Перечить мне я разрешу. Позвольте
Вам повторить, что при моем рожденье
Покрыли небо огненные знаки,
Бежали козы с гор, рев странный стад
Стоял в полях, объятых страхом. Дивно
Я знаменьями этими отмечен,
И путь моей всей жизни доказал,
Что я не из числа людей обычных.
Где тот, — в объятья заключенный морем,
Что Англии, Шотландии, Уэльса,
Бушуя, омывает берега, —
Кто назовет меня учеником?
Скажите: кто, женой рожденный, может
Идти за мной путем искусства трудным,
За мной угнаться в опытах глубоких?

Хотспер

Я думаю, никто здесь не умеет говорить по-уэльски лучше, чем вы. Пойду обедать.

Мортимер

Брось, Перси! Ты с ума его сведешь.

Глендаур

Из бездны вызвать духов я могу.

Хотспер

Так что ж, могу и я, и каждый может.
Но вот на зов ваш явятся ль они?

Глендаур

Я научу тебя, кузен, взять власть
Над чертом.

Хотспер

А я тебя — как черта посрамить:
Лишь правду говори — и посрамишь.
Коль можешь, вызови его сюда,
Я ж прогоню его, клянусь, со срамом.
Всю жизнь не лгите и срамите черта!

Мортимер

Довольно бесполезной болтовни.

Глендаур

Со мною трижды Генрих Болингброк
Тягался силой; трижды с берегов
Уая и песчаного Северна
Я гнал его босого в непогоду.

Хотспер

Босого, в непогоду? Черт возьми!
Как не схватил он лихорадки?

Глендаур

Хватит!

Вот карта. Как велит тройной союз,
Разделим мы владенья между нами?

Мортимер

Их архидиакон разделил уже
На равные три части. До сих пор,
От Трента и Северна на восток

И юг, вся Англия отходит мне;
Весь запад, Уэльс за берегом Северна,
Все земли плодоносные тех мест —
Глендауру; вам же, милый мой кузен,
За Трентом северная область вся.
Наш договор тройной уже написан.
Печатами взаимно всё скрепив
(Что нынче ж вечером возможно сделать),
Мы завтра все — кузен мой Перси, вы,
Я и лорд Вустер — выступим, чтоб войско
Шотландское и вашего отца
Нам встретить в Шрусбери, как решено.
Глендаур, отец мой, не готов еще,
Но лишь недели через две нам помощь
Его нужна.

(Глендауру.)

За этот срок сберете
Друзей, вассалов и дворян соседних.

Глендаур

Я, лорды, к вам явлюсь гораздо раньше
И вам доставлю ваших жен. Теперь
Их тайно вы покиньте, не простясь, —
Не то по случаю разлуки с вами
Без меры будет пролито воды.

Хотспер

По-моему, владение мое
От Бертон на север меньше ваших.
Взгляните, как излучина реки
Большой кусок, огромный полумесяц
Моих владений лучших отрезает.
Я здесь течение запружу, и Трент,
Серебряный и чистый, новым руслом,

Прекрасный и спокойный, побежит,
Не делая глубокого изгиба,
Меня земель богатых не лишая.

Глендаур

Как, без изгиба? Тут он есть — и будет!

Мортимер

Однако
Заметьте, как стремится Северн течение,
К вам уходя к невыгоде моей.
Он отнимает с этой стороны
Ничуть не меньше, чем у вас взял с той.

Вустер

Да, но легко его здесь отвести —
И выиграет север этот мыс,
И потечет река здесь ровно, прямо.

Хотспер

Таков мой план; расход тут малый нужен.

Глендаур

Я против измененья русла.

Хотспер

Против?

Глендаур

Тому не быть.

Хотспер

Кто помешает мне?

Глендаур

Кто помешает? Я.

Хотспер

Для того чтобы я вас не понял, скажите это по-уэльски.

Глендаур

По-английски я говорю, как вы;
Воспитан я при английском дворе,
Где в юности для арфы сочинил
Немало милых песенок английских,
Приукрашая с пользою язык.
Подобный дар замечен не был в вас.

Хотспер

О, да,
И этому я рад от всей души.
Мне б лучше быть котенком и мяукать,
Чем к продавцам баллад принадлежать:
Вертящийся подсвечник благозвучней
Иль скрип немазаного колеса.
Ничто мне так оскомины набить
Не может, как слащавые стихи:
Они — что клячи бег из-под кнута.

Глендаур

Идет, отводим Трент.

Хотспер

Мне безразлично. Преданному другу
Я втрое больше дам земли.
Но если торг — не уступлю, заметьте,
Я и девятой доли волоска.
Готовы ль договоры? Можем ехать?

Глендаур

Луна ярка, и можно ехать ночью.
Потороплю писца, а ваших жен
Предупрежу я об отъезде вашем.
Боюсь, что дочь моя с ума сойдет:
Так сильно в Мортимера влюблена.

Уходит.

Мортимер

Не стыдно, Перси, тестю вам перечить?

Хотспер

Что ж делать мне? Порой меня он бесит,
Речь заведя о муравье, кроте
И предсказаниях вещего Мерлина,
Драcone и бесплавниковой рыбе,
Бескрылом грифе, вороне беспером,
Лежащем льве и крадущейся кошке
И куче всякой чепухи, могущей
Лишить меня рассудка. Ты послушай:
Вчера меня держал часов он девять,
Перечисляя имена всех бесов,
Ему покорных. Я кричал: «Гм! дальше!»,
Не слушая ни слова. Он докучней
Усталого коня, жены сварливой,
Лачуги дымной хуже. Предпочту
Я жить на мельнице, питаюсь сыром
Да чесноком, чем в лучшем летнем доме
Есть лакомства и с ним вести беседу.

Мортимер

Но, право, он достойный дворянин;
Начитан чрезвычайно, посвящен

В науки тайные, как лев, отважен,
На редкость ласков, щедр, как рудники
Индийские. Сказать ли вам, кузен?
Характер ваш высоко чтя, он сам
Свой нрав крутой обуздывает даже,
Когда ему перечите! Клянусь!
Ручаюсь вам, нет в мире человека,
Кто смел бы так его дразнить, как вы,
Без признака опасности. Но этим
Я вас прошу не злоупотреблять.

Вустер

Да, вы, милорд, достойны порицанья:
С приезда к нам вы сделали довольно,
Чтоб истощить запас его терпенья.
В себе исправьте этот недостаток;
Хоть он величие, отвагу, знатность
Порой показывает, — вот услуга
Ценнейшая, что он приносит вам, —
Но чаще признак ярости он грубой,
Несдержанности и дурных манер,
Презрения, надменности и спеси;
Людских сердец лишает дворянина
Малейшая из этих черт, пятная
Прекрасные все качества его,
Лишая их заслуг.

Хотспер

Неплох урок.

Да здравствуют хорошие манеры!
Вот наши жены, мы простимся с ними.

Входит Глендаур с леди Мортимер и леди
Перси.

Мортимер

Досадно до смерти: не говорит
Жена по-английски, а я — по-уэльски.

Глендаур

Дочь горько плачет, с вами разлучаясь;
Солдатом хочет быть и рвется в бой.

Мортимер

Скажите ей: с моею теткой Перси
Вы вскоре к нам доставите ее.

Глендаур говорит что-то леди Мортимер по-уэльски,
и она отвечает ему на том же языке.

Глендаур

Она безутешна. Сварливая, своенравная негодница,
с которой уговоры не приведут ни к чему!

Она что-то говорит Мортимеру по-уэльски.

Мортимер

Мне взор понятен твой. Язык уэльский,
Струящийся с небес твоих припухших,
Как я постиг его! Когда б не стыд,
Я б отвечал на том же языке.

Она снова говорит.

Твой поцелуй мне ясен, мой — тебе;
Полна глубоких чувств беседа наша.
Не успокоюсь всё ж, пока язык
Не выучу я твой, в твоих устах
Он сладостен, как лучшая из песен
Любовных, что под нежный рокот лютни
Поет в беседке дивная принцесса.

Глендаур

Коль вы растаете, она рехнется.

Она снова говорит ему что-то.

Мортимер

Увы, само невежество я в этом!

Глендаур

Вас просит

Она прилечь на пышных тростниках,
К ней на колени голову склонив;
Она ж вам песнь любимую споет
И бога сна к вам призовет навеки,
Зачаровав дремотой сладкой кровь
И сделав, чтоб меж сном и явью было
Различье то же, что меж днем и ночью,
За час пред тем, как начат на востоке
Путь золотой небесной колесницей.

Мортимер

Всем сердцем рад я сесть, внимая пенью.
Тем временем наш договор напишут.

Глендаур

Так, так.

А музыканты, что играть должны вам,
Еще витают в сотнях миль, но тотчас
Здесь будут. Сядьте, подождите их.

Хотспер

Послушай, Кет, лежание ты постигла в совершенстве. Ну живей, живей, дай мне положить голову тебе на колени.

Леди Перси

Иди ты, вертопрах.

Слышится музыка.

Хотспер

Как видно, черт по-уэльски понимает.

Что странного, что полон он причуд?

Клянусь душой, он музыкант хороший.

Леди Перси

Тогда вы должны быть особенно музыкальны, потому что вы всецело во власти причуд. Лежи смирно, плутишка, и слушай, как леди поет по-уэльски.

Хотспер

Я предпочел бы слушать, как моя сука Леди воет по-ирландски.

Леди Перси

Ты хочешь, чтобы я стукнула тебя по голове?

Хотспер

Нет.

Леди Перси

Тогда молчи.

Хотспер

Это женский недостаток.

Леди Перси

Бо́г да поможет вам!

Хотспер

Пробраться в постель к валлийке?

Леди Перси

Еще что!

Хотспер

Молчи! Она поет.

Леди Мортимер поет уэльскую песню.

Ну, Кет, и вы мне спойте.

Леди Перси

Ни за что на свете.

Хотспер

«Ни за что на свете». Вы, дружок, божитесь, как жена кондитера: «Ни за что на свете», или: «Провалиться мне на этом месте», или: «Как Бог свят», или: «Ясно как день».

Ты клятвами тафтяными клянешься,
Как будто только в Финсбери гуляла.
Ты леди, Кет, — так и божись, как леди,
Божбой отборной; предоставь «как Бог свят»
И пряничные клятвы в пух и прах
Разряженным и праздничным мещанкам.
Ну, спой.

Леди Перси

Не стану петь.

Хотспер

Это самый верный способ стать портным или дрессировщиком снегирей. — Через два часа, когда договор будет подписан, я уеду; поэтому, если хотите, приходите ко мне.

Уходит.

Столь мерзкий образ жизни, развлеченья,
Столь пошлые, и грубый круг друзей,
С которым связан ты, могли б иначе
С твоей высокой кровью уживаться
И с сердцем принца наравне стоять?

Принц Генрих

Раз вам угодно, государь, я б мог
Вполне в своих поступках оправдаться,
Как, несомненно, мне легко очистить
Себя от многих ложных обвинений;
Но снисхожденья всё же я прошу,
Чтоб, осудив все басни, — измышленья
Льстецов лукавых, сплетников ничтожных,
Что слышать часто вынужден монарх, —
Я мог за всё, что юности беспутной
Ошибка лишь, прощенье заслужить
Моим раскаяньем чистосердечным.

Король Генрих

Бог да простит тебя! Дивлюсь я, Гарри,
Всё ж склонностям твоим, полет которых
Далек от взлета прадедов твоих.
За грубость ты лишен в совете места,
Что младшим братом занято твоим.
Ты совершенно стал чужой сердцам
Всего двора и принцев нашей крови.
На дни твои грядущие надежда
Погибла, и падение твое
Пророчески в душе предвидит каждый.
Будь на свое присутствие так щедр я,
Будь так привычен я для глаз народа
И будь, как свой, я в обществе простом,
То никогда общественное мнение
Не помогло бы мне добыть венец,

Но, прежней власти верность сохранив,
Оставило б меня в бесславной ссылке,
Как незначительного человека.
Я редко появлялся средь людей
И, как комета, привлекал вниманье.
Те говорили детям: «Это он»,
А эти: «Где? Который — Болингброк?»
Похитил я всю ласковость у неба,
В смирение такое обрядился,
Что преданность в сердцах людей рождал,
А в их устах — приветствия и клики,
Хотя б при этом венценосец был.
Так сохранял я новизну и свежесть;
Как облаченье папское, которым
Заглазно восторгаются, свой сан
Не часто, но торжественно являл я,
Подобно празднику, и тем пышней
Казалось это, чем бывало реже.
А ветреный король шатался всюду
С гуляками, чьи шутки — словно хворост:
Вмиг вспыхнут, вмиг сгорят; ронял свой сан,
С толпой дурацких остряков мешаясь,
Глумленьем их свое марая имя
Высокое; и, вопреки ему,
Смех поощрял юнцов, служа мишенью
Спесивых, безбородых шутников.
Он, завсегдатай многолюдных улиц,
Прислушивался к мнению толпы;
Она же, взор им каждый день питая,
Объелась им, как медом, невзлюбив
Вкус сладкого, которого чуть-чуть
Побольше малого — и будет много;
Когда он был доступен лицемерью,
Напоминал кукушку он в июне:

Не замечая, слышишь; от привычки
Усталым взглядом на него глядели,
А не восторженно, как созерцают
Величие, похожее на солнце,
Что редко светит взорам восхищенным;
Дремотно опуская веки, спали,
Ему в лицо смотря с угрюмым видом,
С каким взираешь на врагов, когда
Предельно их присутствием пресыщен.
На том же, Гарри, ты стоишь пути:
Лишился преимуществ принца ты
Из-за постыдных связей; всем глазам
Стал тягостен твой вид, за исключением
Моих, тебя желавших чаще видеть
И, против воли, ныне ослепленных
Вновь безрассудной нежностью к тебе.

Принц Генрих

Впредь, трижды славный государь, я больше
Собою буду.

Король Генрих

Ричард

Таким, как ты, казался всем, когда
Из Франции я прибыл в Ревенсперг;
Я ж был тогда таким, как ныне — Перси.
Клянусь душой и скипетром, теперь
Престола он заслуживает больше,
Чем ты, — наследника лишь призрак, — ибо
Без прав, без тени прав на то наполнил
Поля страны доспехами и в пасть
Вооруженную он смотрит льву,
И, столько ж задолжав годам, как ты,
Епископов почтенных, старых лордов
В кровавые сраженья он ведет.

Достиг бессмертной чести он победой
Над знаменитым Дугласом, кому
И подвиги, и жаркие набеги,
И слава бранная у всех солдат
Почет военачальника снискали
И заслужили званье полководца
У почитающих Христа держав.
И трижды этот Хотспер, Марс в пеленках,
Дитя-воитель, разрушал все планы
Прославленного Дугласа; взяв в плен,
Освободил его и другом сделал,
Чтоб, рот заткнув вражде глубокой, мир
И безопасность трона потрясти.
Что скажете о том? Нортемберленд и Перси,
Архиепископ Йоркский, Дуглас, Мортимер,
Объединившись, против вас восстали.
К чему ж тебе я это сообщаю
И о врагах беседую с тобой,
Ближайшим мне и дорогим врагом?
Из побуждений низких, из причуды,
Из страха рабского способен ты
Со мной сражаться, как наемник Перси,
Бродить за ним повсюду по пятам
И угождать его порывам гневным,
Чтоб доказать, как выродился ты.

Принц Генрих

Нет, так не думайте; тому не быть!
Бог да простит столь сильно отвративших
Расположенье ваше от меня!
Всё искуплю я головою Перси;
Под вечер дня, отмеченного славой,
Осмелюсь вам сказать, что я — ваш сын.
В крови тогда мои доспехи будут,
Черты кровавая покроет маска,

Вместе с которой смою свой позор.
То будет день, — он скоро засияет, —
Когда любимец славы и молвы,
Отважный Хотспер, столь хваленый рыцарь,
Сойдется с вашим позабытым Гарри.
Пусть доблести, что шлем его венчают,
Умножатся; пусть над моей главой
Удвоится позор! Но час придет —
И подвиги свои на мой позор
Обменит этот северный юнец.
Перси — лишь мой приказчик, государь,
Который копит для меня деянья.
С него отчет столь точный я спрошу,
Что полностью всю славу мне он сдаст,
Вплоть до хвалы малейших наших дней,
Иль вырву счет из сердца у него, —
В том именем Господним я клянусь;
Коль он позволит мне исполнить это,
Вас, государь, молю я, уврачуйте
Беспутства язвы старые мои;
Коль нет — кончина разрешает клятвы.
Я лучше тысячу смертей приму,
Чем хоть слегка обет нарушу свой.

Король Генрих

То — гибель сотен тысяч непокорных!
Я назначенье дам тебе и власть.

Входит сэр Уолтер Блент.

Что, добрый Блент?

В твоих глазах — поспешность.

Блент

Я сообщить пришел о срочном деле.
Лорд Мортимер — шотландец — весть прислал,

Что в Шрусбери соединился Дуглас
Одиннадцатого с бунтовщиками
Английскими. Сильна, страшна их рать,
И, коль союз их прочен, государство
Таких угроз не знало никогда.

Король Генрих

Известью этому уже пять дней:

И нынче выступил граф Уэстморленд,

А вместе с ним мой сын,

принц Джон Ланкастер.

Вы, Гарри, в среду двигаетесь в путь,

В четверг — мы сами; место встречи —

Бриджнорт.

Вы через Глостершир пройдете, Гарри;

При этом всем, по моему расчету,

Потребуется дней двенадцать нам,

Чтоб в Бриджнорт силы главные стянуть.

Идемте же; хлопот у нас немало.

Не медлить, чтоб удача не дремала!

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в трактире «Кабанья голова».

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Бардольф, не опустился ли я позорным образом со времени нашего последнего дела? Не исхудал ли я? Не отощал ли? Кожа болтается на мне, как широкое платье старой женщины. Я сморщился, как

печеное яблоко. Нет, я хочу покаяться, и как можно скорее, пока я еще похож на что-нибудь, а то я так ослабею, что у меня не хватит сил на покаяние. Будь я перечным зерном или лошадьёю на пивоваренном заводе, если я не позабыл, как выглядит изнутри церковь! Общество, дурное общество погубило меня.

Бардольф

Сэр Джон, вы сильно расстроены, вам недолго жить.

Фальстаф

То-то и есть. Спой мне какую-нибудь похабную песню, развесели меня. Во мне было столько склонности к добродетели, сколько полагается дворянину; я был в меру добродетелен: божился редко, играл в кости не больше семи раз в неделю, ходил в публичные дома не чаще одного раза в четверть часа, раза три или четыре возвращал деньги, взятые займы, жил хорошо, соблюдал себя в границах. А теперь живу беспорядочно, не соблюдая никаких границ.

Бардольф

Вы, сэр Джон, так растолстели, что вам не удержаться в границах, ни в каких разумных границах, сэр Джон.

Фальстаф

Измени свое лицо — и я изменю свою жизнь. Ты у нас адмиральский корабль, с фонарем на носу, и фонарь этот — твой собственный нос. Ты — рыцарь горящей лампы.

Бардольф

Сэр Джон, моя наружность вам ничем не мешает.

Фальстаф

Напротив; честное слово, я очень часто извлекал из нее пользу, как другие — из черепа или из *memento mori*. Каждый раз, как я гляжу на твое лицо, я не могу не подумать об адском огне или о том богаче, который всегда одевался в пурпур. Вот он сидит тут в своих одеждах и горит, горит. Если бы в тебе было хоть сколько-нибудь добродетели, я б клялся твоим лицом и говорил: «Клянусь этим пламенным Божьим ангелом». Но ты человек совсем погибший, и если бы не светоч у тебя на лице, ты был бы совсем исчадием мрака. Когда ты бегал ночью по Гедсхиллю и ловил мою лошадь, — если я не принял тебя за *ignis fatuus*¹ или за огненный шар, то пусть никогда у меня денег не будет. Да, ты — постоянное факельное шествие, неугасающий костер. Ты сберег мне тысячу марок на фонари и факелы, когда по ночам мы шатались с тобой из трактира в трактир; но ты выпил столько хересу на мой счет, что за эти деньги можно было бы купить свечей в самой дорогой лавке в Европе. Вот уже тридцать два года, как я поддерживаю огонь в этой саламандре; да вознаградит меня Бог за это.

Бардольф

Черт побери, я бы хотел, чтобы лицо мое было у вас в животе.

Фальстаф

Боже упаси; тогда я умер бы от изжоги.

Входит Хозяйка.

Что нового, моя курочка? Узнали вы, кто очистил мои карманы?

¹ Блуждающий огонек (*лат.*).

Хозяйка

Как, сэр Джон? О чем это вы говорите, сэр Джон? Неужели вы думаете, что у меня в доме есть воры? Я вместе с мужем всё обыскала, всех допросила по очереди, каждого мальчика, каждого слугу. Десятой доли волоска в моем доме никогда не пропадало.

Фальстаф

Врешь ты, хозяйка, Бардольф здесь брился и потерял немало волос. Я готов присягнуть, что мои карманы очистили. Молчи, баба.

Хозяйка

Кто, я? Ну, нет. Плевать мне на тебя! Господи милостивый! Меня еще никогда не называли так в моем доме.

Фальстаф

Молчи, молчи. Я хорошо тебя знаю.

Хозяйка

Нет, сэр Джон, вы меня не знаете, сэр Джон. А вот я вас знаю, сэр Джон: вы должны мне деньги, сэр Джон, и теперь вы хотите поспорить со мной, чтоб улигнуть от расплаты. Я купила вам дюжину рубашек, чтобы прикрыть ваше тело.

Фальстаф

Из негодного, дрянного холста. Я отдал их женам булочников, и они сделали себе из них сита.

Хозяйка

Говорю как честная женщина: это было настоящее голландское полотно, по восьми шиллингов за

локоть. Кроме того, вы задолжали мне, сэр Джон, за еду и питье, да еще деньгами вы взяли у меня двадцать четыре фунта.

Фальстаф
(указывая на Бардольфа)

Он тоже участвовал во всем этом; пусть он платит.

Хозяйка
Он? Да ведь он беден, с него нечего взять.

Фальстаф
Как, он беден? Посмотри на его лицо: кто же тогда богат? Пусть вычеканят деньги из его носа, из его щек. Я не заплачу ни гроша. Кажется, ты меня принимаешь за желторотого птенчика? Нельзя спокойно заснуть в своей гостинице, — сейчас же карманы очистят. У меня пропал дедовский перстень с печатью, которому цена сорок марок.

Хозяйка
Господи Иисусе! При мне принц множество раз говорил, что кольцо это — медное.

Фальстаф
В таком случае принц — дурак и бездельник. Скажи он это при мне, я бы его избил, как собаку.

Входят, маршируя, принц Генрих и Пойнс.
Фальстаф идет навстречу им, приложив к губам свой жезл, как флейту.

Ну как, голубчик? Ветер действительно из этой двери дует? Неужели нам всем придется маршировать?

Бардольф

Да, попарно, как в Ньюгетской тюрьме.

Хозяйка

Милорд, прошу вас, выслушайте меня.

Принц Генрих

Что скажешь, мистрис Куикли? Как поживает твой муж? Я его очень люблю: он порядочный человек.

Хозяйка

Мой добрый принц, выслушайте меня.

Фальстаф

Брось ее, пожалуйста, и выслушай меня.

Принц Генрих

Что скажешь, Джек?

Фальстаф

Вчера вечером я заснул здесь за ковром, и у меня очистили карманы. Эта харчевня стала непотребным домом: здесь карманы очищают!

Принц Генрих

А что у тебя пропало, Джек?

Фальстаф

Поверишь ли, Хел? Три или четыре билета по сорок фунтов каждый и дедовский перстень с печатью.

Принц Генрих

Пустячок! Ему вся цена каких-нибудь восемь пенсов.

Хозяйка

То же самое и я ему говорила, милорд, и сказала, что слышала это от вашей светлости; а он, милорд, сквернослов этакий, стал ругать вас и прибавил, что отколотит вас.

Принц Генрих

Как! Может ли это быть?

Хозяйка

Не быть мне честной правдивой женщиной, если это не так.

Фальстаф

Честности в тебе не больше, чем в вываренном черносливе; верности не больше, чем в травленной лисице, а что касается женственности, то девка Марианна в сравнении с тобой — жена пристава. Убейся, тварь, убирайся.

Хозяйка

Как, тварь? Какая такая тварь?

Фальстаф

Какая тварь? Худшее из творений Божьих.

Хозяйка

Вовсе я не худшее из творений Божьих; запомни это хорошенько. Я жена честного человека. А ты, несмотря на свое рыцарское звание, подлец, если так меня обзываешь.

Фальстаф

А ты, несмотря на то что женщина, всего-навсего — животное.

Хозяйка

Скажи-ка, подлец, какое я животное?

Фальстаф

Какое животное? Выдра.

Принц Генрих

Выдра, сэр Джон? Почему именно выдра?

Фальстаф

Потому что она — ни рыба, ни мясо; неизвестно, как за нее взяться.

Хозяйка

Врешь: и ты и другие отлично знают, как за меня взяться!

Принц Генрих

Ты права, хозяйка: он на тебя безобразно клеветает.

Хозяйка

И на вас также, милорд. Он как-то на днях сказал, что вы ему должны тысячу фунтов.

Принц Генрих

Черт возьми! Я тебе должен тысячу фунтов?

Фальстаф

Не тысячу фунтов, Хел, а миллион! Твоя любовь стоит миллиона, а ты мне должен свою любовь.

Хозяйка

Это еще не всё, милорд: он вас называл дураком и говорил, что отколотит вас.

Фальстаф

Говорил я это, Бардольф?

Бардольф

Да, сэр Джон, вы действительно это говорили.

Фальстаф

Ну, да, если он сказал, что мое кольцо — медное.

Принц Генрих

Я и говорю, оно медное. Что ж, посмеешь ты исполнить свою угрозу?

Фальстаф

Знаешь, Хел, будь ты обыкновенным человеком, я бы посмел; но так как ты принц, я боюсь тебя, как боюсь рычащего львенка.

Принц Генрих

А почему не как льва?

Фальстаф

Как льва, надо бояться самого короля. Думаешь ли ты, что я стану тебя бояться так же, как твоего отца? Пусть мой пояс лопнет, если это не так.

Принц Генрих

О, если бы это случилось, твое брюхо спустилось бы до колен. В утробе твоей, негодяй, нет места ни для правды, ни для верности, ни для чести: она вся набита кишками и потрохами. Обвинять честную женщину в том, что она очистила твои карманы! Да было ли, бесстыдный выродец, разбухшая каналья, в твоих карма-

нах что-нибудь, кроме трактирных счетов, адресов публичных домов да грошового леденца от одышки? Назови меня подлецом, если там было что-нибудь, кроме этой дряни. А ты упорствуешь и не хочешь отказаться от своей лжи! И тебе не стыдно?

Фальстаф

Послушай, Хел, ты знаешь, что в дни невинности Адам пал; как же не пасть бедному Джеку Фальстафу в наше развращенное время? Ты видишь, плоти у меня больше, чем у всякого другого человека, поэтому и слабости у меня больше. Так ты, значит, признаешься, что очистил мои карманы?

Принц Генрих

Судя по ходу дела, выходит, что так.

Фальстаф

Хозяйка, я прощаю тебя. Иди, приготовь завтрак, люби своего мужа, смотри за слугами, угождай гостям. Ты видишь, я сдаюсь на разумные доводы; я уже успокоился. Как, опять? Нет, уходи, пожалуйста.

Уходит Х о з я й к а.

Ну, Хел, что нового при дворе? А насчет грабежа, голубчик, — как с этим порешили?

Принц Генрих

О дорогой мой бифштекс, я твой ангел-хранитель. Деньги возвращены ограбленным.

Фальстаф

Не люблю я, когда возвращаются деньги, — только двойная работа.

Принц Генрих

Я теперь помирился с отцом и могу делать, что хочу.

Фальстаф

Так прежде всего ограбь казну, ни минуты не мешкая.

Бардольф

Сделайте это, милорд.

Принц Генрих

Я достал тебе, Джек, место в пехоте.

Фальстаф

Я предпочел бы служить в коннице. Если бы мне разыскать где-нибудь ловкого грабителя, славного во-ра лет так двадцати двух! А то я совсем обнищал. Ладно, возблагодарим Бога за этих бунтовщиков: они нападают только на честных людей; очень одобряю и хвалю их за это.

Принц Генрих

Бардольф!

Бардольф

Милорд?

Принц Генрих

Доставь вот это письмо моему брату, лорду Джону Ланкастерскому, а другое — лорду Уэстморленду. — Ну, Пойнс, на коней, на коней! Ведь нам надо сегодня до обеда сделать тридцать миль. — Джек, жди меня завтра в Темплъ-Холле в два часа.

Узнаешь там свою задачу, деньги
Получишь и приказ о снаряженье.
Страна пылает, Перси вознесен,
И нынче пасть должны иль мы, иль он.

Уходит.

Фальстаф

Вот храбрецы! — Но завтракать хочу я.
Сидеть бы вечно здесь, солдат вербуя!

Уходит.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Лагерь мятежников под Шрусбери.
Входят Хотспер, Вустер и Дуглас.

Хотспер

Шотландец славный, браво! Если б правда
В наш хитрый век не показалась лестью,
Хвалы такие б Дуглас получил,
Какими ныне ни один солдат
Не отчеканен для хождения в мире.
Клянусь, я не умею льстить, гнушаюсь
Пустой хвалой; но в сердце у меня
Почетней вас никто не занял места.
Меня проверьте, на́ слове поймав.

Дуглас

Король ты благородства.
Нет мощи на земле, какой перечить
Не стал бы я.

Хотспер

Так действовать похвально.

Входит Гонец с письмом.

Что за письмо? —

(Дугласу.)

Признателен я вам.

Гонец

От вашего отца.

Хотспер

Как, от него? Что ж сам не едет он?

Гонец

Не может он, милорд: он тяжело болен.

Хотспер

Черт! Как досуг нашел он для болезни
В такие дни горячие? Кто войско
Его возглавил, кто его ведет?

Гонец

Не мне, — письму доверил мысли он.

Вустер

Скажи, в постели он?

Гонец

Дня за четыре
Он слег, милорд, до моего отъезда.
Когда ж я уезжал, своим врачам
Серьезные внушал он опасенья.

Вустер

Пусть выздоровело б сначала время,
Тогда уж он хворал бы. Нам теперь,
Как никогда, его здоровье нужно.

Хотспер

Болезнь сейчас! Его недуг всю кровь
Предпринятого дела заражает

И проникает даже в лагерь к нам.
Он пишет здесь, что внутренний недуг...
И что не мог друзей собрать так скоро
Чрез посланных, не находя возможным
В таком опасном и заветном деле
Довериться хотя б одной душе.
Он нам дает совет отважный всё же,
Хоть слабы наши силы, продолжать,
Чтоб счастья благосклонность к нам проверить.
Нельзя теперь, он пишет, падать духом,
Затем что, несомненно, королю
Известны наши планы. Ваше мнение?

Вустер

Его болезнь для нас — увечье.

Хотспер

Рана

Опасная иль отсеченный член.
А впрочем, нет! Отсутствие его
Не так уж плохо. Хорошо ли ставить
Всё, чем владеем, на один удар
И крупную такую ставку делать
На прихотливый, ненадежный час.
Нехорошо! Мы в этом прочитали б
Всю глубь и душу чаяний своих,
И весь объем и все границы счастья
Всех нас.

Дуглас

Конечно, так оно и было б;
Теперь же есть отменная подмога:
Мы можем смело тратить, в надежде
На будущую помощь;
Возможность отступить таится в этом.

Хотспер

Готовы место сбора и приют,
Коль дьявол или незадача хмуро
На девственность затей нашей взглянут.

Вустер

Всё ж я б хотел, чтоб ваш отец был здесь;
Ведь качество и суть попытки нашей
Единства требуют. Подумать могут, —
Не зная, почему не с нами граф, —
Что он удержан верностью короне,
Благоразумьем, несогласьем с нами.
Учтите, как такое мнение может
Сторонников восстанья испугать,
Родив сомнение в успехе дела.
Вы знаете: готовясь к нападенью,
Должны мы избегать пытливой мысли.
Все щели, все отверстия заткнув,
Чтоб взгляд рассудка нас не подглядел.
Отсутствие же вашего отца,
Завесу приподняв, непосвященным
Откроет опасения, какие
Не снились им.

Хотспер

Вы далеко зашли.

По-моему, отсутствие его
Лишь смелость сообщит затее нашей,
Придаст ей больше блеска и величья,
Чем если б граф был здесь: все станут думать,
Что если мы без помощи его
Бороться можем с целым королевством,
То с ней его перевернем вверх дном.
Итак, в порядке всё, все скрепы целы.

Дуглас

Как сердце может пожелать. Не знают
В Шотландии и слова даже «страх».

Входит сэр Ричард Вернон.

Хотспер

Кузен мой Вернон, я вам рад, клянусь.

Вернон

Когда б вестям моим вы были рады!
С отрядом семитысячным сюда
Граф Уэстморленд идет и с ним принц

Джон.

Хотспер

Полгоря. Дальше что?

Вернон

Еще узнал я,
Что выступил король своей особой
И направляется сюда поспешно
С большим, отлично снаряженным войском.

Хотспер

Добро пожаловать. Где сын его,
Повеса, быстроногий принц Уэльский,
С приятелями оттолкнувший мир,
Чтоб шел, как хочет?

Вернон

Все в доспехах; в перьях,
Как ястребы, что по ветру стремятся;
Бьют крыльями — орлы после купанья;
Блистают в латах золотых — иконы;

Все лучезарны, словно летом солнце;
Как май, свежи, резвы — совсем козлята,
И буйны, точно юные быки.
Я видел Гарри молодого в шлеме,
В набедренниках и в роскошных латах;
Меркурием крылатым над землей
Взлетев, вскочил он так легко в седло,
Как будто ангел с облаков спустился,
Чтобы объездить буйного Пегаса,
Пленив лихим наездничеством мир.

Хотспер

Довольно; больше мартовского солнца
Грозят хвалы такие лихорадкой.
Пусть явятся, нарядные, как жертвы;
Мы огнеокой деве дымной брани
Их в жертву принесем, кровавых, теплых;
Пусть Марс в броне сидит на алтаре
Весь по уши в крови. Горю я, слыша,
Что близкая, богатая добыча
Не наша всё ж. — Идем, коня мне дайте,
Чтоб мчал меня он громовой стрелой
На принца! Гарри с Гарри, конь с конем,
Столкнувшись, бой не прекратят, пока
Их смерти не разъединит рука. —
Будь здесь Глендаур!

Вернон

Еще есть вести. Я
Дорогой в Вустере слышал, что войско
Не может в две недели он собрать.

Дуглас

Вот это худшее из всех известий.

Вустер

Ей-богу, от него морозом веет.

Хотспер

Как велико всё войско короля?

Вернон

В нем будет тысяч тридцать.

Хотспер

Пусть хоть сорок!

Хотя Глендаур с отцом вдали от нас,
Все ж наших сил нам хватит в грозный час.
Мы смотр войскам произведем скорей.
День судный близок. Встретим смерть бодрей.

Дуглас

О смерти здесь не заводите речь;
Еще полгода не боюсь с ней встреч.

Уходят.

СЦЕНА 2

Дорога близ Ковентри.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Бардольф, ступай вперед в Ковентри и добудь мне бутылку хересу. Наши солдаты пойдут через город, не останавливаясь: нам надо поспеть к ночи в Сеттон-Кольдфильд.

Бардольф

Дайте денег, капитан.

Фальстаф

Купи на свои, на свои.

Бардольф

Бутылочка хересу в ангел обойдется.

Фальстаф

Если ангел попадется, возьми его за труды. Даже если двадцать ангелов, забирай их всех; я отвечаю за чеканку. И скажи моему лейтенанту Пето, чтобы он дожидался меня в конце города.

Бардольф

Слушаю, капитан. Счастливо оставаться.

Уходит.

Фальстаф

Будь я маринованная селедка, если я не стыжусь за моих солдат. Я возмутительным образом злоупотребил королевским приказом о вербовке. Вместо полутораста солдат я набрал триста с лишним фунтов; я вербовал только зажиточных людей, сыновей фермеров; выбирал обрученных молодых людей, уже два раза оглашенных в церкви, или таких изнеженных трусов, которые боятся барабанного боя, как черта, которые пугаются мушкетного выстрела, как зарезанная курица или подстреленная дикая утка. Я вербовал только маменькиных сынков, у которых храбрости в душе с булавочную головку, и все они откупились от службы; и теперь отряд мой состоит из прапорщиков, капралов,

лейтенантов и вахмистров, одетых в такие лохмотья, как Лазарь на обоях, струпья которого лижут голодные псы. Они никогда солдатами не были; это прогнанные за воровство служащие, младшие сыновья младших братьев, сбежавшие трактирные слуги и разорившиеся трактирщики, словом, ржавчина долгого мирного времени; они в десять раз обтрепаннее старого знамени. Вот кого пришлось мне взять, чтобы заменить откупившихся от службы. Можно подумать, что я набрал полторы сотни одетых в лохмотья блудных сыновей, которые недавно пасли свиней и питались помоями и шелухой. Какой-то дуралей, встретившийся мне по дороге, сказал, что я опустошил все виселицы и навербовал повешенных. Мир еще не видывал таких страшилищ. Я не могу пройти с ними через Ковентри, ясное дело. И эти подлецы маршируют к тому же, широко расставив ноги, точно на них кандалы надеты. Правда, что большинство их я набрал из тюрем. Во всем моем отряде едва найдется полторы рубашки. Да и то половинка рубашки состоит из двух салфеток, сшитых вместе и наброшенных на плечи, вроде безрукавки глашатаев. А дельная рубашка, говоря по правде, украдена мной у хозяина гостиницы в Сент-Ольбенсе или у красноногого трактирщика в Дентри. Ну, да это не беда: они добудут сколько угодно белья на любом заборе.

Входят принц Генрих и Уэстморленд.

Принц Генрих

Ну, как дела, разбухший Джек? Как дела, перина?

Фальстаф

Это ты, Хел? Как дела, сумасброд? Какой дьявол завес тебя в Уорикшир? Почтеннейший лорд Уэст-

морленд, прошу прощения; я думал, что ваша милость уже в Шрусбери.

Уэстморленд

Действительно, сэр Джон, мне уже давно пора туда, да и вам тоже. Но мои войска уже там. Могу вам сообщить, что король ждет нас всех; нам придется всю ночь маршировать.

Фальстаф

Обо мне не беспокойтесь; я бдителен, как кот, воруемый сливки.

Принц Генрих

Именно, воруемый сливки; ты от этого занятия уже превратился в масло. Но скажи мне, Джек: чьи это молодцы идут за нами?

Фальстаф

Мои, Хел, мои.

Принц Генрих

Я никогда еще не видел таких жалких оборванцев.

Фальстаф

Ничего, они достаточно хороши, чтобы истыкать их копьями; пушечное мясо, пушечное мясо. Яму они заполнят не хуже других. Смертные люди, братец, смертные люди!

Уэстморленд

Но все-таки, сэр Джон, у них слишком изнуренный и оборванный вид; они очень похожи на нищих.

Фальстаф

Право, не знаю, откуда взялась у них бедность; а что касается худобы, то уверяю вас, что я никогда не показывал им примера.

Принц Генрих

Конечно, тебя нельзя назвать тощим, когда у тебя на три пальца жиру. Но надо спешить! Перси уже выступил.

Фальстаф

Как, и король уже разбил лагерь?

Уэстморленд

Да, сэр Джон. Боюсь, что мы сильно запоздали.

Фальстаф

Ладно.

Как наступит битвы конец и начнется пира
начало,

Найдется плохой солдат и лихой объедало.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лагерь мятежников под Шрусбери.

Входят Хотспер, Вустер, Дуглас и Вернон.

Хотспер

С ним этой ночью вступим в бой.

Вустер

Нельзя.

Дуглас

Иначе выгадает он.

Вернон

Нисколько.

Хотспер

Не ждет ли подкреплений он?

Вернон

Мы — тоже.

Хотспер

Он в них уверен; наши — под сомнением.

Вустер

Кузен, совет мой: нынче не сражайтесь.

Вернон

Не следует, милорд.

Дуглас

Совет ваш плох:

Подсказан страхом он и равнодушьем.

Вернон

То, Дуглас, клевета, клянусь я жизнью
И жизнью клятву подкрепить готов.
Когда разумная мной правит честь,
Дает мне страх советов так же мало,
Как вам, милорд, иль каждому шотландцу.
Посмотрим, кто из нас в сражение завтра
Проявит страх.

Дуглас
Нет, нынче же.

Вернон
Согласен.

Хотспер
Сегодня в ночь!

Вернон
Нет, невозможно это. Очень странно,
Как вы, вожди искусные такие,
Не видите помех, что наступленье
Задерживают. Конные отряды
Кузена моего еще не все тут;
Ваш дядя Вустер с конницей сегодня
Лишь прибыл; спят и пыл и удаль в них:
Тяжелый труд их мужество ослабил,
И два бойца равны лишь одному.

Хотспер
Но такова же конница врага —
Утомлена дорогой и без сил;
Часть лучшая же нашей отдохнула.

Вустер
Король идет на нас с огромным войском.
Помедлите, пока все будут в сборе.
Звуки труб, возвещающие прибытие парламентаря.
Входит сэр Уолтер Блент.

Блент
От короля я с милостивой вестью,
Коль здесь найду вниманье и почет.

Хотспер

Добро пожаловать, сэр Уолтер Блент.
Когда б вам Бог назначил с нами быть!
Здесь многие вас любят, но корят
И ваше имя и заслуги ваши
За то, что с нами вы не заодно,
А против нас стоите как наш враг.

Блент

Избави Бог меня стоять не так,
Пока, закон и долг нарушив, против
Миропомазанника вы стоите.
Но к делу. — Пожелал король узнать
Всю сущность ваших жалоб и зачем
Зажгли в груди гражданского вы мира
Вражду столь буйную, покорную страну
Уча жестокости? И если ваши
Заслуги как-нибудь забыл король, —
Он признает, что было их немало, —
Обиды назовите — и немедля
Желанья ваши он с лихвой исполнит,
Вам даровав прощенье, как и всем,
Кого вы совратили убеждением.

Хотспер

Он добр, и, как известно нам, он знает,
Когда пообещать, когда платить.
Отец мой, дядя и я сам ему
Вручили ту корону, что он носит.
Когда, почти поддержки не имея,
Больной во мненье света, нищий, жалкий,
Домой он крался тайно, мой отец
Приветствовал его на берегу.
И слыша, как с невинными слезами,
Как искренно божился он, что прибыл,

Чтоб герцогом Ланкастерским лишь стать,
И мирно ищет своего наследства,
Из жалости, по доброте отец мой
Ему помочь поклялся — и помог.
А лорды и бароны королевства,
Узнав, что за него Нортемберленд,
От первых до последних перед ним
Колени стали гнуть, его встречали
В поселках, городах и деревнях,
И ждали на мостах и на дорогах,
Несли дары, клялись ему, давали
В пажи наследников, и по пятам
За ним ходили золотой толпою.
А он тогда, сознав свое величье,
Шагнул немного выше клятвы, данной
Им моему отцу, еще бездомным,
На берегу пустынном Ревенсперга.
И вот уже он изменить берется
Указов ряд и ряд законов строгих,
Что бременем легли на государство,
Кричит о злодеяньях, лживо плачет
Над бедами страны и этим видом,
Притворной справедливостью сердца,
Что уловить хотел он, покоряет.
Пошел он дальше: головы рубил
Любимцам короля, которых тот
Оставил как наместников своих,
Когда был лично на войне Ирландской.

Б л е н т

Я здесь не для того, чтоб это слушать.

Х о т с п е р

Тогда к главнейшему я перейду.

Он низлагает вскоре короля,

Его лишает жизни вслед за тем,
Налогами страну обременяет;
И хуже: своего кузена Марча, —
Который был бы королем его,
Будь всякий на своем законном месте, —
Без выкупа в плену оставил в Уэльсе;
Хулил мои счастливые победы;
Поймать желая, подсылал шпионов;
У дяди место отнял он в совете;
Отца подверг опале; нарушал
За клятвой клятву, зло за злом творил;
И, наконец, заставил нас в восстание
Искать защиты, вникнув в то же время
В его права на трон, что слишком шатки,
Чтобы так долго власть его терпеть.

Блент

Такой ответ доставить королю?

Хотспер

О, нет, сэр Уолтер. Мы обсудим дело.
Вернитесь к королю. Пусть поручится,
Что невредим вернется наш посол,
А рано утром наши предложенья
Ему доставит дядя мой. Прощайте.

Блент

Любовь и милость короля примите.

Хотспер

Возможно, что и примем их.

Блент

Дай Бог.

Уходят.

СЦЕНА 4

Йорк. Зала в архиепископском дворце.
Входят архиепископ Йоркский
и сэр Майкел.

Архиепископ

Скорей, сэр Майкел. Вы письмо с печатью
На крыльях лорду-маршалу доставьте;
Кузену Скрупу — это, остальные ж —
По назначению. Когда б вы знали
Всю важность их, вы б очень поспешили.

Сэр Майкел

Их содержанье,
Милорд, угадываю.

Архиепископ

Может быть.

Милый сэр Майкел, завтра день, когда
Судьба десятка тысяч человек
Должна решиться, ибо в Шрусбери,
Как точно я узнал, король, поспешно
Собрав большое войско, с лордом Гарри
Сразиться должен. Я боюсь, сэр Майкел,
Что из-за недуга Нортемберленда,
На чьи войска рассчитывали так,
А также за отсутствием Глендаура, —
Подмога тоже сильная, но он,
Пророчествам покорный, не явился, —
Боюсь, ослабло слишком войско Перси,
Чтобы могло сразиться с королем.

Сэр Майкел

Зачем, милорд, страшиться?
Там Дуглас есть, там есть лорд Мортимер.

Архиепископ

Там Мортимера нет.

Сэр Майкел

Есть Мордек, Вернон и лорд Гарри Перси,
Лорд Вустер есть, и целое есть войско
Бойцов отважных, доблестных дворян.

Архиепископ

Да, это верно. Но король все силы
Страны своей собрал: с ним принц Уэльский,
Лорд Джон Ланкастер, мужественный Блент
И благородный Уэстморленд и много
Соперников по доблестям военным,
По славе полководцев.

Сэр Майкел

Вы, милорд,
Не сомневайтесь: им дадут отпор.

Архиепископ

Надеюсь сам, но опасаться надо.
Спешите ж, сэр, предотвратить беду;
Коль не одержит Перси верх, король
К нам будет раньше, чем распустил войско,
Затем что наш союз ему известен,
И нам благоразумно укрепиться.
Итак, спешите. Я пойду писать
Другим друзьям. Прощайте же, сэр Майкел.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Королевский лагерь под Шрусбери.

Входят король Генрих, принц Генрих,
принц Джон Ланкастер, сэр Уолтер Блент
и сэр Джон Фальстаф.

Король Генрих

В каких лучах кровавых всходит солнце
Над тем холмом лесистым. День бледнеет
В его больном сиянье.

Принц Генрих

Южный ветер
Всем о его намерениях трубит
И громким свистом в листьях возвещает
Грозу и беспокойный день.

Король Генрих

Пускай
Он проявляет жалость к побежденным;
А победителям ничто не страшно.

Трубы.

Входят Вустер и Вернон.

Нехорошо, лорд Вустер, что мне с вами
Та́к встретиться пришлось. Вы обманули
Доверье наше, нас заставив сбросить
Наряд удобный мира и сковать
Суровой сталью старческие члены.
Нехорошо! Что скажете, милорд?
Угодно ли вам снова грубый узел
Войны, всем ненавистной, развязать;
Вновь двигаться в орбите послушанья,
Естественный, прекрасный свет струя,
Не быть туманным метеором больше,
Страшилищем, предвестником несчастья
Для не родившихся еще времен?

Вустер

Внемлите, государь.
Что до меня, я был бы очень рад
Остаток жизни провести спокойно,
И, заверяю вас, я никогда
О дне раздора этого не думал.

Король Генрих

Не думали? А как же он настал?

Фальстаф

Мятеж валялся на пути — он поднял...

Принц Генрих

Молчи, молчи, ворона!

Вустер

Ваше величество, вы отвратили
Свой милостивый взор и от меня

И от семьи всей нашей; но напомнить
Вам, государь, я должен, что мы были
Вам первыми и лучшими друзьями:
Для вас свой жезл я должностной сломал
В дни Ричарда; и днем и ночью мчался,
Чтоб встретить вас, облобызать вам руку,
Хотя по положенью и значенью
Я был счастливей и сильнее вас.
Вам родину вернули я, мой брат
И сын его и храбро шли навстречу
Опасностям тех дней. Вы нам клялись, —
В Донкастере вы дали эту клятву, —
Что не грозите королевской власти,
Что герцогство Ланкастерское только
Вы требуете как наследник Гонта.
Мы вам клялась помочь. Но счастье вскоре
Вам на голову полилось дождем,
На вас потоком хлынуло величье;
Тут помогли и мы, и короля
Отсутствие, и всякие обиды,
Чинимые в распущенное время,
Невзгоды ваши мнимые, злой ветер,
Так долго задержавший короля
В Ирландии в походе неудачном,
Что в Англии сочли его умершим.
Обилием удачных обстоятельств
Воспользовавшись, скоро вы добились,
Что в руки взять всю власть просили вас;
Забыли вы донкастерскую клятву;
Наш выкормыш, вы поступили с нами,
Как с воробьем — птенец кукушки, плут;
Гнездо вы наше стали притеснять
И выросли на нашей пище так,
Что наша дружба к вам уже не смела

Вам показаться на глаза, боясь
Проглоченною быть; чтобы спастись,
Проворно нам пришлось расправить крылья,
Из виду скрыться и поднять восстание.
Для встречи с вами мы избрали способ,
Что выковали сами вы себе
Жестоким обращением, грозным видом
И нарушением клятвы, данной нам
В те дни, когда ваш замысел был юн.

Король Генрих

Все это, знаю, вы в церквах читали,
На рынках объявляли, чтоб украсить
Одежды бунта яркими цветами,
Могущими пленять глаза людей
Непостоянных, недовольных нищих,
Которые ждут не дождутся вести
О каждой новой бурной перемене.
Всегда ведь бунт, чтобы себя прикрасить,
И водяные краски находил
И недовольных бедняков, что жадно
Дней неурядиц и смятенья ждут.

Принц Генрих

Есть много душ в обеих наших ратях,
Что дорого заплатят в час решенья
За распрю. Вы племяннику скажите,
Что к мненью всех, кто славит Гарри Перси,
Примкнул принц Уэльский. Я клянусь
надеждой, —
Коль в стороне мятеж оставить этот, —
Что нету дворянина, кто бы был
Столь деятельно храбр, столь храбро молод,
Столь смел и столь бесстрашен, чтоб наш век

Украсить благородными делами.
А я, — признаюсь к своему стыду, —
Я в рыцарстве доселе был лентяем,
Каким меня, слышать, он и считает.
Но пусть отец-монарх свидетель будет:
Я рад, что превосходит он меня
Своим великим именем и славой,
И, наших ратей кровь щадя, хочу
С ним в поединке счастье испытать.

Король Генрих

А мы, принц Уэльский, твой опасный шаг
Решили поддержать, хоть возражений
Немало есть. — Нет, милый Вустер, нет;
Мы любим ваш народ; и даже тех,
Кто совращен с пути кузеном вашим;
Мы предложили милость им; пусть примут —
И вновь они, и он, и вы, и каждый
Мне будет другом, как и я — ему.
Племяннику всё это передайте
И нам ответ его доставьте. Если ж
Он не уступит, с нами заодно
Хула и кара строгая: они
Свой долг исполнят. Можете идти.
Не разрешим сейчас перечить нам;
Внемлите мудро кротости словам.

Уходят Вустер и Вернон.

Принц Генрих

Не согласятся, жизнью поклянусь!
Готовы Хотспер с Дугласом вдвоем
Сопротивляться войску всей вселенной.

Король Генрих

Поэтому — к отрядам, полководцы!
На их ответ ответим наступленьем,
И в правом деле помощи нам Бог!

Уходят все, кроме принца Генриха
и Фальстафа.

Фальстаф

Хел, если ты увидишь во время сражения, что я упал, стань надо мной вот так: это будет дружеской услугой.

Принц Генрих

Такую дружескую услугу тебе может оказать только какой-нибудь колосс. Помолись Богу и прощай.

Фальстаф

Хорошо, если бы пора было ложиться спать, Хел, и всё кончилось благополучно.

Принц Генрих

Ведь должен же ты заплатить Богу дань смерти.

Уходит.

Фальстаф

Еще срок не пришел, а я терпеть не могу расплачиваться раньше времени. Какая нужда мне торопиться, когда меня еще не призывают к уплате? Ладно, не в этом дело: честь меня тянет. А если она совсем у меня на шее петлю затянет? Что тогда? Может ли честь приставить ногу? Нет. Или руку? Нет. Или уменьшить боль от раны? Нет. Значит, честь не очень искус-

ный хирург? Нет. Что же тогда честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Славный счетец! Кто владеет честью? Тот, кто умер в среду. А он отпускает ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неощутима? Да, для мертвых неощутима. Но не может ли она остаться среди живых? Нет. Почему? Этого не допустит злословие. Потому я и не хочу чести. Она не более, как щит с гербом, который несут за гробом. На этом кончается мой катехизис.

Уходит.

СЦЕНА 2

Лагерь мятежников.

Входят Вустер и Вернон.

Вустер

Не должен знать, сэр Ричард, мой племянник
О добром предложенье короля.

Вернон

Пусть лучше знает.

Вустер

Мы тогда погибли.

Немыслимо, не может быть, чтоб слово
Сдержал король и к нам питал любовь:
Не веря нам, найдет другой он повод
Нас за обиду наказать; всю жизнь
Мы под стоглазым подозреньем будем.
Измене доверяют, как лисе;
Запри ее, ласкай и приручи, —

Лукавство предков всё же в ней проснется.
Будь вид у нас веселый или хмурый,
Неправильно его он истолкует,
И станем жить, как в стойлах скот: чем лучше
За ним уход, тем ближе смерть к нему.
Вину племянника забыть возможно;
Ей извиненье — крови жар и юность,
Права, что прозвищем ему даны:
Неудержимый Хотспер, сумасброд.
На голову отца и на мою
Его вины падут: он наш питомец,
И так как он испорчен нами, — мы,
Источник зла всего, за всё заплатим.
Поэтому, кузен мой милый, Гарри
Не должен знать, что предложил король.

Вернон

Что б ни сказали вы, я подтверждаю.
Вот и племянник ваш.

Входят Хотспер и Дуглас.

Хотспер

Вернулся дядя мой. —
Освободите лорда Уэстморленда. —
Какие вести, дядя?

Вустер

Король вам тотчас же предложит бой.

Дуглас

Пусть передаст лорд Уэстморленд наш вызов.

Хотспер

Вы так ему, лорд Дуглас, и скажите.

Дуглас

Поверьте, сделаю весьма охотно.

Уходит.

Вустер

Намека нет на милость в короле.

Хотспер

Просили вы о ней? Избави Бог!

Вустер

Сказал я мягко про обиды наши,
Про нарушение им обета; он же
Лгал клятвенно, что клятв не нарушал;
Он называет нас бунтовщиками,
И ненавистное название это
Оружьем в нас грозит он бичевать.

Входит Дуглас.

Дуглас

К оружию, джентльмены! Я швырнул
Отважный вызов в зубы королю;
Его заложник Уэстморленд доставил,
И здесь король, конечно, будет скоро.

Вустер

Шлет принц Уэльский с ведома отца
На поединок вызов вам, племянник.

Хотспер

Будь ограничен нами лишь раздор!
Когда б пришлось сегодня задыхаться
Лишь мне и Гарри Монмуту! Как вызов
Звучал, скажите? Было в нем презрень?

Вернон

Нет, нет, клянусь душой. Ни разу в жизни
Скромнее вызова я не слышал.
Пожалуй, брат так брата приглашает
Сразиться мирно, испытать оружие.
Он вам воздал всё должное как мужу,
Украшив царской речью похвалы;
Как летопись, заслуги перечислил;
Вас выше ставил всех своих похвал;
Хулил хвалы, их слабыми считая,
И, что вполне достойно было принца,
Он говорил, краснея, о себе
И юность праздную свою журил
Так мило, словно совмещал при этом
Учителя в себе с учеником.
Тут он умолк. Скажу всему я миру:
Коль злоба нынешнего дня оставит
Его в живых, то Англия досель
Не видела такой надежды сладкой,
Что скрыта легкомыслием была.

Хотспер

По-моему, кузен, в его безумства
Влюбился ты. Я никогда не слышал
О столь безудержно распутном принце.
Но кем бы ни был он, его до ночи
Я заключу в солдатские объятия,
Чтоб он поник от моего привета.
К оружию! Братья, воины, друзья,
Вас вдохновит сознание долга так,
Как я, не обладая даром речи,
Не мог бы кровь зажечь в вас убеждением.

Входит 1 - й Гонец.

1-й Гонец

Милорд, для вас есть письма.

Хотспер

Мне некогда читать их.
О джентльмены, кратко время жизни!
Но проведенная постыдно краткость
Длинна была бы, даже если б жизнь
На стрелке часовой верхом скакала,
Всегда кончаясь с наступлением часа.
Коль жить, так королей свергать; коль смерть,
Так славная, чтоб принцы гибли с нами!
А что до совести — прекрасен меч,
Когда за дело правое он поднят.

Входит 2-й Гонец.

2-й Гонец

Милорд, король спешит сюда; готовьтесь!

Хотспер

Он речь мою прервал, за то спасибо;
Не мой конек — слова. Добавлю только:
Свой долг исполни каждый! Обнажаю
Здесь меч, чью сталь намерен запятнать
Я лучшей кровью, что поможет встретить
Мне в приключениях этот день опасный.
О Espérance! Перси! И вперед!
Звучите, трубы гордые войны!
Обнимемся под музыку их, ибо —
Поставлю небо я против земли,
Что многие в последний раз простятся.

Трубы.

Они обнимаются и уходят.

СЦЕНА 3

Равнина между двумя лагерями.

Шум битвы.

Входят с разных сторон

Дуглас и сэр Уолтер Блент.

Блент

Как ты зовешься, что в бою посмел мне
Путь преградить? Какой ты ищешь чести
От головы моей?

Дуглас

Зовусь я Дуглас,
И я тебя преследую в сражение,
Затем что слышал, будто ты король.

Блент

Ты слышал правду.

Дуглас

Лорд Стеффорд дорого с тобою сходство
Уж оплатил: мой меч пронзил его
Взамен тебя, король наш Гарри. То же
Грозит тебе, коль ты не сдашься в плен.

Блент

Не пленник пред тобой, шотландец гордый;
Ты встретил короля — он отомстит
За лорда Стеффорда.

Они сражаются. Блент падает.

Входит Хотспер.

Хотспер

Сражайся так под Хольмдоном ты, Дуглас,
Не взять бы мне ни одного шотландца.

Дуглас

Победа! Вот король, лишенный жизни.

Хотспер

Где?

Дуглас

Здесь.

Хотспер

Нет, Дуглас, мне лицо его знакомо.
То храбрый рыцарь был; он звался Блент.
На нем доспехи, как на короле.

Дуглас

Куда б ни шла твоя душа, — шут с ней!
Ты заплатил с лихвой за самозванство.
Зачем же ты назвался королем?

Хотспер

Здесь многие в одежде короля.

Дуглас

Клянусь мечом, смерть всем его одеждам!
Я перебую весь гардероб его,
Пока не встречу с ним самим.

Хотспер

Вперед!

Прекрасно войско наше бой ведет.

Уходят.

Шум битвы.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Хоть я улизнул в Лондоне от расплаты, боюсь, что здесь мне придется расплатиться. Тут на бумажке ничего не записывают, а прямо прописывают на голове. — А это кто? Сэр Уолтер Блент! Вот она, честь! Разве это не суета сует? Я разгорячился, как расплавленный свинец, и так же тяжел, как он. Да хранит меня Господь от свинца; мне и без него тяжело влачить мою утробу. — Я послал своих оборванцев туда, где им задали перцу: из полутораоста осталось в живых лишь трое, да и то им всю остальную жизнь придется просить милостыню у городских ворот. Но кто это идет сюда?

Входит принц Генрих.

Принц Генрих

Что ты стоишь здесь праздно? Дай мне меч;
Там много благородных полегло,
И топчут их хвастливые враги;
Их смерть не отмщена. Дай мне свой меч!

Фальстаф

О Хел, дай мне, пожалуйста, перевести дыхание. — Султан Григорий не совершал таких военных подвигов, как я сегодня. С Перси я расплатился. Он получил свое.

Принц Генрих

Он получит свое, когда убьет тебя. Пожалуйста, дай мне свой меч.

Фальстаф

Нет, как перед Богом, Хел, если Перси еще жив, я тебе не дам меча. Возьми мой пистолет, если хочешь.

Принц Генрих

Давай. Как, он в чехле?

Фальстаф

Да, Хел, он очень горяч; так горяч, что может сжечь целый город.

Принц Генрих вынимает бутылку с хересом.

Принц Генрих

Да, подходящее для шуток время!

Бросает в него бутылку и уходит.

Фальстаф

Ну, если Перси жив, то я проткну его. Конечно, если он встретится мне, если же нет, я сам полезу на него, хотя бы он сделал из меня рубленую котлету. Я не добиваюсь чести, от которой лицо искажается в такую гримасу, как у сэра Уолтера. Я люблю жизнь, и если смогу спасти ее, отлично; если же нет, то честь придет незваной, вот и всё.

Уходит.

СЦЕНА 4

Другая часть поля сражения.

Шум битвы. Стычки.

Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон Ланкастер и Уэстморленд.

Король Генрих

Прошу тебя,

Мой Гарри, удались: ты весь в крови, —

И ты уйди с ним вместе, Джон Ланкастер.

Принц Джон

Нет, государь, пока в крови не буду.

Принц Генрих

Молю, ваше величество, вернитесь,
Отсутствием смутите вы друзей.

Король Генрих

Согласен я. —

(Уэстморленду)

Его сейчас в палатку отведите.

Уэстморленд

Пойдемте, принц, я вас сведу в палатку.

Принц Генрих

Меня, милорд? Мне помощь не нужна.
Избави Бог! Царапине пустой
Гнать принца Уэльского с такого поля,
Где попанная знать лежит в пыли
И где мятеж кроваво торжествует?

Принц Джон

Лорд Уэстморленд, мы долго отдыхали.
Там ждет нас долг; идемте, ради Бога.
Уходят принц Джон и Уэстморленд.

Принц Генрих

Клянусь, меня ты обманул, Ланкастер:
Не думал я, что ты так силен духом.
Джон, раньше я любил тебя как брата,
Теперь тебя как душу чью свою.

Король Генрих

Я видел: нападение лорда Перси
Так храбро он отбил, как я не ждал
От юного бойца.

Принц Генрих

О, этот мальчик
В нас разжигает пыл.

Уходит.
Входит Дуглас.

Дуглас

Еще король! Как головы у гидры,
Они растут. Я — Дуглас, смерть несущий
Всем, кто одет в цвета такие. — Кто ты,
Прикидывающийся королем?

Король Генрих

Я — сам король. Мне, Дуглас, жаль сердечно,
Что несколько моих теней ты встретил,
А не меня. Два сына у меня:
Они тебя и Перси ищут в битве.
Но раз удачно ты попался мне,
Я сам с тобой покончу. Защищайся!

Дуглас

Боюсь, опять подделка ты. Хотя
Ты держишься как истинный король.
Кто б ни был ты, уверен я, ты — мой.
Тебя сразу я.

Бьются. В ту минуту, когда королю Генриху
угрожает опасность, входит принц Генрих.

Принц Генрих

Вверх голову, шотландец гнусный, или
Ее уж никогда ты не поднимешь.
В мое оружие вселились души
Отважных Шерли, Стеффорда и Блента.
Тебе грозит принц Уэльский — тот, который
Всегда уплачивал, что обещал.

Они сражаются. Дуглас обращается в бегство.

Как вы, ваше величество? Мужайтесь!
Сэр Никлас Гоузи требовал подмогу,
И Клифтон тоже. Я к нему спешу.

Король Генрих

Передохни слегка.
Ты искупил свою дурную славу
И доказал, мне помощь принеся,
Что жизнью дорожишь моей отчасти.

Принц Генрих

Как теми был унижен я, о боже,
Кто лгал, что вашей смерти жажду я!
Будь так, я дерзкой Дугласа руки,
Над вами занесенной, не отвел бы;
Покончила б она так быстро с вами,
Как яд любой, от подлого поступка
Тем самым сына вашего избавив.

Король Генрих

Так поспешим: ты — к Клифтону, я — к Гоузи.

Уходит.

Входит Хотспер.

Хотспер

Коль не ошибся я, ты — Гарри Монмут.

Принц Генрих

Ты так сказал, как будто отрекусь я
От имени.

Хотспер

Я — Гарри Перси.

Принц Генрих

Значит,

Из Перси самый доблестный мятежник.
А я — принц Уэльский; и не думай, Перси,
Делить со мной впредь славу. Двум светилам
Нельзя в единой сфере путь свершать:
Так и принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Царить не могут в Англии единой.

Хотспер

Того не будет, Гарри; час настал:
Один из нас погибнет. Дай же Бог,
Чтоб ты со мной был равен в бранной славе!

Принц Генрих

Я превзойду тебя в ней раньше, чем
С тобой расстанусь. Подвигов побегу
Сорвав со шлема твоего, из них
Сплету венок для головы своей.

Хотспер

Нет больше сил сносить твою кичливость.

Сражаются.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Превосходно, Хел! Так его, Хел! Нет, это вам не детские игрушки, смею вас уверить.

Входит Дуглас; он сражается с Фальстафом, который падает, притворившись убитым. Уходит Дуглас.
Хотспер ранен и падает.

Хотспер

Похитил ты у юности меня.
Скорей мирюсь с утратой хрупкой жизни,
Чем гордой славы, отнятой тобой.
То ранит мысль больней, чем меч твой — тело.
Но мысль — рабыня жизни, жизнь — забава
Для времени, а время — мира страж —
Должно найти когда-нибудь конец.
О, я теперь пророчествовать мог бы,
Но смерть рукой земистой и холодной
Уста смыкает. Перси, ты лишь прах
И пища для...

(Умирает.)

Принц Генрих

Червей, о Перси доблестный. Прощай,
Душа великая! Как сильно жжалось
Ты, честолюбье, сотканное плохо!
Пока жил в этом теле дух, ему
Границы королевства тесны были;
Теперь ему жилище — два шага
Земли ничтожной, на которой ты,
Безжизненный, лежишь и на которой
В живых таких, как ты, героев нет.
Будь ты способен воспринять любезность,
Усердья сердца я б не проявил.
Но искаженные твои черты

Я скрою шарфом и за исполнение
Прекрасного и нежного обряда
Себе скажу спасибо за тебя.
Прощай, возьми с собой на небо славу,
Позор же пусть с тобой в могиле спит.

Замечает лежащего на земле Фальстафа.

Как, старый друг! Ужель всё это мясо
Хоть каплю жизни удержать в себе
Не в силах было? Бедный Джек, прощай!
Я лучше снес бы лучшего утрату.
Была б мне бóльшим горем смерть твоя,
Когда бы впрямь любил беспутство я.
Достался смерти жирный красный зверь,
Хотя прекрасней жертвы есть теперь.
Пока не будешь выпотрошен весь,
Лежи в крови ты рядом с Перси здесь.

Уходит.

Фальстаф

Выпотрошить меня? Если тебе удастся сделать это сегодня, то я позволю тебе завтра посолить меня и съесть. — Черт возьми, хорошо, что я притворился мертвым, иначе этот неистовый шотландец расквитался бы со мной. Но разве я притворялся? Неправда. Притворяться — значит быть чем-нибудь поддельным. Вот мертвый человек — в самом деле подделка; в ком нет больше жизни, тот только подделка под человека; но притворяться мертвым, будучи живым, вовсе не значит совершать подделку, а скорее — быть верным и превосходным воплощением жизни. Главное достоинство в храбрости — благоразумие, и вот благодаря ему я спас свою жизнь. Черт возьми, я боюсь этого горячего, как порох, Перси, хотя он и

мертв. Что если он тоже только притворился и сейчас встанет? Право, боюсь, чтобы он не оказался лучшим притворщиком, чем я. Поэтому лучше добить его; а потом буду божиться, что я его убил. Почему бы ему не подняться, как я это сделал? Меня могут изобличить только глаза, а здесь меня никто не видит. Поэтому вот тебе, братец! (*Колет труп.*) А теперь, после этой новой раны в бедро, я уберу тебя подальше. (*Взваливает труп Хотспера себе на спину.*)

Входят принц Генрих и принц Джон.

Принц Генрих

Идем, брат Джон. Ты девственный свой меч
Геройски обновил.

Принц Джон

Постой. Что вижу?
Не ты ль сказал мне, что толстяк убит?

Принц Генрих

Конечно. Сам я видел,
Как он лежал недвижимый, весь в крови. —
Ты жив? Иль то игра воображенья
И зрения обман? Молю, скажи:
Одним глазам без слуха мы не верим.
Ты — то, чем кажешься?

Фальстаф

Нет, я не двойник. Зови меня чучелом, если я не
Джек Фальстаф. Вот ваш Перси. Если ваш отец воз-
наградит меня за это, хорошо; если ж нет, то другого
Перси пусть он сам убивает. Я рассчитываю теперь
сделаться графом или герцогом, могу вас уверить.

Принц Генрих

Как так? Я сам убил Перси и видел тебя мертвым.

Фальстаф

Вот как? О господи, господи, до чего весь мир изолгался! Я не отрицаю, что лежал на земле бездыханным, как и он; но мы вскочили оба в одну и ту же минуту и сражались целый час по шрусберийским часам. Если ты мне веришь — хорошо; если нет — пусть грех падет на голову тех, кто должен был бы вознаградить храбрость. Клянусь жизнью, я нанес ему эту рану в бедро. Если бы он ожил и стал отрицать это, — черт возьми, я заставил бы его проглотить кусок моей шпаги.

Принц Джон

Чуднее не слыхал я в жизни сказки.

Принц Генрих

И не видал чуднее молодца. —
Ступай, тащи багаж свой на спине.
Что до меня, — коль ложь тебе полезна,
Ее раззолочу, как только в силах.

Трубят отступление.

Вот трубы возвещают отступление.
День этот наш. — Взойдем же, милый брат,
На высший пункт средь поля, чтоб увидеть,
Кто из друзей убит, кто жив остался.

Уходят принц Генрих и принц Джон.

Фальстаф

Пойду за ними, — кажется, речь идет о награде.
Кто меня наградит — награди его Бог! Если я достигну величия, я уменьшусь в объеме: буду принимать

слабительное, брошу пить херес, буду жить прилично,
как подобает вельможе.

Уходит, унося труп.

СЦЕНА 5

Другая часть поля сражения.

Трубы.

Входят король Генрих, принц Генрих,
принц Джон, Уэстморленд и другие; за ними
Вустер и Вернон под стражей.

Король Генрих

Так бунт всегда находит воздаянье. —
Не посылал ли я всем вам, злой Вустер,
Мое прощенье, милость и любовь?
Ты предложенья наши извратил,
Доверие кузена обманул.
Три наших рыцаря убиты нынче;
Отважный граф и воинов немало
В живых осталось бы,
Когда б ты честно, как христианин,
Восстановил согласие меж войсками.

Вустер

Я действовал в надежде на спасенье —
И терпеливо неизбежный рок,
Что на меня обрушился, встречаю.

Король Генрих

Его и Вернона казнить немедля.
Потом рассудим и других виновных.
Стража уводит Вустера и Вернона.
А что на поле битвы?

Принц Генрих

Шотландец доблестный, лорд Дуглас, видя,
Что счастье дня покинуло его,
Что храбрый Перси пал, что страх владеет
Его людьми, с остатком их бежал,
Но так расшибся, ринувшись с холма,
Что гнавшимися схвачен. У меня
В палатке он. Молю вас, государь,
Его мне предоставить.

Король Генрих

Всей душой!

Принц Генрих

Вам, брат мой, Джон Ланкастер, подобает
Почетное деянье совершить.
Ступайте и сейчас же отпустите
Вы Дугласа без выкупа на волю.
На наших шлемах доблесть проявив,
Он научил нас уважать героизм,
Хотя бы и в груди своих врагов.

Принц Джон

За эту честь благодарю вас, брат;
Немедленно исполнить это рад.

Король Генрих

Нам остается войско разделить:
Вы, сын мой Джон, и Уэстморленд, кузен мой,
Скорее отправляйтесь в Йорк навстречу
Нортемберленду и прелату Скрупу, —
Они готовы выступить, я слышал. —
Наш с вами, сын мой Гарри, путь — на Уэльс,

Сражаться с графом Марчем и с Глендауром.
От мятежа избавится страна,
Вторично будь победа нам дана;
И, раз удачен был наш первый шаг,
Не отдохнем, пока не сломлен враг.

Уходят.

Часть вторая

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Молва (Пролог).

Король Генрих Четвертый.

Генрих, принц Уэльский, впоследствии король Генрих Пятый Томас, герцог Кларенс Джон, принц Ланкастерский	}	его сыновья.
---	---	--------------

Хемфри Глостер

Граф Уорик

Граф Уэстморленд

Граф Серри

Гоуэр

Харкорт

Блент

} сторонники короля.

Лорд Верховный судья королевской
скамьи.

Помощник Верховного судьи.

Граф Нортемберленд.

Ричард Скруп,
архиепископ Йоркский.

Лорд Моубрей

Лорд Хестинг

Лорд Бардольф

Сэр Джон Кольвиль

Треверс

Мортон

} приближенные Нортемберленда.

Сэр Джон Фальстаф.

Паж Фальстафа.

Бардольф.

Пистоль.

Пойнс.

Пето.

Шеллоу.

Сайленс.

Деви, слуга Шеллоу.

Плесень

Тень

Бородавка

Слабняк

Бычок

Фенг

Снер

рекруты.

помощники Шерифа.

Леди Нортемберленд.

Леди Перси.

Мистрис Куикли, хозяйка трактира в Истчипе.

Долль Тершит.

Лорды, слуги, Шериф, офицеры, солдаты,

Привратник, гонцы, трактирные слуги,

грумы и т.п.

Танцовщик (Эпилог).

Место действия: Англия.

ИНТРОДУКЦИЯ

Уоркуорт. Перед замком.

Входит Молва в одежде,
сплошь разрисованной языками.

Молва

Откройте уши. Кто запрет дверь слуха,
Когда вам громко держит речь Молва?
Конем почтовым ветер сделав, вести
О всех событиях земного шара
Я мчу с востока на усталый запад.
Лишь враки у меня на языках;
На всех наречьях сообщая их,
Я людям уши ложью набиваю.
Я мир сулю, когда вражда, прикрывшись
Улыбкой безопасной, ранит свет;
И кто, как не Молва, кто, как не я,
Оплот готовит, грозно рать собирает,
Когда другой бедой чревато время,
А не жестокой, яростной войной,
Как думают. Молва — что дудка: дуют
В нее догадка, зависть, подозренье,
И ею так легко владеть, что может
Чудовище со множеством голов —
Раздорная и шаткая толпа —
На ней играть. Но что же я мое
Известное всем тело расчлению

Среди своих? Зачем же здесь Молва?
Я вестница победы короля.
Под Шрусбери в сражении кровавом
Он Хотспера и рать его разбил,
Залив самих восставших кровью пламя
Восстанья дерзкого. Зачем, однако,
Я правду говорю, когда мой долг
Слух разглашать, что Гарри Монмут пал,
Мечом свирепым Хотспера сраженный,
И что король помазанной главой
Поник пред ярым Дугласом чуть жив?
Так я трубила городам и весям
Меж Шрусберийским королевским полем
И этой крепостью из камней грубых,
Источенной червями, где старик,
Родитель Хотспера, Нортемберленд
Притворно болен. У гонцов усталых —
Моя же весть. Они со слов Молвы
Обман отрадный принести спешат,
Что́ хуже правды скорбной во сто крат.

Уходит.

АКТ I

СЦЕНА 1

Там же.
Входит лорд Бардольф.

Лорд Бардольф
Эй! Кто на страже у ворот?
Привратник отворяет ворота.
Где граф?

Привратник
Как сообщить о вас?

Лорд Бардольф
Ты скажешь графу,
Что дожидается его лорд Бардольф.

Привратник
Сиятельнейший граф сейчас в саду.
Благоволите постучать в калитку, —
Он сам откликнется.

Входит Нортемберленд.

Лорд Бардольф
А вот и он.

Уходит Привратник.

Нортемберленд

Ну что, лорд Бардольф? Нынче каждый миг
Способен стать отцом событий грозных.
Лихое время! Распря — словно конь
Раскормленный, что бешено сорвался
И мчится, сокрушая все.

Лорд Бардольф

Я, граф,
Из Шрусбери известья вам привез.

Нортемберленд

Отрадные, дай Бог!

Лорд Бардольф

Нельзя быть лучше.
Король смертельно ранен; а счастливец
Милордом сыном вашим поражен
Принц Гарри там; убиты оба Блента
Рукою Дугласа; принц Джон, и Стеффорд,
И Уэстморленд сбежали с поля битвы.
А боров Монмута, толстяк сэр Джон,
Взят вашим сыном в плен. О, день подобный,
Когда так бились, побеждали так,
Не украшал еще времен доныне
С успехов Цезаря.

Нортемберленд

Откуда вести?
Вы были в Шрусбери? Видали поле?

Лорд Бардольф

Я с дворянином говорил одним,
Почтенным, родовитым, он оттуда
И смело весть за правду выдал мне.

Нортемберленд

Вот Треверс, мой слуга, идет. Его
Во вторник я послал за новостями.

Лорд Бардольф

Милорд, его я обогнал в пути;
Нет у него известий достоверней
Тех, что с моих он перескажет слов.

Входит Треверс.

Нортемберленд

Ну, Треверс, что хорошего у вас?

Треверс

Милорд, меня с отрадными вестями
Вернул с дороги сэр Джон Эмфревиль.
Он обогнал меня: под ним резвее
Был конь. Затем какой-то дворянин
Меня нагнал. Почти без сил он мчался,
В крови был конь. Он дал ему вздохнуть,
Спросил дорогу в Честер; я же вести
Из Шрусбери просил мне сообщить.
Сказал он: бунт постигла неудача,
И шпора Перси юного остыла.
Тут, отпустив поводья, он, пригнувшись,
Пришпорил так, что в каждый бок дрожавший
Несчастному животному вонзил
Почти что всё колесико, и вскачь
Пустился, как бы пожирая путь,
Не подождав вопросов.

Нортемберленд

Как сказал он?

Остыла шпора Перси молодого?

Не Хотспер он, а Кольдспер? Мятажа
Плачевна участь?

Лорд Бардольф

Я ж, милорд, скажу:
Когда ваш сын не победитель, честью
Клянусь, отдам за шелковый шнурок
Свои владенья. Пустякам не верьте.

Нортемберленд

Но как же всадник, Треверса нагнавший,
Потери точно указал?

Лорд Бардольф

Кто он?

Он, верно, проходимец, что скакал
На краденom коне. Клянусь вам жизнью,
Он зря болтал. А вот еще известья.

Входит Мортон.

Нортемберленд

Да, как заглавный лист, его чело
Всю сущность скорбной книги возвещает.
Так берег выглядит, где след набега
Оставлен разъярившимся приливом.
Скажи, из Шрусбери ты, Мортон?

Мортон

Из Шрусбери, милорд, где злая смерть
Страшнейшую надела маску
На ужас нашим.

Нортемберленд

Что мой сын? Мой брат?
Трепещешь ты, и бледность щек твоих

Весть сообщить способней, чем язык.
Так выглядел и тот, кто поздней ночью,
Полуживой и горем обуянный,
Приама полог распахнул, чтоб крикнуть:
«Пол-Трои в пламени». Но взор Приама
Опередил пришельца речь. Так я,
Хоть ты молчишь, узнал, что мертв мой Гарри.
Сказать хотел ты: «Сын ваш сделал то-то,
И то-то — брат, так бился славный Дуглас»,
Мой жадный слух их доблестью питаю.
В конце же, чтоб и впрямь мой слух насытить,
Одним бы вздохом ты хвалы развеял,
Сказав: «Ваш брат, и сын, и все — мертвы».

Мортон

Нет, Дуглас жив, и жив еще ваш брат;
Милорд же сын ваш...

Нортемберленд

Да, он мертв. — Смотрите,
Как подозрение быстро на слова.
Боясь того, что хочется нам знать,
Чутьем в глазах другого мы читаем:
Свершилось страшное. Признайся ж, Мортон,
Скажи, что лжет предчувствие мое, —
И я сочту обидой сладкой это
И за нее тебя озолочу.

Мортон

Я не осмелюсь вам противоречить;
Нет, дух ваш прав, и страх ваш справедлив.

Нортемберленд

И всё ж не говори, что мертв мой Перси.
Я страшное признание читаю

В твоих глазах. Качаешь головой?
По-твоему, открыть опасно правду
Или грешно? Коль он убит — скажи.
Невинен тот, кто сообщит о смерти.
Грех оболгать того, кто мертв; не грех
Сказать, что нет в живых того, кто умер.
Но первый вестник горя исполняет
Тяжелый долг; его слова потом
Всегда звучат, как колокол печальный,
Напоминая погребенье друга.

Лорд Бардольф

Не верится, милорд, что сын ваш мертв.

Мортон

К прискорбью, в том я должен вас уверить,
Чего, клянусь, я б видеть не желал.
Увы, я видел этими глазами
Его окровавленного, без сил;
Едва дыша, удары отражал
Он Гарри Монмута, чей гнев поспешный
Поверг во прах бестрепетного Перси,
Откуда он уже не встал живым.
И лишь узналась смерть того, кто даже
В ленивейших бойцов огонь вдыхал,
Его рядов крепчайшую отвагу
Она лишила пыла и огня.
Его металл стальными наших делал;
Лишь размягчился он, — все, став собой,
В свинец тупой и грузный превратились;
И как предмет сам по себе тяжелый
Летит быстрее, коль дан ему толчок,
Так весу наших войск, отяжелевших
С утратой Перси, сообщил их страх

Такую легкость, что быстрее стрел,
Летающих в цель, они, в спасенье целясь,
Летели с поля. Благородный Вустер
Пленен был скоро; яростный шотландец,
Кровавый Дуглас, чей ретивый меч
Трижды сражал подобье короля,
Стал падать духом, и позор бежавших
Украсил он; но на бегу споткнулся
От страха он и взят был в плен. В итоге —
За королем победа. Он поспешно
Навстречу вам, милорд, отправил рать,
Которую ведут Ланкастер юный
И Уэстморленд. Я всё вам сообщил.

Нортемберленд

Довольно будет времени для скорби.
Лекарством служит яд. Будь я здоров,
Я занемог бы от подобной вести,
Больной же — ею уврочеван я.
И как страдалец бедный, чьи суставы,
Горячкой сломлены, под гнетом жизни
Распатанными петлями повисли,
Вдруг вырвется в припадке, как огонь,
Из рук зрителей, — так и во мне,
Разбитом скорбью, скорбью разъяренным,
Тройная мощь! — Прочь, слабый мой костыль!
Перчатки с чешуей стальной мне руки
Должны закрыть. Прочь ты, колпак больного!
Защита ль голове ты, ставшей целью
Для раззадоренных победой принцев?
Железом лоб мне стисните! Настань,
Злой час, что время и вражда пошлют,
Грозя суровому Нортемберленду!
Целуй же землю, небо! Плеть природа

Не сдержит ярость вод! Умри, порядок!
Пусть этот мир не будет больше сценой,
Где в пьесе медленно растёт раздор.
Пускай царит в сердцах у всех людей
Дух Каина, дух первенца людского;
Пусть все сердца охватит жажда крови,
Чтоб кончилась жестокая игра
И стал бы мрак могильщиком умерших.

Треверс

Порыв столь бурный вреден вам, милорд.

Лорд Бардольф

Граф, мудрости не разлучайте с честью.

Мортон

Жизнь милых вам союзников зависит
От вашего здоровья; вы ж его
Погубите, давая волю страсти.
Ведь прежде чем сказать: «поднимем меч»,
Вы взвесили исход войны, учли
Превратности ее, предполагали,
Что и ваш сын мог под удар попасть.
Он над опасностями шел по жерди;
Упасть, вы знали, легче, чем пройти.
Вы ведали, что плоть его доступна
Рубцам и ранам, что отважный дух
В гущу опасностей его толкнет,
И всё ж: «иди» сказали. Ни одна
Из этих мыслей не могла сдержать
Упорного решенья. Что ж случилось,
Что ж этот смелый замысел принес,
Чего б не в силах были вы предвидеть?

Лорд Бардольф

Мы все, кто ныне побежден, мы знали,
Что вышли в море грозное, где легче
Нам в десять раз погибнуть, чем спастись.
Мы всё ж пошли, на выгоды надеясь
И этим страх опасности прогнав.
Коль мы разбиты, надо вновь дерзать
Идти, всем жертвуя — добром и жизнью.

Мортон

Пора! Милорд, поистине я слышал
И правду говорю: наш благородный
Архиепископ Йоркский с сильным войском
Восстал; а всех приверженцев своих
Он связывает узами двойными.
Милорд, ваш сын вел в бой одни тела,
Подобие мужей, их тени только,
Затем, что слово «бунт» в них разобщило
С их душами деяния их тел.
Шли в бой они насильно, с отвращеньем,
Как пьют лекарство; лишь оружие их
За нас, казалось, было; их же души
От слова «бунт» замерзли, точно рыба
В пруду. Теперь епископ превращает
Восстание в благочестивый подвиг.
Чтя искренность и святость мыслей в нем,
За ним идут как телом, так и духом.
Благою кровью Ричарда-монарха,
Соскобленную с помфретских камней,
Он освятил мятеж и объявляет,
Что он восстал за край окровавленный,
Задавленный великим Болингброком, —
И стар и млад толпой идут за ним.

Нортемберленд

Я это знал, но, говоря по правде,
В моем уме всё стерла ныне скорбь.
Пойдем ко мне; пусть каждый мне укажет
К спасению и к мести лучший путь.
Друзей собрать скорее мы должны.
Как мало их — и как они нужны!

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Улица.

Входит Джон Фальстаф в сопровождении Паж, который несет меч и щит.

Фальстаф

Ну, великан, что сказал доктор про мою мочу?

Паж

Он сказал, сэр, что моча сама по себе здоровая, но что касается ее собственника, то он не подозревает, сколько в нем сидит разных болезней.

Фальстаф

Всякого рода люди только и ищут случая посмеяться надо мной; мозг человека, этого нескладного комка глины, не способен изобрести ничего смешного, кроме моих измышлений или придуманного другими на мой счет. Я не только сам остроумен, но и являюсь источником остроумия для других людей. Вот я иду впереди тебя, похожий на свинью, которая

передавила весь свой приплод, кроме одного поросенка. Или я ничего не понимаю, или принц нарочно назначил тебя ко мне на службу, чтобы подчеркнуть мое телосложение. Лучше бы тебе, непотребный корешок мандрагоры, торчать у меня на шляпе, чем ходить за мной по пятам. Никогда еще мне не прислуживала агатовая фигурка. Я не оправлю тебя ни в золото, ни в серебро, а одену в самое дрянное платьишко и отошлю обратно в качестве драгоценного камня к твоему господину, юному принцу, у которого подбородок еще не оброс. У меня скорее борода вырастет на ладони, чем у него на щеках, а он еще смеет говорить, что у него лицо королевское. Господь, быть может, когда-нибудь еще доделает его, но пока на нем нет ни одного лишнего волоска, и всё сходство его с королевским лицом на монетах только в том, что цирюльник не заработает на нем шести пенсов. А всё же он петушится, словно уже считался мужчиной, когда его отец еще холостым был. Как бы он ни ценил свою милость, а мою милость он почти совсем потерял, могу его уверить. — Ну, что же сказал мистер Демблтон относительно атласа на епанчу и шаровары для меня?

П а ж

Он сказал, сэр, что вы должны ему представить лучшего поручителя, чем Бардольф. Он не хочет принять ни вашей, ни его расписки. Такого обеспечения ему недостаточно.

Ф а л ь с т а ф

Будь он проклят, как обжора в притче! Пусть у него язык пересохнет! Вот поганый Ахитофель! Вот подлый скаред! Сначала заманивает благородного челове-

ка всякими обещаниями, а потом требует поручительства! Эти сладкоречивые мерзавцы ходят теперь не иначе, как в высоких сапогах и со связками ключей у пояса, а когда человек хочет честно взять у них товар в кредит, они требуют обеспечения! Я предпочел бы, чтобы мне насыпали в рот крысиной отравы, чем затыкали его этим «обеспечением». Я ждал, что он пришлет мне двадцать два ярда атласа, как благородному рыцарю, а он шлет мне свое «обеспечение»! Ладно, пусть себе спит обеспеченно: у него ведь есть рог изобилия, сквозь который просвечивает ветреность его жены; он того не видит, хоть у него и есть собственный фонарь. — А где Бардольф?

П а ж

Он отправился в Смитфильд покупать для вашей милости лошадь.

Фальстаф

Я его купил в церкви Святого Павла, а он купит мне лошадь в Смитфильде. Если бы я еще добыл жену в публичном доме, я был бы снабжен слугой, лошастью и женой.

Входит Верховный судья с Помощником.

П а ж

Сэр, вот идет господин, который посадил принца под арест за то, что тот ударил его из-за Бардольфа.

Фальстаф

Уйдем скорей, я не хочу с ним встречаться.

Верховный судья

Кто это там уходит?

Помощник

Фальстаф, с позволения вашей милости.

Верховный судья

Тот, который был под следствием по делу о грабеже?

Помощник

Да, милорд. Но с тех пор он отличился при Шрусбери и, как я слышал, получил военную должность; он отправляется к лорду Джону Ланкастерскому.

Верховный судья

Как, в Йорк? Верни его сюда.

Помощник

Сэр Джон Фальстаф!

Фальстаф

Мальчик, скажи им, что я глух.

Паж

Говорите громче: мой господин глух.

Верховный судья

Да, конечно, он глух ко всему хорошему. Поди возьми его за локоть. Мне надо поговорить с ним.

Помощник

Сэр Джон...

Фальстаф

Как? Такой молодой и просит милостыню? Разве теперь не военное время? Разве нет дела? Разве коро-

лю не нужны подданные, а бунтовщикам — солдаты? Хотя и позор быть на чьей-либо стороне, кроме королевской, но еще позорнее нищенствовать, чем присоединиться к неправой стороне, хотя бы ее действия были хуже, чем можно выразить словом «мятеж».

Помощник

Вы ошибаетесь насчет меня, сэра.

Фальстаф

Как, сэра, разве я сказал, что вы честный человек? Оставив в стороне мое рыцарское и солдатское достоинство, я бы солгал, если бы сказал это.

Помощник

Прошу вас, сэра, оставив в стороне ваше рыцарское и солдатское достоинство, позволить мне сказать вам, что вы лжете, говоря, что я не являюсь честным человеком.

Фальстаф

Чтобы я позволил тебе это сказать? Чтобы я оставил в стороне то, что срослось со мной? Пусть меня повесят, если я это тебе позволю; а если ты сам себе это позволишь, так пусть повесят тебя. Прочь, проходи мимо, дрянная ищейка, убирайся!

Помощник

Сэр, милорд хочет с вами поговорить.

Верховный судья

Сэр Джон Фальстаф, я хотел бы сказать вам слова два.

Фальстаф

Ваша милость! Да пошлет Господь вашей милости здоровья. Я очень счастлив, что вижу вашу милость на улице. Я слышал, что ваша милость была больна. Надеюсь, что ваша милость вышла на улицу по совету врача. Хотя ваша милость не переступила еще границ молодости, всё же ваши годы уже отзываются преклонностью и в них чувствуется соль; поэтому я почтительно умоляю вашу милость заботиться о вашем драгоценном здоровье.

Верховный судья

Сэр Джон, я посылал за вами, прежде чем вы отправились в Шрусбери.

Фальстаф

С вашего позволения, милорд, я слышал, что его величество вернулся несколько недовольный из Уэльса.

Верховный судья

Я не говорю о его величестве. Вы не пожелали явиться, когда я за вами посылал.

Фальстаф

И я слышал, между прочим, что с его высочеством опять приключилась эта подлая апоплексия.

Верховный судья

Пошли ему Бог здоровья. — Прошу вас, дайте мне поговорить с вами.

Фальстаф

Апоплексия, насколько я могу судить, — это нечто вроде летаргии, с разрешения вашей милости, сонливости крови, и какой-то проклятый зуд.

Верховный судья

Что вы мне там толкуете? Пусть она будет, чем ей угодно.

Фальстаф

Она происходит от больших огорчений, от занятий или потрясения мозга. Я читал о причине ее появления у Галена: это род глухоты.

Верховный судья

Мне кажется, вы страдаете этим недугом: вы не слышите, что я вам говорю.

Фальстаф

Верно, милорд, верно. Или, с вашего позволения, я скорее страдаю тем, что не слушаю, не обращаю внимания.

Верховный судья

Если бы надеть на вас колодки, ваш слух излечился бы. Я, кажется, соглашусь быть вашим врачом.

Фальстаф

Милорд, я беден, как Иов, но не обладаю его терпением. Ваша милость может прописать мне, ввиду моей бедности, микстуру тюремного заключения, но выполню ли я ваши предписания, мудрец может в том усомниться на драхму или даже на целый скрупул.

Верховный судья

Я посылаю за вами, чтобы поговорить о деле по обвинению, которое могло стоить вам жизни.

Фальстаф

А я, посоветовавшись с ученым юристом, весьма сведущим в подобного рода делах, не явился.

Верховный судья

Дело в том, сэр Джон, что вы живете в большом беззаконии.

Фальстаф

Кто носит такой пояс, как я, не может жить в меньшем.

Верховный судья

Средства ваши очень малы, а расходы весьма значительны.

Фальстаф

Я предпочел бы, чтобы было наоборот: чтобы средства мои были побольше, а расходы — поменьше.

Верховный судья

Вы совратили молодого принца с пути истинного.

Фальстаф

Это молодой принц совратил меня: я — толстопузый, а он — моя собака.

Верховный судья

Ладно, я не хочу беречь только что затянувшуюся рану. Ваши военные заслуги под Шрусбери несколько заглаживают ваши ночные подвиги в Гедсхиле. Благодарите наше беспокойное время за то, что вас оставили в покое по тому делу.

Фальстаф

Милорд...

Верховный судья

Раз всё обошлось для вас благополучно, сидите смирно, не будите спящего волка.

Фальстаф

Будить волка так же неприятно, как нюхать след лисицы.

Верховный судья

Вы точно свеча, лучшая часть которой уже сгорела.

Фальстаф

Толстая праздничная свеча, вся из сала; пудовая свеча, судя по моей комплекции.

Верховный судья

Каждый седой волос на вашем лице должен был бы придавать вам вескость.

Фальстаф

Вес, вес, вес.

Верховный судья

Вы всюду следуете за молодым принцем, как злой ангел.

Фальстаф

Ну нет, милорд. Дурной ангел всегда легок, но кто на меня взглянет, наверно примет меня, не проверяя

веса. А все-таки в некотором отношении, должен сознаться, я не имею курса. В наше продажное время добродетель так упала в цене, что истинным храбрецам остается только водить медведей. Люди остроумные сделались трактирными слугами, и вся их изобретательность тратится на составление счетов. Все остальные качества, свойственные человеку, в наш подлый век сто́ят дешевле крыжовника. Вы, старик, не понимаете, на что мы, молодые, способны. Вы судили о жаре нашей печени по горечи вашей желчи. А мы, находясь в авангарде молодости, — должен сознаться, — склонны иногда к сумасбродству.

Верховный судья

Как? Вы причисляете себя к молодежи, будучи отмечены всеми признаками старости? Разве у вас глаза не слезятся, руки не высохли, щеки не пожелтели, борода не побелела, ноги не ослабли, а живот не отвис? Разве у вас не разбитый голос, не короткое дыхание, не двойной подбородок и не половинный ум? Всё в вас одряхлело от старости, а вы все-таки считаете себя молодым? Стыдитесь, стыдитесь, сэра Джон.

Фальстаф

Милорд, я родился в три часа пополудни, с белой головой и круглым животом. Что же касается моего голоса, то я потерял его от оранья церковных песнопений. Иных доказательств моей молодости я не желаю вам давать. Дело в том, что я стар только умом и рассудительностью; если кто вздумает побиться со мной об заклад в том, кто лучше прыгает, он наверняка потеряет свои деньги. Что же касается пощечины, которую вам залепил принц, то он дал ее как невежливый принц, а вы приняли ее как рассу-

дительный лорд. Я выбрал его за это, и молодой лев кается, правда, не обрядившись в рубище и не посыпав голову пеплом, а надев новый шелковый кафтан и попивая старый херес.

Верховный судья

Пошли, Господь, принцу лучшего приятеля!

Фальстаф

Пошли, Господь, приятелю лучшего принца! Не знаю, как развязаться с ним.

Верховный судья

Ну, да ведь король разлучит вас с принцем Гарри. Я слышал, вас посылают с лордом Джоном Ланкастерским против архиепископа и графа Нортемберленда.

Фальстаф

Да, благодаря вашим любезным стараниям. Но прошу вас всех, остающихся дома в объятиях мира, — молитесь о том, чтобы армии наши не сошлись в слишком жаркий день, потому что, клянусь Господом, я взял с собой только две рубашки и вовсе не желаю очень потеть. Если выпадет жаркий день и я буду размахивать чем-нибудь, кроме бутылки, пусть никогда мне больше не выплевывать белой слюны. Как только дело покажется им опасным, так они сейчас же меня туда гонят. Но ведь я не вечен. Но таков уж обычай у англичан: если им попадется в руки что-нибудь хорошее, они всюду пускают его в ход. Если вы меня считаете за старого человека, дайте мне отдохнуть. Ей-богу, я хотел бы, чтобы мое имя не внушало такого страха неприятелю; лучше

быть изъеденным ржавчиной, чем изничтоженным от непрерывного движения.

Верховный судья

Ну, будьте честным человеком, будьте честным, я да благословит Господь ваш поход.

Фальстаф

Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на дорогу?

Верховный судья

Ни одного пенни, ни одного пенни. Вы слишком нетерпеливы, чтобы возлагать на вас крест. Прощайте! Передайте мой привет кузену Уэстморленду.

Уходят Верховный судья и его Помощник.

Фальстаф

Пусть мне дадут щелчка в нос, если я это сделаю. У людей старость так же неразлучна со скупостью, как молодость тела — с распутством. Зато подагра мучит старость, а Венера — молодость, и потому я не стану проклинать ни ту, ни другую. Эй, малый!

Паж

Что прикажете?

Фальстаф

Сколько денег у меня в кошельке?

Паж

Семь гротов и два пенса.

Фальстаф

Не могу найти лекарства против карманной чухотки. Займы только затягивают эту болезнь, но не излечивают ее. Отнеся это письмо лорду Ланкастеру, а это — принцу, а это — графу Уэстморленду, а это — старой мистрис Урсуле, которой я еженедельно клянусь жениться на ней с тех пор, как в бороде у меня появился первый седой волос. Ступай. Ты знаешь, где найти меня.

Уходит Паж.

Ах, чтоб черт наслал Венеру на эту подагру или подагру на эту Венеру. Либо одна из них, либо другая пошаливают в моем большом пальце на ноге. Не беда, если я буду прихрамывать; можно всё свалить на войну, и тем легче добиться пенсии. Умный человек всё обратит в свою пользу, — и я сумею извлечь выгоду из своих недугов.

Уходит.

СЦЕНА 3

Йорк. Зала в архиепископском дворце.

Входят архиепископ Йоркский,
лорд Хестингс, лорд Моубрей
и лорд Бардольф.

Архиепископ

Теперь вам ясны наши цель и средства.
Прошу вас, благородные друзья,
Скажите, каковы у нас надежды. —
И первый вы что скажете, лорд-маршал?

Моубрей

Для мятежа я вижу основанье.
Но мне приятно было бы узнать,
Как мощь свою нам увеличить, чтобы
Мы, сильные, подняв чело надменно,
Могли взирать на войско короля.

Хестингс

Сейчас у нас в отрядах есть по спискам
Солдат отборных тысяч двадцать пять;
А главная надежда на подмогу —
Нортемберленд могучий, в чьей груди
Не угасает пламя оскорбления.

Лорд Бардольф

Но могут ли, вот в чем вопрос, лорд Хестингс,
Двадцать пять тысяч наших устоять
Одни, без помощи Нортемберленда?

Хестингс

Лишь с нею могут.

Лорд Бардольф

В этом-то всё дело.
Но раз мы слишком слабы без него,
По-моему, нельзя идти далеко,
Пока не будет помощь под рукой.
Нельзя в таком кровопролитном деле
Сомнений, ожиданий и догадок
О помощи неверной допускать.

Архиепископ

Лорд Бардольф прав вполне, а юный Хотспер
Поэтому под Шрусбери погиб.

Лорд Бардольф

Да; он, милорд, надеждою питался,
Благих посулов воздух он глотал,
Мечтой о войске льстил себя, а было
Оно скромней его мечты скромнейшей.
Обширным грезам, свойственным безумью,
Отдавшись, войско он повел на смерть
И слепо на погибель устремился.

Хестингс

Но никогда, признайтесь, не вредило
Принять в расчет надежду и возможность.

Лорд Бардольф

Нет, вред большой, когда в войне, как эта,
Где всё в ходу, всё в действии уже,
Живут надеждой, как весной мы смотрим
На почки: что плоды они дадут,
Надежда меньше, нежели опасность,
Что их побьет мороз. Желая строить,
Мы место выберем и план начертим;
Когда же форма зданья нам ясна,
Прикинем мы расходы на постройку,
И если выше наших средств они,
Нам остается план наш сократить
Иль от постройки вовсе отказаться.
Тем более в таком великом деле,
Как разрушение государства с целью
Постройка нового, нам долг велит
Исследовать и место и чертеж,
Условиться о твердом основанье,
Строителей спросить, проверить средства,
Способны ль это выдержать они
В борьбе с врагом. Иначе силы наши

Останутся лишь в цифрах, на бумаге,
Заменят нам людей их имена,
И будем мы, как тот, кто план составил,
Превысив средства, и на половине
Бросает стройку, ценное добро
Оставив тучам плачущим и сделав
Его добычей яростной зимы.

Хестингс

Пусть много нам сулившие надежды —
Мертворожденные, и не дожидаться
Ни одного солдата больше нам, —
Мне кажется, у нас довольно сил,
Чтобы сразиться с войском королевским.

Лорд Бардольф

Как? Двадцать пять лишь тысяч у него?

Хестингс

И этого нет против нас, лорд Бардольф.
Тревожны дни, и войско на три части
Он разделил: одна — против французов,
Одна — против Глендаура, и лишь третья
Идет на нас. Так натрое разбит
Король наш слабый, сундуки ж его
Звук издают лишь нищей пустоты.

Архиепископ

Что соберет он войско воедино
И всею силой двинется на нас,
Бояться нечего.

Хестингс

Так поступив,
Тыл обнажит он, и француз с валлийцем
Им в пятки вцепятся. Нет, вы не бойтесь.

Лорд Бардольф

Кто должен рать его сюда вести?

Хестингс

Принц Джон Ланкастер и лорд Уэстморленд;
Он с Гарри Монмутом — против валлийца;
Кто ж на французов поведет отряд,
Нет сведений у нас.

Архиепископ

Итак, вперед!

Объявим мы причины мятежа.
Противен стал стране ее избранник,
И страстная пресытилась любовь.
Как ненадежно и непрочно зданье
Того, кто строит на любви народной!
Толпа тупая! Ты ль не сотрясала
Хвалами небо, славя Болингброка,
Пока он не был тем, кем ты хотела
Его увидеть. Но лишь стал он им,
Так скотски ты объелась им, обжора,
Что изрыгнуть стараешься его.
Так сукой подлой из утробы алчной
Был Ричард царственный тобой извергнут;
Блевотину ж теперь ты, воя, ищешь,
Чтобы пожрать. Кому же нынче верить?
Кто видеть мертвым Ричарда хотел,
Когда он жил, те в гроб его влюбились.
Швыряла грязью ты в него, когда,
Вздыхая, он через спесивый Лондон
За Болингброком чествуемым ехал;
Теперь вопишь: «Земля, верни его,
А Генриха возьми!» О шаткость мыслей!

Им плохо всё сегодня, и светло
Лишь то, что будет или что прошло.

Моубрей

Проверим рать — и в бой все, как один!

Хестингс

Так время нам велит, наш господин.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Лондон. Улица.

Входят Хозяйка и Фенг
со слугой-мальчиком, затем Снер.

Хозяйка

Мистер Фенг, вы занесли мою жалобу в список?

Фенг

Занес.

Хозяйка

А где ваш помощник? Он сильный человек? Может за себя постоять?

Фенг

Эй, малый, где Снер?

Хозяйка

Ну да, где милый мистер Снер?

Снер

Здесь, здесь.

Фенг

Снер, мы должны арестовать сэра Джона Фальстафа.

Хозяйка

Да, дорогой мистер Снер, я подала на него ко
взысканию.

Снер

Это может кому-нибудь из нас стоить жизни, по-
тому что он возьмется за оружие.

Хозяйка

Ах, боже мой, берегитесь его! Он напал на меня с
оружием в моем собственном доме, и притом самым
скотским образом. Когда он берется за оружие, он
уже ни с чем тогда не считается и на всех кидается,
как дьявол; он никому пощады не дает: ни мужчине,
ни женщине, ни ребенку.

Фенг

Только бы он попался мне в руки, — я его не
побуюсь.

Хозяйка

И я нисколько. Я буду стоять рядом с вами.

Фенг

Только бы мне зацапать его, — я уж его не выпущу.

Хозяйка

Если он уедет, я пропала! Уверяю вас, он страшно
много мне задолжал. Добрейший мистер Фенг, захва-
тите его; добрейший мистер Снер, по дайте ему улиз-
нуть. В настоящую минуту, доложу вашей милости, он
отправился на паштетный угол покупать себе седло; и
он приглашен к обеду в «Леопардову голову» на Лом-

бардской улице к мистеру Смуту, торговцу шелковыми товарами. Прошу вас, раз моему делу дан ход и все о нем знают, притяните его к ответу. Сто марок не шутка для бедной одинокой женщины. Я всё ждала и ждала, а он всё обманывал и обманывал меня, откладывая со дня на день, — даже вспомнить стыдно. В этом нет ни капельки честности — обращаться так с женщиной, словно с каким-нибудь ослом или скотиной, которая должна терпеть обиду от всякого. Вот он идет, и с ним этот красноносый негодяй Бардольф. Исполняйте ваши обязанности, исполняйте ваши обязанности, мистер Фенг и мистер Снер, пожалуйста, пожалуйста, исполняйте их.

Входят Фальстаф, Паж и Бардольф.

Фальстаф

Что такое? Чья кобыла подохла? Что случилось?

Фенг

Сэр Джон, я арестую вас по требованию мистрис Куикли.

Фальстаф

Прочь, мерзавцы! Обнажи свой меч, Бардольф. Отруби голову этому подлецу, а эту негодяйку брось в канаву.

Хозяйка

Меня в канаву? Я тебя самого брошу в канаву. Сунься, сунься, поганый ублюдок! Спасите, режут! Ах ты, подлый человекоубийца! Вздумал божьих и королевских слуг убивать? Ах ты, человекоубийственный мерзавец! Смертоубийство — твое дело! Ах ты, человекоубийца и женоубийца!

Фальстаф

Бардольф, прогони их.

Фенг

На помощь! На помощь!

Хозяйка

Люди добрые, держите обоих или хоть одного. Ты не хочешь? Не хочешь? погоди же, мерзавец, погоди, душегуб!

Паж

Прочь ты, судомойка, мерзкая баба, вонючка! А то я поглажу тебя по задней части!

Входит Верховный судья со свитой.

Верховный судья

Что случилось? Что за шум?

Хозяйка

Добрейший господин судья, проявите ко мне доброту. Умоляю вас, защитите меня.

Верховный судья

Вы вновь буяните, сэр Джон? Теперь,
При вашем назначении и чине?
Должны бы были вы уж ехать в Йорк.
Прочь, дурачье! Зачем к нему пристали?

Хозяйка

Ах, высокочтимый лорд, с вашего позволения, я бедная вдова из Истчипа, и он арестован по моему иску.

Верховный судья
На большую сумму?

Хозяйка

Да он всю мою суму опорожнил, всё забрал, что у меня было. Он съел меня со всем моим хозяйством и домом. Всё мое достояние перешло в его жирное брюхо. Но я получу обратно хоть часть своего добра, или буду приходить к тебе по ночам и давить, как кошмар.

Фальстаф

Я сам сумею давить тебя, если только удастся вскарабкаться.

Верховный судья

Что это значит, сэр Джон? Стыдитесь! Как может порядочный человек переносить такую бурю ругательств? Не совестно ли вам заставлять бедную вдову прибегать к таким крайностям, чтобы вернуть себе свое имущество?

Фальстаф

Какую же сумму я тебе должен?

Хозяйка

Если ты честный человек, то ты задолжал мне и деньгами и своей особой. Ты клялся мне на золоченом кубке в Дельфиновой комнате, у круглого стола, перед камином, где пылал каменный уголь, в среду после Троицы, когда принц разбил тебе голову за то, что ты сравнил его отца с виндзорским певчим; ты клялся, когда я промывала тебе рану, что женишься

на мне и сделаешь меня своей женой, знатной дамой. Станешь ты это отрицать? Тут еще вошла ко мне жена мясника, мистрис Кич, и назвала меня кумушкой Куикли; она пришла попросить у меня уксусу, потому что готовила в этот день блюдо из раков; тебе еще захотелось поесть их, а я сказала, что при свежей ране вредно есть раков. А когда она спускалась по лестнице, не сказал ли ты, что я не должна держать себя слишком запросто с такими людишками, потому что они меня скоро будут называть «миледи»? Разве ты не поцеловал меня после этого и не попросил у меня тридцать шиллингов? Я заставлю тебя присягнуть на Библии, — попробуй-ка отпереться.

Фальстаф

Милорд, это — жалкая сумасшедшая; она на весь город кричит, что ее старший сын похож на вас. У нее было когда-то хорошее состояние, а теперь она обеднела и рехнулась от этого. А что касается этих глупых полицейских, то прошу вас, разрешите мне потребовать от них удовлетворения.

Верховный судья

Сэр Джон, сэр Джон, я отлично знаю вашу привычку извращать истину. Но ни самоуверенный вид ваш, ни поток слов, полный бесстыдной наглости, не заставят меня отступить от беспристрастия. Насколько я понимаю, вы злоупотребили слабыхарактерностью этой женщины, воспользовавшись ее деньгами и ею самою.

Хозяйка

Совершенно верно, милорд.

Верховный судья

Помолчи, пожалуйста. — Заплатите ей долг и возместите обиды, причиненные вами ей; первое обойдется вам в несколько фунтов стерлингов, а для второго потребуется искреннее раскаяние.

Фальстаф

Милорд, я не могу выслушивать подобные упреки без возражений. Благородную смелость вы называете бесстыдной наглостью; значит, если человек отвешивает поклоны и ничего не говорит, так он уже и добродетелен. Нет, милорд, не забывая должного почтения к вам, я не хочу быть вашим просителем. Заявляю вам, что прошу освободить меня от этих полицейских, так как я тороплюсь на службу по королевским делам.

Верховный судья

Вы говорите так, как будто вправе поступать беззаконно. Удовлетворите требования этой бедной женщины, чтобы поддержать ваше доброе имя.

Фальстаф

Поди сюда, хозяйка. *(Отводит ее в сторону.)*

Входит Гоуэр.

Верховный судья

Ну, мистер Гоуэр, что нового?

Гоуэр

Милорд, король и Генрих, принц Уэльский, Уж близко. Остальное скажут письма.

Фальстаф

Даю слово как дворянин...

Хозяйка

Вы и раньше это же самое говорили.

Фальстаф

Даю слово как дворянин... Ступай, ни слова больше об этом.

Хозяйка

Клянусь этой небесной землей, по которой я ступаю, я должна буду заложить серебряную посуду и стенные ковры из столовой.

Фальстаф

Оставь только стаканы, они нужны для питья. А что касается стен, то какая-нибудь веселенькая картинка, или история блудного сына, или немецкая охота, написанная водяными красками, в тысячу раз лучше всех этих занавесок или изъеденных молью ковров. Дай фунтов десять, если можешь. Если бы не твои капризы, право, в Англии не было бы женщины лучше, чем ты. Пойди вымой лицо и возьми назад свою жалобу. Ты не должна со мной ссориться. Разве ты меня не знаешь? Ну, ну, я ведь знаю, что тебе наговорили на меня.

Хозяйка

Прошу тебя, сэр Джон, удовольствуйся двадцатью ноблями. Право, мне не хочется закладывать серебряную посуду, уверяю тебя.

Фальстаф

Ладно, я извернусь как-нибудь иначе; а ты всегда будешь дурой.

Хозяйка

Ну, хорошо, я достану вам денег, хотя бы пришлось для этого мои платья заложить. Надеюсь, вы придете к ужину? А потом вы мне всё зараз заплатите?

Фальстаф

Жив не буду, если не заплачу. (*Бардольфу.*) Иди, иди за ней, не отходи ни на шаг, ни на шаг.

Хозяйка

Хотите, чтобы к ужину пришла Долль Тершит?

Фальстаф

Понятно, пускай она приходит.

Уходят Хозяйка, Бардольф,
полицейские и Паж.

Верховный судья
(*Гоуэру*)

Я получил еще лучшие вести.

Фальстаф

Какие, милорд?

Верховный судья

Где провел король прошлую ночь?

Гоуэр

В Безингстоке, милорд.

Фальстаф

Надеюсь, милорд, всё благополучно? Какие вести у вас, милорд?

Верховный судья

Возвращаются ли все войска обратно?

Гоуэр

Пехоты тысяча пятьсот и конных
Пятьсот пошли Ланкастеру на помощь
Против епископа с Нортемберлендом.

Фальстаф

Разве король возвращается из Уэльса, милорд?

Верховный судья

Я вам немедленно дам письма. Пойдемте со мной,
добрейший мистер Гоуэр.

Фальстаф

Милорд!

Верховный судья

Что такое?

Фальстаф

Мистер Гоуэр, могу я просить вас отобедать со
мной?

Гоуэр

Я нахожусь в распоряжении милорда; благодарю
вас, добрейший сэр Джон.

Верховный судья

Сэр Джон, вы слишком здесь задержались; вам
следовало бы вербовать солдат в графствах.

Фальстаф

Хотите поужинать со мной, мистер Гоуэр?

Верховный судья

Какой дурак научил вас такому обхождению, сэр
Джон?

Фальстаф

Мистер Гоуэр, если такое обхождение мне не к лицу, то научил меня ему дурак. — Вот как следует фехтовать, милорд: удар за удар. А засим, прощайте.

Верховный судья

Да просветит тебя Господь! Ты превеликий глупец.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Право, я ужасно устал.

Пойнс

Может ли это быть? Я думал, что усталость не смеет посягать на такую высокородную особу.

Принц Генрих

Должен в этом признаться, хотя бы от этого бледнели краски моего величия. Может быть, покажется низким и мое желание выпить легкого пива?

Пойнс

На воспитание принца не обращали никакого внимания, если он вспоминает о таком ничтожном напитке.

Принц Генрих

Ну, значит, мой аппетит не королевский, потому что, уверяю тебя, я вспоминаю сейчас о скромном лег-

ком пиве. Но, конечно, скромность моих желаний не согласуется с моим величием. Разве мне пристало помнить, как тебя зовут? Или узнавать тебя на следующий день в лицо? Или замечать, сколько у тебя пар шелковых чулок, именно, что, кроме этих, у тебя есть еще другие, персикового цвета? Или вести счет твоим рубашкам — какую ты сейчас носишь и какая у тебя есть для смены? Впрочем, сторож при площадке для игры в теннис знает это лучше меня, потому что, раз тебя нет там с ракеткой в руках, значит, с бельем у тебя дело дрянь; а ты давно не играл, потому что остатки твоих нижних провинций поглотили всю твою галантность. Один Бог знает, заслужат ли Царство Небесное те пискуны, что завернуты в обноски твоего белья. Впрочем, повивальные бабки уверяют, будто дети неповинны в том, что население в мире умножается и родственные связи всё увеличиваются.

Пойнс

Как плохо вяжутся с совершенными вами подвигами такие пустые речи! Скажите мне, много ли найдется хороших молодых принцев, которые вели бы себя подобным образом, если бы отец их был так болен, как ваш сейчас?

Принц Генрих

Сказать тебе кое-что, Пойнс?

Пойнс

Скажи, только, пожалуйста, что-нибудь хорошее.

Принц Генрих

Для такого ограниченного ума, как твой, этого хватит.

Пойнс

Отлично. Постараюсь выдержать то, что вы собираетесь мне сказать.

Принц Генрих

Ну, так вот; мне не подобает быть печальным, когда мой отец болен; а всё же я скажу тебе как другу (потому что, за неимением кого-нибудь лучшего, мне приходится считать тебя другом), я печален, очень печален.

Пойнс

Едва ли по этой причине.

Принц Генрих

Клянусь этой рукой, ты думаешь, что я занесен в списки дьявола, подобно тебе и Фальстафу, как закоре-
нелый и нераскаянный грешник. Но поживем — увидим. Я говорю тебе, что у меня сердце втайне обливается кровью при мысли о болезни отца, и только пребывание в таком дурном обществе, как твое, заставляет меня удерживаться от внезапного проявления скорби.

Пойнс

Но почему же?

Принц Генрих

Что подумал бы ты обо мне, если бы увидел меня плачущим?

Пойнс

Я подумал бы, что ты по-королевски лицемерен.

Принц Генрих

И всякий подумал бы то же самое. Ты замечательный малый; ты думаешь всегда то, что все думают. Ник-

то, как ты, так не любит проторенных дорог. Действительно, всякий счел бы меня лицемером. Ну а что побудило бы вашу почтеннейшую мысль к такому выводу?

Пойнс

Твое распутство и близость к Фальстафу.

Принц Генрих

И к тебе.

Пойнс

Клянусь светом дня, я пользуюсь хорошей славой; я это слышал собственными ушами. Худшее, что обо мне могут сказать, — это то, что я младший сын и кормлю себя сам. Признаться, от этих двух недостатков я никак не могу отделаться. — Клянусь мессой, вот идет Бардольф.

Принц Генрих

А с ним и мальчишка, которого я приставил к Фальстафу. Он был совсем христианским ребенком, раньше чем поступил к нему, а теперь, смотри, этот жирный мерзавец превратил его в настоящую обезьяну.

Входят Бардольф и Паж.

Бардольф

Да хранит Господь вашу светлость.

Принц Генрих

И вашу, благороднейший Бардольф.

Бардольф

(Пажу)

Ну, а ты, добродетельный осел, стыдливый дурак, что ты вечно краснеешь? Почему ты сейчас покрас-

нел? Не солдат ты, а красная девица. Велика важность лишить невинности кружку в две квартиры!

Паж

Он только что позвал меня, милорд, через красную оконную решетку, и я не мог отличить ни одной части его лица от окна; наконец я разглядел его глаза; мне показалось, что он сделал две дыры в новой юбке трактирщицы и выглядывает оттуда.

Принц Генрих

Ты видишь, мальчик сделал успехи.

Бардольф

Прочь, поганный зайчонок, стоящий на задних лапках, прочь!

Паж

Прочь, беспутный сон Алфеи!

Принц Генрих

Объясни, мальчик, какой такой сон?

Паж

Видите ли, милорд, Алфее приснилось, что она родила пылающую головню; поэтому я и называю его сном Алфеи.

Принц Генрих

Объяснение это стоит кроны. Возьми, мальчик.
(Дает ему монету.)

Пойнс

Если бы можно было уберечь этот милый цветок от червей! Вот тебе шесть пенсов для предотвращения этой опасности.

Бардольф

Если вы его не повесите, виселице будет нанесен большой ущерб.

Принц Генрих

А как поживает твой господин, Бардольф?

Бардольф

Отлично, милорд. Он узнал о приезде вашей светлости. Вот вам письмо.

Принц Генрих

Доставленное с должным почтением. А как поживает твой господин Бабые Лето?

Бардольф

В телесном здравии, сэр.

Пойнс

Да, но бессмертная часть его нуждается во враче. Однако его это не очень беспокоит; она хоть и больна, да не умирает.

Принц Генрих

Я позволяю этому волдырю обходиться со мной за просто, как моей собаке, и он этим пользуется; смотри, что он мне пишет.

Пойнс

(читает)

«От Джона Фальстафа, рыцаря». Каждому следует это знать, и он никогда не упускает случая назвать себя так, вроде тех, кто сродни королю; они пальца не уколут без того, чтобы не сказать: «Вот пролилась королевская кровь». — «Как так?» — спрашивает кто-

нибудь, сделав вид, что не понял; и ответ следует так же быстро, как шапка слетает с головы просителя: «Я бедный родственник короля, сэр».

Принц Генрих

Да, они так желают попасть к нам в родню, что готовы добраться до Иафета. Но вернемся к письму.

Пойнс

«От сэра Джона Фальстафа, рыцаря, королевскому сыну, ближайшему родственнику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому». Совсем точно официальная бумага!

Принц Генрих

Брось!

Пойнс

«Я хочу подражать почтенным римлянам в краткости». Он, очевидно, думал о своем коротком дыхании, об одышке. «Я препоручаю себя твоей милости, а тебя препоручаю милости неба и покидаю тебя. Не будь слишком близок с Пойнсом; он так злоупотребляет твоим расположением к нему, что клянётся, будто ты собираешься жениться на его сестре Нелль. В свободный часок раскайся, насколько можешь, в своих грехах, и на этом прощай. Твой или не твой (в зависимости от того, как ты со мной обойдешься) Джек Фальстаф для моих друзей, Джон для моих братьев и сестер и сэр Джон для всякой остальной Европы». Милорд, я обмакну это письмо в херес и заставлю Фальстафа проглотить его.

Принц Генрих

Ты заставишь его этим проглотить два десятка его слов. Но неужели, Нед, ты так поступаешь со мной? Я должен жениться на твоей сестре?

Пойнс

Пошли, Господь, девочке не худшую участь! Но только я этого никогда не говорил.

Принц Генрих

Мы, как дураки, тратим здесь свое время, а души мудрецов сидят на облаках и смеются над нами. — Твой господин здесь, в Лондоне?

Бардольф

Да, милорд.

Принц Генрих

Где он ужинает? Старый боров по-прежнему кормится в старом хлеве?

Бардольф

На старом месте, милорд, в Истчипе.

Принц Генрих

В какой компании?

Паж

С эфесцами, ваше высочество, старого закала.

Принц Генрих

Ужинают какие-нибудь женщины с ним?

Паж

Только старая мистрис Куикли да мистрис Долль Тершит.

Принц Генрих

Это еще что за тварь?

П а ж

Она приличная дама, сэр, родственница моего господина.

Принц Генрих

Такая же родственница, как приходская корова городскому быку. А не накрыть ли их нам, Нед, за этим ужином?

П о й н с

Я ваша тень, милорд, и всюду последую за вами.

Принц Генрих

Только слушайте вы оба, мальчик и Бардольф: ни слова вашему господину о том, что я вернулся в город. Вот вам за молчание. *(Дает им деньги.)*

Бардольф

Я лишился языка, сэр.

П а ж

А я, сэр, умею держать язык за зубами.

Принц Генрих

Прощайте. Ступайте.

Уходят Бардольф и Паж.

Эта Долль Тершит, вероятно, нечто вроде проезжей дороги.

П о й н с

Наверно, такая же изъезженная, как дорога между Сент-Ольбенсом и Лондоном.

Принц Генрих

Как бы нам посмотреть сегодня вечером на Фальстафа в его настоящем виде так, чтобы нас самих не видели?

Пойнс

Наденем кожаные куртки и передники и будем прислуживать ему за ужином под видом трактирных слуг.

Принц Генрих

Из бога превратиться в быка! Падение немалое! Впрочем, это случалось с Юпитером. Из принца стать мальчишкой-прислужником? Низменное превращение! Но придется на это пойти; ведь во всяком деле безумство должно быть соразмерным цели. Идем, Нед.

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Перед замком.

Входят Нортемберленд,
леди Нортемберленд и леди Перси.

Нортемберленд

Прошу вас, милые жена и дочь,
Дорогу дать моим делам суровым:
Не надевать обличья трудных дней
И не печалить Перси, как они.

Леди Нортемберленд

Смирившись, я смолкаю. Поступайте,
Как знаете; будь мудрость вам вожатым.

Нортемберленд

Ах, честь в залоге, милая жена,
И лишь отъезд мой выкупит ее.

Леди Перси

Молю вас Богом на войну не ехать!
Отец, вы раз нарушили уж слово,
Хоть связаны вы были крепче им;
Когда ваш Перси, мой любимый Гарри,
На север часто взор бросал: не видно ль
Отца с подмогой, и смотрел напрасно, —
Кто вас уговорил остаться дома?
Тогда лишились чести вы и сын.
Пусть прежний блеск Господь дарует вашей!
Его же честь над ним стояла солнцем
На синем небосводе и сияньем
Всё английское рыцарство звала
К деяньям смелым; зеркалом служил
Он знатной молодежи. Лишь безногий
Не подражал его походке; даже
Скороговорка, в нем изъян природный,
Обычной сделалась для храбрецов.
Кто говорить мог медленно, менял
Достоинство на недостаток, лишь бы
Быть схожим с ним. Так речь его, походка,
Любимые забавы и еда,
Военное искусство и причуды —
Всё было зеркалом, законом, целью
Для остальных. И, чудо средь мужей,
Он, несравненный, был покинут вами
И, никому ни в чем не уступавший,
Уступлен гибели, когда смотрел
В глаза он богу страшному войны
На поле, где одно лишь имя Хотспер

Защитой быть могло. О, никогда,
Прошу вас, тень его не оскорбляйте,
Что больше слово, данное другим,
Чем данное ему; оставьте их.
Сильны лорд-маршал и архиепископ.
Имей мой милый Гарри половину
Их войск, — обвив руками шею Перси,
Вела бы я теперь беседу с ним
О смерти Монмута.

Нортемберленд

Зачем меня,
Дочь милая, вам бодрости лишать,
Оплакивая прежние ошибки?
Там встретиться с опасностью я должен,
Чтоб не нашла меня без сил она
В других местах.

Леди Нортемберленд

В Шотландию бегите,
Пока народ и знать, вооружившись,
Слегка своих не испытают сил.

Леди Перси

Коль верх они над королем одержат,
Примкните к ним, чтоб укрепить их мощь
Стальнойю скрепой. Но сперва — любовью
Вас заклинаю — дайте им одним
Попробовать. Вы сыну не мешали
Так поступить — и стала я вдовой.
И сколько жизнь ни длись, всё будет мало
Для памяти дождя моих очей,
Чтоб ей расти и расцвести до неба
Воспоминаньем о супруге славном.

Нортемберленд

Идем, идем. Мой дух подобен стал
Приливу, что поднялся до предела
И замер, бег остановив. Примкнуть
К архиепископу хотел бы я,
Но тысяча причин тому мешает.
В Шотландию! Там буду я до дня,
Когда удача призовет меня.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в трактире «Кабанья голова» в Истчипе.

Входят двое слуг.

1-й Слуга

Что это, черт возьми, ты принес сюда? Сморщенные яблоки? Ты же знаешь, что сэр Джон терпеть не может их!

2-й Слуга

А ведь ты правду сказал. Принц однажды поставил перед ним тарелку с такими яблоками и сказал, что на ней лежат еще пять сэра Джонов; а потом, сняв шляпу, прибавил: «Имею честь раскланяться с шестью черствыми, старыми, круглыми, засохшими рыцарями». Сэр Джон очень обиделся, но потом забыл об этом.

1-й Слуга

Ну что ж, накрой на стол и поставь яблоки; да разыщи где-нибудь Сника с его музыкантами. Ми-

стрис Тершит захотелось послушать музыку. Потопись: в комнате, где они ужинают, очень жарко; они сейчас перейдут сюда.

2-й Слуга

Вот что: сюда сейчас явятся принц и мистер Пойнс; они наденут наши куртки и передники, и сэр Джон не должен об этом знать. Бардольф предупредил меня об этом.

1-й Слуга

Черт возьми, вот будет потеха! Отлично придумано.

2-й Слуга

Пойду поищу Сника.

Уходит.

Входят Хозяйка и Долль Тершит.

Хозяйка

Право, душечка, у вас теперь, по-моему, отличная температура. Ваши пульсы бьются так ровно, что лучше желать нельзя, а цвет лица, уверяю вас, алый, как роза. Правда, вы выпили слишком много канарского; это очень забористое вино, и раньше чем успеешь сказать: «Что это со мной?», оно взбудоражит всю кровь. Как вы себя чувствуете?

Долль

Теперь лучше немного. Гм, гм.

Хозяйка

Ну и прекрасно. Доброе сердце дороже золота. А вот и сэр Джон идет.

Входит Фальстаф, напевая.

Фальстаф

«Когда Артур к двору явился...»

Вынесите горшок.

Уходит Слуга.

«Достойный был король».

Ну, как себя чувствуете, мистрис Долль?

Хозяйка

Слабость; честное слово, ей грудь сдавило.

Фальстаф

Все женщины таковы: чуть их придавишь немного, сейчас же слабость появляется.

Долль

Это всё, что ты можешь сказать мне в утешенье, грязный негодяй?

Фальстаф

От вас такие, как я, жиреют, мистрис Долль.

Долль

От меня! Вы жиреете от обжорства и болезней, а я тут ни при чем.

Фальстаф

Повара повинны в нашем обжорстве, а ты, Долль, и тебе подобные — в наших болезнях. Мы получаем их от вас, Долль, от вас. Согласись с этим, невинная бедняжка, согласись.

Долль

Да, вы получаете от нас наши цепочки и наши драгоценности.

Фальстаф

«Брошки, золото и жемчуг...» Всё это нам знакомо. Когда бьешься храбро, возвращаешься, хромая. Бросаешься в брешь, храбро подняв пику, а потом храбро идешь к врачу. Храбро идешь навстречу заряженной пушечке, а потом...

Долль

Чтоб тебя повесили, грязный морской угорь, чтоб тебя повесили!

Хозяйка

Старая история: стоит вам встретиться, как сейчас же начинаете ссориться. Вы раздражительны, как две поджаренные без масла корки, что никак не могут быть вместе, не царапаясь. Что за несчастье! Должен же кто-нибудь уступить — и, конечно, вы, мистрис Долль; вы — слабейший сосуд и, как говорят, порожний сосуд.

Долль

Может ли слабый порожний сосуд вместить такую сорокаведерную бочку? В нем целый груз бордоского вина; ни на одном торговом судне трюм не бывал более нагружен. Ну, да уж так и быть — помиримся, Джек. Ты отправляешься на войну, — как знать, увидимся ли мы еще с тобой.

Входит 1-й Слуга.

1-й Слуга

Сэр, пришел прапорщик Пистоль и хочет вас видеть.

Долль

Повесить бы его, забияку! Не пускайте его сюда, — это самый негодный сквернослов во всей Англии.

Хозяйка

Если он забияка, не пускайте его сюда ни за что на свете. У меня ведь есть соседи; не нужно мне забияк. Я в почете у самых лучших людей. Заприте двери! Не пускать забияк! Не для того я так долго жила на свете, чтобы теперь возиться с забияками. Заприте двери, прошу вас.

Фальстаф

Послушай, однако, хозяйка...

Хозяйка

Пожалуйста, успокойтесь, сэр Джон: мы не пус- тим сюда забияк.

Фальстаф

Да разве ты не слышишь, что это мой прапорщик?

Хозяйка

Глупости, сэр Джон, — лучше и не говорите. Ва- шего забияку прапорщика я не впущу. Я была на днях у мистера Тайзика, начальника полиции нашего квартала, и он мне сказал, — это было не далее, как в прошлую среду: «Соседка Куикли, — сказал он (мис- тер Домб, наш пастор, был при этом), — соседка Ку- икли, пускайте к себе только вежливых людей, пото- му что, — сказал он, — про вас идет дурная слава». — А я знаю, почему он это сказал. «Потому что, — ска- зал он, — вы честная женщина и на хорошем счету; будьте же осторожны и принимайте гостей с разбо- ром. Не принимайте, — сказал он, — забияк». — Я не впущу забияку. Вы бы перекрестились, если бы слы- шали, как он это сказал. Нет, я не пущу сюда забияку.

Фальстаф

Он не забияка, хозяйка, а мелкий шулер, уверяю вас. Его хоть по спине гладь, как маленькую левретку. Он не заденет, и индюшки, если она взъерошит перья и станет защищаться. Позови его, слуга.

Уходит 1-й Слуга.

Хозяйка

Шулер, говорите вы? Я не закрываю путь к себе в дом ни честному человеку, ни шулеру, но я не люблю забияк. Уверяю вас, мне становится дурно при одном упоминании о них. Потрогайте меня, как меня всю трясет, посмотрите.

Долль

Правда, хозяйка, вы дрожите.

Хозяйка

Не правда ли? Как осиновый лист! Я не выношу забияк.

Входят Пистоль, Бардольф и Паж.

Пистоль

Да хранит вас Господь, сэр Джон!

Фальстаф

Здравствуй, прапорщик Пистоль. Вот, Пистоль, я тебя заряжу стаканом хереса, а ты пали в мою хозяйку.

Пистоль

Я выпалю в нее двумя пулями, сэр Джон.

Фальстаф

Она стреляная птица, ее такими зарядами не проймешь.

Хозяйка

Я до таких напитков, как ваши пули и заряды, не охотница и не буду пить больше, чем влезет, ни для чьего удовольствия.

Пистоль

Ну, так я выпалю в вас, мистрис Дороти.

Долль

В меня? Мне наплевать на тебя, гнусный мерзавец. Ах ты, низкий оборванец, негодяй, обманщик, оборвыш, не имеющий рубашки на теле! Убирайся, заплесневелый плут, убирайся! Я тут не для тебя, а для твоего господина.

Пистоль

Я знаю вас, мистрис Дороти.

Долль

Убирайся, негодный карманный воришка! Прочь, мерзкий грабитель! Клянусь этим вином, я воткну нож в твою грязную глотку, если ты будешь приставать ко мне. Убирайся, пьяный негодяй, истасканный шут! С каких пор это ты знаешь меня? Господи помилуй, подумаешь, какая важность, что у него два шнура на плече болтаются!

Пистоль

Я обомну тебе оборки за это.

Фальстаф

Брось, Пистоль, не ссорься здесь. Убирайся отсюда, Пистоль.

Хозяйка

Да, добрый капитан Пистоль, не ссорьтесь здесь, дорогой капитан.

Долль

Капитал! Мерзкий, проклятый шулер! Не стыдно тебе величаться капитаном? Будь я на месте капитанов, я бы отколотила тебя за то, что ты присваиваешь себе их звание, не дослужившись до него. Какой ты такой капитан? Низкий ты человек! За что тебя произвели в капитаны? За то, что ты рвешь оборки у потаскушек в публичных домах? Он — капитан! Повесить бы его, мерзавца! Он питается заплесневелым пареным черносливом и черствыми пирогами. Капитан! Такие негодяи самое слово «капитан» сделали таким же мерзким, как слово «обладать», которое было хорошим словом, пока ему не придали скверного смысла. Следовало бы настоящим капитанам положить этому конец.

Бардольф

Пожалуйста, уйди, милый прапорщик.

Фальстаф

Мистрис Долль, поди сюда на одно слово.

Пистоль

Чтоб я ушел! Нет, капрал Бардольф. Я способен ее разорвать. Я ей отомщу.

Паж

Пожалуйста, уйди.

Пистоль

Нет, не раньше чем ее упрячу в ад, в проклятое озеро Плутона, в кромешную глубину ада вместе с Эребом и всякими гнусными муками. Давайте сюда крючки и удочки, говорю я! Спешите же, собака! Тащите ее, Парки! Не Ирина ли перед нами?

Хозяйка

Добрый капитан, успокойтесь, прошу вас! Уже поздний час. Укротите свой гнев.

Пистоль

Вот так потеха! Ломовых одров,
Кляч азиатских, делающих в день
С усилием тридцать миль,— вдруг принимать
За Цезарей, или за Каннибалов,
Иль за троянских греков! Пусть проклятье
Падет на них и Цербера, царя их,
И пусть небесный гром их разразит!
Пустяк не стоит ссоры.

Хозяйка

Клянусь душой, капитан, очень вы сердитые слова говорите.

Бардольф

Уходите, прапорщик, иначе дело дойдет до драки.

Пистоль

Пусть людидохнут, как собаки, а венцы отдаются, как булавки. Не Ирина ли перед нами?

Хозяйка

Даю вам слово, капитан, что такой здесь нет. Что за несчастье! Неужели бы я стала ее прятать от вас? Ради бога, успокойтесь.

Пистоль

Ну, ешь, толстей, красавица моя Калиполида. — Эй, хереса сюда!

Si fortune me tormente, sperato me contento.
Бояться ль залпа? Нет, пусть враг палит. —
Дай мне вина. — А ты лежи здесь, душка. —
Эй, хереса! — А ты ложись, красotka.

(Кладет около себя шпагу.)

Или мы тут поставим точку, без всяких «и так далее».

Фальстаф

Пистоль, я бы успокоился.

Пистоль

Дорогой рыцарь, я целую твой кулак. Разве мы не видали с тобой вместе Большую Медведицу?

Долль

Ради бога, сбросьте его с лестницы. Я не могу больше выносить этого вздорного мерзавца.

Пистоль

Сбросить его с лестницы? Знаем мы этих галлоуэйских лошадемок!

Фальстаф

Швырни его, Бардольф, как грош в орлянку. Если он болтает, чтобы ничего не сказать, пусть он сам обратится в ничто.

Бардольф

Ну, ступай, ступай.

Пистоль

(хватаясь за шпагу)

Что? Надобно колоть и кровь пускать?

Смерть, усыпи ж меня.

Прерви мой скорбный век.

Пусть страшные, зияющие раны

Приманят трех сестер. Ты, Атропос, ко мне!

Хозяйка

Вот так история завязалась!

Фальстаф

Мальчик, подай рапиру.

Долль

Прошу тебя, Джек, прошу, не обнажай шпаги!

Фальстаф

(наступая со шпагой на Пистоля)

Вон отсюда!

Хозяйка

Вот так скандал! Я лучше совсем закрою свою харчевню, лишь бы не терпеть вечно таких страхов и ужасов. Еще произойдет убийство, чего доброго. Ради бога, вложите в ножны ваши шпаги, вложите в ножны ваши шпаги!

Уходят Бардольф и Пистоль.

Долль

Прошу тебя, Джек, успокойся. Негодяй ушел. Ах ты, мой храбрый плутишка!

Хозяйка

Не ранены ли вы в пах? Он ведь, кажется, метил вам прямо в живот.

Входит Бардольф.

Фальстаф

Вытолкал ты его за дверь?

Бардольф

Да, сэр. Негодяй был пьян. Вы его ранили, сэр, в плечо.

Фальстаф

Негодяй! Как он смел задирать меня?

Долль

Ах ты, милый плутишка! Бедная обезьянка, как ты вспотел! Дай мне вытереть тебе лицо, дай твою мордочку. Ах, негодяй! Ведь я, право, люблю тебя. Ты храбр, как Гектор троянский, ты один стоишь пятерых Агамемнонов и в десять раз превосходишь всех девятерых героев. Ах, негодник!

Фальстаф

Проклятый мерзавец! Я его в другой раз закачаю на простыне.

Долль

Сделай это, если можешь, и я тебя покачаю за это промеж двух простынь.

Входят музыканты.

Паж

Музыканты пришли, сэр.

Фальстаф

Пускай играют. — Играйте, господа. — Сядь ко мне на колени, Долль. — Этакий подлый забияка! Убежал от меня, как ртуть, бездельник!

Долль

Это правда, ты нападал на него, как церковная башня. Ах ты, мой миленький, чистенький поросенок с Варфоломеевской ярмарки. Когда же ты перестанешь драться днем и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тело для неба?

Сзади входят принц Генрих и Пойнс,
переодетые трактирными слугами.

Фальстаф

Замолчи, милая Долль. Не говори, как Адамова мертвая голова, и не напоминай мне о моем конце.

Долль

Скажи, какой характер у принца?

Фальстаф

Он пустой, но добрый малый. Из него вышел бы хороший ключник, он отлично резал бы хлеб.

Долль

Говорят, что Пойнс очень умен.

Фальстаф

Он умен? К черту эту обезьяну! Ум у него тяжелый, как густая тьюксберийская горчица; в нем столько же остроумия, сколько в молотке.

Долль

Почему же принц его так любит?

Фальстаф

Потому, что у него такие же тонкие ноги, как у принца, и он умеет попадать в цель шарами, есть морских угрей с укропом, глотает зажженные огарки в вине, играет в чехарду с мальчишками, прыгает через скамейки, сквернословит с изяществом; потому, что сапоги сидят на нем гладко, как на вывеске, и потому, что он не вызывает ссор, передавая остроумные сплетни. У него много еще других пустяковинных талантов, свидетельствующих о слабости ума и гибкости тела, и за это принц держит его при себе. Ведь он сам точь-в-точь такой же. Если их поставить на две чашки весов, достаточно будет волоска, чтобы перетянула та или другая.

Принц Генрих

Не оборвать ли уши этой колесной ступице?

Пойнс

Отколотим его на глазах у его шлюхи.

Принц Генрих

Смотри, этот истасканный старик заставляет чесать себе голову, как попугай.

Пойнс

Не странно ли, что желание на столько лет переживает силу?

Фальстаф

Поцелуй меня, Долль.

Принц Генрих

В нынешнем году происходит соединение Сатурна и Венеры? Что говорит календарь?

Пойнс

Посмотри, этот огненный Тригон, его слуга, примазывается к старой записной книжке своего господина, к его памятной тетрадке, к его справочнику.

Фальстаф

Ты только притворно ласкаешь меня.

Долль

Нет, право же, я целую тебя от всего чистого сердца.

Фальстаф

Ведь я стар, я стар.

Долль

Я все-таки люблю тебя больше всех этих молодкосов.

Фальстаф

Какую материю подарить тебе на юбку? Я получу деньги в четверг, а завтра у тебя будет новая шапочка. Спой веселую песню. Уже поздно, пойдем спать. Ты забудешь меня, когда я уеду.

Долль

Честное слово, я заплачу, если будешь так говорить. Вот увидишь, что я не буду наряжаться до твоего возвращения. Но послушаем музыку до конца.

Фальстаф

Принеси хересу, Френсис.

Принц Генрих и Пойнс
(выступают вперед)

Сейчас, сейчас, сэр.

Фальстаф

Как? Да ты, должно быть, незаконный сын короля! А ты не брат ли Пойнса?

Принц Генрих

Ах ты, глобус греховных земель, какую жизнь ты ведешь?

Фальстаф

Лучшую, чем ты. Я дворянин, а ты трактирный слуга, который только деньги дерет с посетителей.

Принц Генрих

Верно, сэр. И поэтому я отдеру тебе уши.

Хозяйка

Да сохранит Господь вашу светлость! Как я счастлива, что вы опять в Лондоне. Да благословит Господь ваше милое личико. Господи Иисусе, так вы вернулись из Уэльса?

Фальстаф

(кладя руку на плечо Долль)

Клянусь хрупким телом и зараженной кровью этого создання, я рад тебя видеть, заблудший и безумный отпрыск царственного древа.

Долль

Что ты сказал, толстый дурак? Наплевать мне на тебя.

Пойнс

Милорд, он помешает вашему мщению и всё обратит в шутку, если вы не отколотите его сгоряча.

Принц Генрих

Ах ты, проклятая бочка с салом, как мерзко ты говорил обо мне в присутствии этой честной, добродетельной, благовоспитанной особы!

Хозяйка

Да благословит Господь ваше доброе сердце! Она действительно такова.

Фальстаф

Разве ты слышал?

Принц Генрих

Да, и ты, конечно, узнал меня, как и в тот раз, когда бежал от меня в Гедсхиле. Ты знал, что я стою у тебя за спиной, и говорил всё это нарочно, чтобы испытать мое терпение.

Фальстаф

Нет, нет, вовсе не то: я не думал, что ты мог меня слышать.

Принц Генрих

Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбил меня, и тогда я буду знать, как с тобой разделиться.

Фальстаф

Я тебя не оскорблял, Хел, клянусь честью, вовсе не оскорблял.

Принц Генрих

Как? Ты поносил меня, сказал, что я ключник, разрезающий хлеб, и еще бог знает что.

Фальстаф

У меня не было намерения оскорбить тебя, Хел.

Пойнс

Как, не было?

Фальстаф

Никакого оскорбления не было, Нед, никакого, честный Нед. Я говорил о нем дурно перед беспутными, чтобы беспутные его не полюбили. Делая это, я поступал как заботливый друг и верноподданный, и твой отец только поблагодарит меня за это. Оскорбления здесь не было, Хел, никакого, Нед, уверяю вас, дети мои.

Принц Генрих

Сознайся, что ты теперь только из страха, только из трусости оскорбляешь эту честную женщину, чтобы примириться с нами! Разве она беспутная? Разве твоя хозяйка, которая стоит здесь, беспутная? Или твой паж, или честный Бардольф, у которого нос пылает от усердия, — разве он беспутный?

Пойнс

Отвечай, сгнивший пень, отвечай.

Фальстаф

Дьявол отметил Бардольфа неизгладимой печатью, и лицо его — домашняя кухня Люцифера для поджаривания пьяниц. Что касается пажа, то его охраняет добрый ангел-хранитель, но черт его все-таки одолеет.

Принц Генрих

Ну, а женщины?

Фальстаф

Одна из них уже в аду и поджаривает там души грешников. Что касается другой, я должен ей деньги и не знаю, попадет ли она за это в ад.

Хозяйка

Наверное нет, ручаюсь вам.

Фальстаф

Я тоже думаю, что нет; я думаю, что за это мы в расчете с тобой. Но за тобой есть еще другой грех — ты в своем доме противозаконно торгуешь мясом. Вот за это тебе придется, я думаю, повыть.

Хозяйка

Все трактирщики делают то же самое. Что значит один или два куска баранины за весь пост?

Принц Генрих

Вы, сударыня...

Долль

Что говорит ваша светлость?

Фальстаф

Его светлость говорит то, против чего возмущается вся его плоть.

Стук в дверь.

Хозяйка

Кто там так сильно стучится? Посмотри, Френсис.

Входит Пето.

Принц Генрих

Какие вести, Пето?

Пето

В Вестминстере король, родитель ваш;
И двадцать там гонцов изнеможенных,
Прибывших с севера. А по дороге
Я повстречал с десяток капитанов:
Они без шляп, в поту, стучат в трактиры
И всюду ищут, где сэр Джон Фальстаф.

Принц Генрих

Клянусь душой, мне стыдно, Пойнс, что я
Так праздно трачу золотое время,
Когда, подобно черной туче с юга,
Мятеж примчался и пролился ливнем
Над нашей непокрытой головой.
Дай меч и плащ. — Фальстаф, покойной ночи.

Уходят принц Генрих, Пойнс,
Пето и Бардольф.

Фальстаф

Теперь как раз наступает самый приятный кусочек ночи, и мы должны уйти, не отведав его!

Стук в дверь.

Опять стучат!

Входит Бардольф.

Что там еще случилось?

Бардольф

Вас требуют сейчас же ко двору,
С десяток капитанов у дверей.

Фальстаф
(*Пажу*)

Эй, ты, заплати музыкантам. — Прощай, хозяйка; прощай, Долль. Вот видите, мои милые, как гонятся за достойными людьми. Недостойные могут спать, в то время как людей, способных к делу, призывают. Прощайте, милые бабенки. Если меня не отправят тотчас же, я еще повидаюсь с вами перед отъездом.

Долль

Я не в силах говорить — мое сердце разрывается. Прощай, милый Джек, береги себя.

Фальстаф

Прощай, прощай.

Уходят Фальстаф и Бардольф.

Хозяйка

Прощай, прощай. Вот, когда зазеленеет горох, исполнится двадцать девять лет с тех пор, как я его знаю; более честного и верного человека... Ну, прощай!

Бардольф
(*за сценой*)

Мистрис Тершит!

Хозяйка

Что там такое?

Бардольф

(за сценой)

Скажите мистрис Тершит, чтобы она шла к моему господину.

Хозяйка

Беги, Долль, беги скорей.

Долль всхлипывает.

Беги, добрая Долль.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Вестминстер. Зала во дворце.

Входит король Генрих в ночном одеянии;
за ним Паж.

Король Генрих

Позвать мне графов Уорика и Серри.
Но пусть прочтут сначала эти письма,
В них хорошенько вникнув. Поспешу.

Уходит Паж.

О, сколько тысяч подданных беднейших
Спят в этот час! О сон, о милый сон!
Как я вспугнул тебя, пестун природы,
Что ты не хочешь веки мне смежить
И чувства погрузить мои в забвенье?
Зачем ты, сон, скорей в лачуге дымной
Готов на жестком ложе растянуться,
Забывшись под жужжанье мух ночных,
Чем под роскошным балдахином лечь
В благоуханной спальне властелинов,
Баюкаемый музыкой сладчайшей?
Ленивый бог! Зачем ты делишь с нищим
Смердящий одр, а ложа короля
Бежишь, как караульни иль набата?
Глаза слепляешь юнге ты на мачте,

На головокружительно высокой,
Укачиваешь в люльке властных волн
Его сознание среди буйных вихрей,
Что́, бурные валы за кудри взяв,
Им головы гигантские завьют
И к тучам скользким их подвесят с ревом,
Что́ разбудить способен даже смерть.
Ты можешь отдых дать, о сон пристрастный,
Промокшему матросу в грозный час,
А самой тихой и спокойной ночью
В нем королю, среди удобств, откажешь?
Блажен бедняк, вкушая мирный сон.
Не осенит главы венчанной он!

Входят Уорик и Серри.

Уорик

Приятного вам утра, государь.

Король Генрих

Как? Разве утро, лорды?

Уорик

Второй уж час пошел.

Король Генрих

Тогда и вам скажу я: с добрым утром.
Прочли вы письма, присланные мной?

Уорик

Прочли, наш повелитель.

Король Генрих

И ясно вам, как тело государства
Больно, какие злейшие недуги
Гнездятся подле сердца у него?

Уорик

Как телу, лишь неможется ему,
И силу в нем восстановить способны
Глоток лекарства и благой совет;
Нортемберленд остужен будет скоро.

Король Генрих

Когда б могли мы, Боже, книгу рока
Читать и видеть перемены дней —
Как горы сравниваются, земля же,
Которой надоела прочность, тает
В морях; и видеть, как в другое время
Широк для чресл Нептуна станет пояс
Из океанских берегов; как шутят
Случайности, как в чашу перемен
Превратность льет различные напитки!
Узнав всё это, юноша счастливый,
Свой путь узрев, опасности бывшие,
Грядущие невзгоды, — эту книгу
Закроет тотчас, ляжет и умрет.
Назад тому лет десять
Нортемберленд и Ричард пировали
В теснейшей дружбе, а спустя два года
Врагами стали. Восемь лет назад
Моей душе роднее всех был Перси;
Как брат, он пекся о моих делах,
Любовь и жизнь к моим ногам повергнув,
И даже вызов Ричарду в лицо
Из-за меня швырнул. Кто был при этом?

(Уорик.)

Насколько помню, вы, кузен мой Невиль, —
Когда ответил Ричард, чуть не плача,
На поношения Нортемберленда
Словами, что пророчески сбылись:
«Нортемберленд, ты лестница; по ней

Взойдет на трон кузен мой Болингброк», —
Хоть я, клянусь, не помышлял об этом,
И лишь нужда склонила государство
К тому, чтоб мы с величьем обнялись.
«Настанет время, — так прибавил он, —
Настанет время, гнусный грех созреет
И перейдет в заразу». Так сказав,
Он этих дней события предрек
И окончанье нашей прежней дружбы.

У о р и к

Есть в жизни всех людей порядок некий,
Что прошлых дней природу раскрывает.
Ее поняв, возможно предсказать
Довольно верно общий ход событий,
Что, не родившись, в семенах еще
И слабых всходах скрытые, таятся.
Их высидит и выведет их время.
И Ричарду такая неизбежность
Позволила догадку строить верно,
Что лорд Нортемберленд, его предав,
Для большего предательства созреет —
А почвою для этого служить
Лишь вы могли.

Король Генрих

Всё неизбежно? Значит,
Как неизбежность, примем всё. И нынче
Взывает это слово к нам. Как слышно,
Нортемберленд с епископом собрали
Рать тысяч в пятьдесят.

У о р и к

Не может быть!
Удваивает слух, подобно эхо,

Число врагов. Прошу вас, государь,
Прилягте снова. Я клянусь душой,
Войска, что вами посланы, легко
Добычей этой новой овладеют.
Чтоб вас еще утешить, сообщу:
Весть получил я, что Глендаур умер.
Вы, государь, недужны две недели,
И бодрствование в этот поздний час
Болезнь усилит.

Король Генрих

Я приму совет ваш.
Когда нам бунт удастся покарать,
В Святую землю, лорды, двинем рать.

Уходят.

СЦЕНА 2

Двор перед домом судьи Шеллоу в Глостершире.

Входят с разных сторон Шеллоу и Сайленс,
Плесень, Тень, Бородавка, Слабняк и Бычок;
в отдалении — слуги.

Шеллоу

Пожалуйте, пожалуйста, сэ; дайте мне вашу руку,
дайте мне вашу руку, сэ. Рано вы встаете, ей-
богу. А как вы поживаете, мой добрый кузен Сай-
ленс?

Сайленс

С добрым утром, добрый кузен Шеллоу.

Шеллоу

А как поживает моя кузина, ваша дражайшая половина? И ваша прекраснейшая дочь, моя крестница Эллен?

Сайленс

Да она всё таким же черным дроздом живет, кузен Шеллоу.

Шеллоу

Зато, сэр, мой кузен Вильям, кажется, стал отличным студентом. Он всё еще в Оксфорде. Не правда ли?

Сайленс

Да, сэр, и на моем иждивении.

Шеллоу

Пора ему и в судейскую школу. Я в свое время учился в Климентовом колледже, где еще до сих пор, наверно, вспоминают о проказнике Шеллоу.

Сайленс

Вас тогда звали веселым Шеллоу, кузен.

Шеллоу

Клянусь мессой, меня всячески называли; да, я был способен на что угодно, был мастером на все руки. Там учился вместе со мной маленький Джон Дойт из Стаффордшира, и черный Джордж Бер, и Френсис Пикбон, и Вилли Скуиль из Котсуольда. Таких четырех головорезов не сыскать было во всех колледжах. Уверяю вас, мы знали, где раки зимуют, и к нашим услугам были всегда самые лучшие женщины. Был

там еще Джек Фальстаф, ныне сэр Джон; тогда он был еще мальчишкой, пажом Томаса Моубрея, герцога Норфолька.

Сайленс

Тот самый сэр Джон, который приехал сюда вербовать солдат?

Шеллоу

Тот самый сэр Джон, тот самый. Он при мне проломил голову Скогану у ворот школы, когда еще был совсем карапузом, вот таким. Я еще в тот самый день дрался с Самсоном Стокфишем, фруктовщиком, за колледжем Грея. Ах, Господи Иисусе, веселое было время! И как поглядишь, сколько моих старых знакомых уже умерло!

Сайленс

Все мы там будем, кузен.

Шеллоу

Конечно, конечно; это верно и не подлежит сомнению. От смерти не уйдешь, как говорит псалмопевец; все умрут. А какая цена паре хороших волов на Стемфордской ярмарке?

Сайленс

Право, кузен, не знаю, я там не был.

Шеллоу

От смерти не уйдешь. А что, жив еще старик Дебль, ваш земляк?

Сайленс

Умер, сэр.

Шеллоу

Ах, Господи Иисусе, умер! Он хорошо стрелял из лука, удивительный был стрелок, и вдруг умер! Джон Гонт очень его любил и всегда держал большие пари за него. Так он умер! Он попадал в цель на расстоянии двухсот сорока шагов, а легкую стрелу пускал и в двухстах семидесяти — просто сердце в груди радовалось. А почему теперь бараны?

Сайленс

Зависит от того, какие. За два десятка хороших баранов нужно заплатить фунтов десять.

Шеллоу

Значит, старик Дебль умер?

Входит Бардольф с одним из солдат.

Сайленс

Вот, кажется, идут двое из отряда сэра Джона Фальстафа.

Шеллоу

С добрым утром, честные джентльмены.

Бардольф

Скажите мне, пожалуйста: который из вас судья Шеллоу?

Шеллоу

Я Роберт Шеллоу, сэр, скромный эсквайр здешнего графства и один из королевских мировых судей. Чем могу служить?

Бардольф

Мой капитан, сэр, свидетельствует вам свое почтение; мой капитан, сэр, Джон Фальстаф — видный дворянин, клянусь небом, и отважный военачальник.

Шеллоу

Благодарю за поклон, сэр. Я его знал славным рубакой. Как поживает почтенный рыцарь? Позвольте также спросить о здоровье миледи, его супруги.

Бардольф

Простите, сэр, солдату удобнее без жены.

Шеллоу

Хорошо сказано, честное слово, сэр, хорошо сказано, ей-богу. Удобнее без жены — хорошо! Безусловно! Хорошие слова всегда и при всех обстоятельствах следует говорить. Прекрасная фраза.

Бардольф

Простите меня, сэр, я слышу слово «фраза». Клянусь светлым днем, я фразы не знаю, но с мечом в руках постою за свое слово; это отличное солдатское слово. Удобнее без жены — это значит, что ему удобнее, или когда человек находит, или, говоря проще, думает, что ему удобно, — и это очень хорошо.

Входит Фальстаф.

Шеллоу

Совершенно верно. — А, да вот и добрейший сэр Джон! Вашу руку, сэр, вашу почтенную руку. Да у вас, клянусь, молодецватый вид, — вас годы не старят. Добро пожаловать, милейший сэр Джон.

Фальстаф

Очень рад видеть вас, добрейший мистер Роберт Шеллоу. А это мистер Шуркард, кажется?

Шеллоу

Нет, сэр Джон, это мой кузен и сослуживец, мистер Сайленс.

Фальстаф

Добрейший мистер Сайленс, вам как раз подошло бы быть мировым судьей.

Сайленс

Благодарю вас, сэр.

Фальстаф

Фу, какая жаркая погода. Ну что же, господа, достали вы мне человек шесть удовлетворительных рекрутов?

Шеллоу

Достали, сэр, присядьте, пожалуйста.

Фальстаф

Покажите мне рекрутов, прошу вас.

Шеллоу

Где список? Где список? Где список? Дайте взглянуть, дайте взглянуть; так, так, так, так. Да, сэр, совершенно так: Рольф Плесень... Так, пусть они выходят по вызову... пусть выходят. Ну что ж, где Плесень?

Плесень

Здесь, ваша милость.

Шеллоу

Ну, что скажете, сэр Джон? Хорошо сложенный парень; молодец, силен и из хорошей семьи.

Фальстаф

Ты Плесень?

Плесень

Да, с вашего позволения.

Фальстаф

Так пора пустить тебя в дело.

Шеллоу

Ха, ха, ха! Очень хорошо, право! Всё, что не пускают в дело, покрывается плесенью. Удивительно хорошо. Право, хорошо сказано, сэр Джон, очень хорошо.

Фальстаф
(к Шеллоу)

Поставьте ему крест.

Плесень

Я уже был крещен, и вы бы лучше оставили меня в покое. Моя старуха пропадет без меня. Кто будет вести хозяйство и работать за нее? Нечего ставить мне кресты — есть люди более пригодные, чем я.

Фальстаф

Ну, помалкивай, Плесень! Тебя заберут. Пора тебя попользовать, Плесень.

Плесень

Использовать?

Шеллоу

Смирно, эй, ты, смирно! Становись в сторону. Раз-
ве не видишь, где ты? А теперь посмотрим другого,
сэр Джон, посмотрим. Симон Тень!

Фальстаф

Подавай мне сюда тень — сидеть под тенью при-
ятно. Из него, вероятно, выйдет хладнокровный сол-
дат.

Шеллоу

Где Тень?

Тень

Здесь, сэр.

Фальстаф

Тень, чей ты сын?

Тень

Моей матери, сэр.

Фальстаф

Сын своей матери? Это возможно. И в то же вре-
мя тень своего отца; сын женщины не более как тень
мужчины, а не сущность его. Так оно часто и бывает.

Шеллоу

Нравится он вам, сэр Джон?

Фальстаф

Тень годится для лета — запишите его; у нас уже есть много теней в списках.

Шеллоу

Томас Бородавка!

Фальстаф

Где он?

Бородавка

Здесь, сэр.

Фальстаф

Тебя зовут Бородавкой?

Бородавка

Да, сэр.

Фальстаф

Заскорузлая же ты бородавка.

Шеллоу

Что ж, и его пристегнуть, сэр Джон?

Фальстаф

Совершенно излишне; вся его амуниция помещается у него на спине, а тело его стоит как бы на булавах, так что пристегивать его не нужно.

Шеллоу

Ха, ха, ха! Отлично это у вас выходит, сэр, отлично! Очень одобряю. — Френсис Слабняк!

Слабняк

Здесь, сэр.

Фальстаф

Какое твое ремесло, Слабняк?

Слабняк

Я женский портной, сэр.

Шеллоу

Что ж, и его пришить, сэр?

Фальстаф

Можно, но будь он мужским портным, он бы вас пришил. — Что ж, сделаешь ты столько же про-
рех в рядах неприятеля, сколько делаешь в женских
юбках?

Слабняк

Я приложу все старания, сэр, — большего требо-
вать нельзя.

Фальстаф

Хорошо сказано. Молодец, женский портной! Хоро-
шо сказано, храбрый Слабняк. Ты будешь так же отва-
жен, как разъяренный голубь или доблестная мышь. —
Пришьйте женского портного, мистер Шеллоу, да
получше и покрепче.

Слабняк

А Бородавка тоже будет принят, сэр? Очень бы
мне этого хотелось.

Фальстаф

Я бы хотел, чтобы ты был мужским портным; тогда бы ты починил его и сделал пригодным для службы. Я не могу сделать простым солдатом того, кто ведет за собой такие полчища. Удовлетворись этим, свирепый Слабняк.

Слабняк

Хорошо, сэр.

Фальстаф

Благодарю тебя, почтенный Слабняк. — Кто следующий?

Шеллоу

Питер Бычок с лужка.

Фальстаф

Ну, посмотрим на Бычка.

Бычок

Здесь, сэр.

Фальстаф

Славный парень, ей-богу! — Загоните Бычка, пока он не заревел.

Бычок

О господи! Добрый господин капитан!..

Фальстаф

Как? Ты уже раньше ревешь, чем тебя загнали?

БЫЧОК

О милорд, я больной человек.

ФАЛЬСТАФ

Какая же у тебя болезнь?

БЫЧОК

Проклятая простуда, сэр, кашель, сэр. Я схватил его, когда звонил на службе короля, в день коронации, сэр.

ФАЛЬСТАФ

Ну, так ты отправишься на войну в халате. Мы из тебя простуду выгоним; и я распоряжусь, чтобы твои друзья звонили по тебе. — Все тут?

ШЕЛЛОУ

Я вызвал двумя больше, чем вам требовалось; вам нужно только четырех. А теперь прошу обедать ко мне.

ФАЛЬСТАФ

Я готов выпить с вами, а обедать мне некогда. Я очень рад был, уверяю вас, встрече с вами, мистер Шеллоу.

ШЕЛЛОУ

О сэр Джон, помните, как мы провели ночь на ветряной мельнице на Сен-Джорджской поляне?

ФАЛЬСТАФ

Лучше не вспоминать об этом, добрый мистер Шеллоу, лучше не вспоминать.

Шеллоу

Веселая была ночка. А что, Дженни Ночная Пташка еще жива?

Фальстаф

Жива, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Она никогда не могла справиться со мной.

Фальстаф

Никогда. Она говорила, что терпеть не может мистера Шеллоу.

Шеллоу

Клянусь мессой, я умел бесить ее. Славная она была бабенка. А что, как она держится?

Фальстаф

Постарела, очень постарела, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Ну да, она стара — иначе и быть не могло. Ведь у нее уже был сын Робин, прежде чем я поступил в Климентов колледж.

Сайленс

Это было пятьдесят пять лет тому назад.

Шеллоу

Эх, братец Сайленс! Если бы ты видел то, что мы с ним видали на своем веку! — Верно я говорю, сэр Джон?

Фальстаф

Да, приходилось нам слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Приходилось, приходилось, сэр Джон, ей-богу, приходилось. Помните наш лозунг: «Эй, ребята, вперед!»? Пойдемте обедать, пойдемте обедать. Да, было время. Идемте, идемте.

Уходят Фальстаф, Шеллоу и Сайленс.

Бычок

Добрый господин капрал Бардольф, будьте мне другом, и вот вам за это четыре генриха по десяти шиллингов французскими кронами. Клянусь, сэр, для меня лучше быть повешенным, чем отправиться на войну. И все-таки я не о себе хлопочу, а только мне самому неохота идти на войну; что же касается меня, то я хотел бы остаться с моими друзьями; иначе, за самого себя, я не стал бы хлопотать.

Бардольф

Ладно, отойди в сторону.

Плесень

Добрый господин капрал-капитан, будьте мне другом ради моей старухи. У нее нет никого, кто бы позаботился о ней, если я уйду; она стара и сама ничего не может делать. Я вам дам сорок шиллингов за это, сэр.

Бардольф

Ладно, отойди в сторону.

Слабняк

Мне, честное слово, все равно; смерти не миновать: нужно же заплатить Господу дань смерти. Я не трус. Если мне судьба умереть, пусть будет так, если нет — тем лучше. Служить государю всякий должен, и уж тот, кто умер в этом году, наверно спасется от смерти в будущем.

Бардольф

Хорошо сказано, — ты молодец!

Слабняк

Да, я не струшу.

Возвращаются Фальстаф и оба судьи.

Фальстаф

Ну, как же, сэр, кого из них вы мне даете?

Шеллоу

Выбирайте сами четырех.

Бардольф

(Фальстафу)

Сэр, на одно слово. Я получил три фунта, чтобы освободить Плесень и Бычка.

Фальстаф

Хорошо.

Шеллоу

Ну, так каких же четырех вы выбираете, сэр Джон?

Фальстаф

Выбирайте вы за меня.

Шеллоу

Хорошо, так я выберу Плесень, Бычка, Слабняка и Тень.

Фальстаф

Плесень и Бычка... — Ты, Плесень, оставайся дома, пока не сделаешься совершенно негодным для службы. — А ты, Бычок, вырасти еще, пока станешь пригодным. Вы оба мне не нужны.

Шеллоу

Сэр Джон, сэр Джон, вы действуете себе во вред. Ведь это самые лучшие из всех, и я нарочно выбрал их, чтобы угодить вам.

Фальстаф

Уж не станете ли вы, мистер Шеллоу, учить меня, как надо выбирать солдат? Что мне в сложении, в силе, в статности, в росте, в осанке человека! Всё дело в том, какой дух в солдате, мистер Шеллоу! Вот, например, Бородавка — смотрите, какой ободранец с виду, но он, наверное, будет заряжать и разряжать ружье с быстротой слесарного молотка, напирать и отскакивать быстрее того, кто подвешивает на коромысла пивоваренные ведра. А этот тощий парень Тень — вот каких солдат мне нужно: он не может служить мишенью для врага. Целиться в него — то же, что целиться в лезвие ножа. А в случае отступления — как быстро побежит вот этот Слабняк, женский портной! Мне нужны не видные люди, — от видных избавьте меня. — Бардольф, дай-ка Бородавке ружье.

Бардольф

Держи, Бородавка, и марш! Вот так.

Фальстаф

Посмотрим, как ты управляешься с ружьем. Вот так, очень хорошо. Продолжай, очень хорошо, отлично. Люблю я маленьких, тощих, старых, уродливых, лысых стрелков! Хорошо, Бородавка, ты славный плут. Вот тебе шесть пенсов за это.

Шеллоу

А все-таки он не мастер своего дела — нехорошо он это проделывает. Вот я помню, когда я был еще в Климентовом колледже и исполнял на Артуровых играх в Майленд-Грине роль сэра Дагонета, так вот там был маленький ловкий человечек — тот умел управлять ружьем. Повернет его вот так, и этак, и направо, и налево, а потом скажет: «бац!» и отскочит, а потом опять тут как тут. Такого ловкача я больше никогда не увижу.

Фальстаф

Эти молодцы годятся, мистер Шеллоу. — Да хранит вас Бог, мистер Сайленс; мне некогда тратить с вами много слов. — Прощайте, господа. Благодарю вас. Мне еще до ночи нужно сделать двенадцать миль. — Бардольф, выдай платье новобранцам.

Шеллоу

Да благословит вас Господь, сэр Джон, да пошлет он вам преуспевание в ваших делах, а нам да пошлет он мир! На обратном пути навестите меня, пожалуйста. Возобновим старое знакомство. Может быть, я потом отправлюсь с вами ко двору.

Фальстаф

Я был бы очень рад этому.

Шеллоу

Я дал слово и сдержу его. Прощайте.

Фальстаф

Прощайте, господа.

Уходят Шеллоу и Сайленс.

Уведи солдат, Бардольф.

Уходят Бардольф и рекруты.

На обратном пути я пообчищу их. Шеллоу я вижу насквозь. Господи, до чего старые люди подвержены пороку лжи! Этот тощий судья всё время хвастал своей разудалой молодостью и своими подвигами на Тернбульской улице, и каждое третье слово было ложью, вернее выплаченной слушателю, чем турки взимают дань. Я его помню в Климентовом колледже, — он походил на человечка, вырезанного за ужином из корки сыра. Голый, он похож был на раздвоенную редьку с вырезанной рожей наверху. Он был так тощ, что для близоруких мог сойти за невидимку. Это был воплощенный голод, и при этом похотлив, как обезьяна, так что женщины звали его мандрагорой. Он всегда плелся в хвосте у моды и пел потаскушкам песни, которые подслушивал у извозчиков, и притом клялся, что это им самим сочиненные любовные песни и серенады. И теперь эта шутовская рапира сделалась эсквайром и развязно говорит о Джоне Гонте как о своем названом брате. А я готов поклясться, что он видел его всего раз в жизни в Тильт-Ярде, когда Гонт проломил ему голову за то, что он втерся в свиту лорд-маршала.

Я при этом был и сказал Гонту, что он бьет свое собственное прозвище. Ведь его всего с одеждой можно было спрятать в шкуру утря; гобойный футляр тогда для него был просторным замком, целым двором, а теперь он владеет поместьями и волами. Что ж, я непременно заведу с ним знакомство, когда вернусь, и будь я не я, если он не станет для меня обоими философскими камнями сразу. Если молодая плотва служит приманкой для старой щуки, то я не вижу, какой закон природы может мне помешать проглотить его. Придет время, увидим.

Уходит.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Йоркшир. Лес Гольтри.

Входят архиепископ Йоркский, Моубрей,
Хестингс и другие.

Архиепископ

А что это за лес?

Хестингс

Зовется Гольтри, ваша милость, он.

Архиепископ

Здесь, лорды, задержитесь и пошлите
Разведчиков узнать число врагов.

Хестингс

Мы их уже послали.

Архиепископ

Превосходно.

Друзья и братья в этом важном деле,
Я должен сообщить, что получил
Письмо недавно от Нортемберленда.
Вот в чем холодный смысл и суть его:

Хотел бы он здесь лично быть, но с войском,
Достойным мощью звания его.
Его собрать не мог он; потому,
Чтоб дать созреть своей удаче, скрылся
В Шотландию. Кончает он молитвой,
Чтоб наше предприятие одолело
Опасности и встречу с злым врагом.

Моубрей

Так рухнули надежды на него,
Разбились вдребезги.

Входит Гонец.

Хестингс

Какие вести?

Гонец

Примерно в миле к западу от леса
Походным строем движется враг,
И, судя по пространству, что он занял,
Я думаю, там будет тысяч тридцать.

Моубрей

Предположительный подсчет наш верен.
Идемте в поле повстречаться с ним.

Архиепископ

Сюда идет вооруженный воин.
Кто он?

Входит Уэстморленд.

Моубрей

По-моему, лорд Уэстморленд.

Уэстморленд

Вам шлет привет и здоровствовать желает
Наш полководец, герцог Джон Ланкастер.

Архиепископ

Лорд Уэстморленд, нам мирно изложите
Цель вашего прихода.

Уэстморленд

К вам, милорд,
По преимуществу я обращаю
Слова. Когда б мятеж в своем обличье
Явился — в виде низких, подлых шаек,
С кровавой молодежью во главе,
Под знаменем неистовства, со стражей
Из нищих и мальчишек, — появись,
Я говорю, проклятый этот бунт
В своем природном, настоящем виде,
Ни вы, святой отец, ни эти лорды
Здесь не были б, чтоб ненавистный образ
Кровавого и низкого восстанья
Одеть своею честью. Лорд-епископ,
Вы, чей престол храним гражданским миром,
Чьей бороды серебряной рукой
Коснулся мир, чьих знаний мир наставник,
Чьи ризы белые — сама невинность,
Благословенный дух и голубь мира, —
Зачем себя перевели так плохо
Вы с речи мира, полной благодати,
На грубый, яростный язык войны,
В кровь превратив чернила, в копыя — перья,
В кольчугу — книги, а язык небесный —
В громовый звук трубы и в клич войны?

Архиепископ

Зачем так сделал я? Вот ваш вопрос.
Отвечу вкратце вам: мы все больны;
Излишествами и распутной жизнью
Мы до горячки довели себя.
Пришлось нам кровь пустить.

Король наш Ричард,

Недугом этим заразившись, умер.
Но, благороднейший лорд Уэстморленд,
Не лекарем явился к вам я здесь,
И не как недруг мира я смешался
С толпой воителей. Нет, я на время
Являюсь в грозном образе войны
Лечить больных от преизбытка счастья,
Очистить вены жизни от завалов,
Их засоряющих. Скажу яснее.
Я, точно взвесив на весах всё зло,
Что причинит мятеж и что мы терпим,
Увидел: наше возмущенье легче,
Чем наши горести. Нам стало видно,
Куда свой бег стремится поток времен,
И вырваны мы из орбиты мирной
Случайности бушующим теченьем.
Мы, перечень своих обид составив,
Его прочтем по пунктам в должный час.
Их королю давно мы представляли,
Но не могли к ним слух его склонить:
Лишь захотим мы зло ему поведать —
К нему нам доступ преграждают те,
Кто больше всех нам причиняет зла.
Опасности недавних дней, чья память,
Написанная кровью на земле,
Еще теперь видна, и те примеры,
Что каждый миг рождает, нас в доспехи,

Нам чуждые, одели не затем,
Чтоб мира ветвь хотя б одну сломать,
Но чтобы впрямь здесь мир установить —
Не только на словах, но и на деле.

Уэстморленд

Когда ж не вняли вашим обращениям?
Чем вас король обидел? Кто из пэров
Подучен был вас оскорбить, что вы,
К кровавой, незаконной книге бунта
Печать божественную приложив,
Клинок восстанья острый освятили?

Архиепископ

Наш брат всеобщий — государство — мне
В особенности враг из-за жестокой
Судьбы, постигшей брата моего.

Уэстморленд

Во мстителе здесь надобности нет,
А если есть, не вам быть им пристало.

Моубрей

Зачем же не ему и не всем нам,
Кто чувствует удары прошлых дней
И кто страдает также в наше время,
Что тяжкая бесправия рука
Лежит на нашей чести?

Уэстморленд

О лорд Моубрей!

Все неизбежности времен поняв,
Вы убедитесь в том, что только время

Обидчик ваш, а вовсе не король.
Но что до вас, то думается мне,
Что ни король, ни наше время вам
И пяди почвы не дали, чтоб строить
На ней обиды. Разве не вернули
Вам всех владений вашего отца,
Достойнейшего герцога Норфолька?

Моубрей

Что ж в смысле чести мой отец утратил,
Что следовало воскрешать во мне?
Король его любил, но всё сложилось
Так, что ему пришлось его изгнать.
Когда отец и Гарри Болингброк,
Уж оба в седлах, приподнявшись в них,
Дав шпоры ржущим скакунам и копыя
Наперевес держа, спустив забрала,
С горящим взором за стальной решеткой,
По звуку громкому трубы столкнулись,
Тогда, — когда ничто б не отвело
Руки отца от груди Болингброка, —
Тогда король на землю бросил жезл, —
На том жезле висела жизнь его, —
И бросил он себя и жизни всех,
Кто стал потом при Болингброке жертвой
Могучего меча и наговоров.

Уэстморленд

Не знаете, лорд Моубрей, сами вы,
Что говорите. В Англии в то время
Граф Херфорд слыл отважнейшим бойцом;
Как знать, кому бы улыбнулось счастье?
Но даже победив тогда, отец ваш
Из Ковентри не вынес бы победы:

Была всеобщей ненависть к нему
В стране. Зато с любовью все молились
За Херфорда, боготворя его
И почитая больше короля. —
Но я совсем от цели отклонился.
Сюда я прислан царственным вождем
Узнать все ваши жалобы, сказать,
Что он готов вас выслушать и, в чем
Желанья ваши будут справедливы,
Исполнить их — и устранился всё,
Что вас считать позволило б врагами.

Моубрей

Он вынужден нам это предложить;
Расчет им движет, вовсе не любовь.

Уэстморленд

Так говорит в вас, Моубрей, самомнение.
Не страх, а милость это предлагает.
Взгляните, войско наше на виду,
И в нем, клянусь, уверенность такая,
Что мысль о страхе допустить нельзя.
Мы славными богаче именами,
У нас бойцы искусней, чем у вас,
Оружье крепко, наша сила — в правде,
И, значит, мужества полны сердца.
Что вынуждены мы — не говорите.

Моубрей

Но я бы всё ж отверг переговоры.

Уэстморленд

Знак это, что постыден ваш поступок:
Прикосновения не терпит гниль.

Хестингс

Имеет ли, однако, от отца
Принц Джон достаточные полномочья,
Чтоб выслушать он мог условия наши
И твердое решение принять?

Уэстморленд

Конечно, если полководец он!
Я удивлен вопросом вашим праздным.

Архиепископ

Тогда, лорд Уэстморленд, вот свиток вам:
В нем общий перечень всех наших жалоб;
И если все их удовлетворят,
Сторонникам всем нашим, здесь и всюду,
Всем, кто замешан в нашем предприятии,
Прощенье нерушимое даруют
И обещают тотчас же исполнить
Всё, что хотим и мы и наше дело, —
Мы в берега покорности войдем
И мощь свою рукою мира свяжем.

Уэстморленд

Я это принцу покажу. Милорды,
Мы на виду у наших войск сойдемся,
И — хочет Бог — всё миром кончим или
На место споров призовем мечи —
Их разрешить.

Архиепископ

Пусть так, милорд, и будет.

Уходит Уэстморленд.

Моубрей

А в сердце у меня всё что-то шепчет:
Условьям мирным прочными не быть.

Хестингс

Напрасный страх. Коль мир мы заключим
На твердых и широких основаниях,
Какие мы наметили в условиях,
Он прочностью скале подобен будет.

Моубрей

Но так о нас король изменит мнение,
Что станет в каждом действии ничтожном,
В любом пустом, беспечном, мелком шаге
Подобие восстанья находить;
Будь наша верность мученицей долга,
Нас на таком провеют сильным ветре,
Что вес зерна сравняется с мякиной,
И доброго от злого не отделят.

Архиепископ

Нет, нет, милорд. Король устал, заметьте,
От этих мелких и досадных распрей.
Он понял, что, убив одну опасность,
В наследниках живых творишь себе
Две худшие еще; и он намерен
Поэтому с табличек всё стереть,
Доносчиков из памяти изъять,
Которые о прежних неудачах
Ему б могли напомнить. Он ведь знает,
Что выполоть немислимо страну,
Как подозрительность того б хотела:
Его враги с друзьями так сплелись,

Что, коль врага он хочет вырвать с корнем,
Он вынужден и друга расшатать.
И, как жена сварливая, страна
Его выводит из себя; когда же
Начнет он бить ее, она, подставив
Ему дитя, удерживает руку,
Уже им поднятую для удара.

Хестингс

К тому ж извел все розги государь
На прежних оскорбителей и терпит
Теперь нужду в орудьях наказания.
Как лев, когтей лишенный, власть его,
Грозя, схватить не может.

Архиепископ

Это правда.

Поверьте мне, лорд-маршал, если мы
Осуществим удачно примиренье, —
Как сломанная кость, что вновь срослась,
Прочнее станет мир.

Моубрей

Пусть будет так.

Вот возвращается лорд Уэстморленд.

Входит Уэстморленд.

Уэстморленд

Принц недалеко. Встретьтесь с ним, милорды,
На полпути меж нашими войсками.

Моубрей

Прелат почтенный, первым вы ступайте,
С Господней помощью.

Архиепископ
(Уэстморленду)

Снесите принцу
Вы наш привет. Мы следуем за вами.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входят: с одной стороны Моубрей, Архиепископ,
Хестингс и прочие;
с другой — принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, офицеры и свита.

Принц Джон

Добро пожаловать, кузен мой Моубрей. —
Приветствую вас, лорд архиепископ,
И вас, лорд Хестингс, как и остальных. —
К лицу вам больше, лорд архиепископ,
На колокол стекающей пастве,
Внимающей благоговейно вам,
Священное Писанье толковать,
Чем, облачась в железо, барабаном
Здесь воодушевлять толпу восставших,
Жизнь превративши в смерть и слово — в меч.
Коль тот, кто царствует в душе монарха,
Под солнцем милости его созрев,
Его любовью злоупотребит,
Ах, сколько бед, в тени величья скрытый,
Он причинит! Так, лорд архиепископ,
Случилось с вами. Кто же не слышал,
Как вы глубоко вникли в слово Бога?
Для нас его парламента вы спикер,

Для нас вы голос Бога самого,
Вы толкователь истинный, посредник
Меж благодатью, святостями неба
И мраком наших дел. О, кто б поверил,
Что саном злоупотребите вы,
Используете благосклонность неба,
Как лживый временщик — монарха имя,
В делах бесчестных! Подданных отца —
Кто Божий заместитель — вы подняли
Под видом мнимого усердья к Богу
И всколыхнули их, мир королевский
И божеский нарушив.

Архиепископ

Принц Ланкастер,
Мир вашего родителя я чту;
Но, как сказал я лорду Уэстморленду,
Дни смутные велят нам сообща
Прибегнуть к столь чудовищному средству,
Чтоб защититься. Я послал, милорд,
Вам перечень подробный наших жалоб,
Которые с насмешкой двор отверг,
Что родило междоусобья гидру,
Чей грозный взор вы усыпить могли бы,
К законным нашим просьбам снизойдя;
И, от безумья излечившись, верность
Покорно пала бы к стопам монарха.

Моубрей

А нет — мы до последнего солдата
Пытать готовы счастье.

Хестингс

Коль падем,
Есть подкрепленья, чтобы нас сменить;

Их перебьют — замена им найдется;
Так зло родит преемственность, и распря
Переходить начнет из рода в род,
Покуда будет Англия рождать
Людские поколения.

Принц Джон

Вы мелки, Хестингс, слишком мелки вы,
Чтоб глубину грядущего измерить.

Уэстморленд

Угодно ль вам ответить, ваша светлость,
Какие пункты вы их признаете?

Принц Джон

Я признаю и принимаю всё
И здесь клянусь вам честью нашей крови,
Что были истолкованы превратно
Намерения моего отца.
Из приближенных кто-то произвольно
И мысль его и волю исказил. —
Милорд, все просьбы тотчас мы исполним,
Клянусь душой. Поэтому прошу вас —
Войска свои по графствам распустите,
Что сделаем и мы. А здесь меж войск
Обнимемся мы, дружелюбно выпив,
Чтоб каждый взор унес с собою образ
Воскресшей нашей дружбы и любви.

Архиепископ

Мне ваше слово, принц, порукой служит.

Принц Джон

Даю его, и слово я сдержу.
Теперь же выпью за здоровье ваше.

Хестингс
(одному из офицеров)

О мире весть снесите, капитан,
Войскам. Пусть их оплатят и отпустят.
Они довольны будут. Поспешите.

Уходит офицер.

Архиепископ
За вас, лорд Уэстморленд.

Уэстморленд

А я за вас.

Когда б вы знали, ваша светлость, сколько
Я положил трудов на этот мир,
Вы пили б веселей. А впрочем, вскоре
Моя любовь проявится ясней.

Архиепископ
Не сомневаюсь в этом.

Уэстморленд

Очень рад.

Ваше здоровье, мой кузен, лорд Моубрей.

Моубрей
Вы кстати мне желаете здоровья:
Я, кажется, внезапно занемог.

Архиепископ
Беде всегда предшествует веселость,
Тоска ж — удачи вестница всегда.

Уэстморленд
Бодрей, кузен! Внезапные печали
Идут затем, чтоб завтра счастья ждали.

Архиепископ

А у меня на сердце так легко.

Моубрей

Коль верно ваше правило — тем хуже.

За сценой радостные клики.

Принц Джон

Объявлен мир; какое ликованье!

Моубрей

Вслед за победой слышать бы его!

Архиепископ

С победой мир одной природы, ибо

Покорены тут обе стороны,

А пораженных нет.

Принц Джон

Милорд, ступайте

И наше войско распустите тоже.

Уходит Уэстморленд.

Милорд, давайте пред собой пропустим

Свои войска, чтоб знали мы, с кем бой

Нам предстоял.

Архиепископ

Лорд Хестингс, прикажите

Пройти войскам пред тем, как их распустят.

Уходит Хестингс.

Принц Джон

Мы эту ночь, надеюсь, вместе, лорды,

Проводим.

Входит Уэстморленд.

Что ж недвижна наша рать?

Уэстморленд

Приказ стоять вождям вы сами дали, —
Из ваших уст его отмены ждут.

Принц Джон

Им долг известен.

Входит Хестингс.

Хестингс

Рассеялась вся рать. Как молодые
Волы, лишённые ярма, они
На запад, север, юг, восток стремятся:
Так школьники, окончивши ученье,
Спешат — кто порезвиться, кто домой.

Уэстморленд

Весть добрая, лорд Хестингс. За измену
Ты потому, предатель, арестован.
Вы тоже, лорд епископ и лорд Моубрей,
Повинные в измене государству.

Моубрей

Поступок этот справедлив и честен?

Уэстморленд

А был ли ваш таким?

Архиепископ

Нарушить слово?

Принц Джон

Не дал я его.

Я обещал лишь удовлетворить
Все ваши жалобы. И честь порукой,
Исполню это как христианин.
А вы, бунтовщики, расплаты ждите
За действия свои и за мятеж.
Безумно было вызов бросить нам
И глупо — рать отправить по домам. —
Бить в барабан! Вслед беглецам тотчас!
Господь сегодня победил за нас.
Предателей — стеречь! Их плаха ждет —
Измены ложе, где их смерть найдет.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть леса.

Шум битвы. Стычки.

Встречаются Фальстаф и Кольвиль.

Фальстаф

Ваше имя, сэръ? Какого вы звания? Из какого места?

Кольвиль

Я рыцарь, сэръ. Зовут меня Кольвилем из долины.

Фальстаф

Хорошо. Имя ваше — Кольвиль, звание — рыцарь,
и местожительство — долина. Кольвиль останется ва-
шим именем, но ваше звание отныне — изменник, и

местожительством вам будет тюрьма. Место это тоже достаточно глубокое, так что вы по-прежнему будете Кольвилем из долины.

Кольвиль

Не вы ли сэр Джон Фальстаф?

Фальстаф

Кто бы я ни был, я человек, стоящий его. Что ж, сдается вы, сэр, или мне придется потеть из-за вас? Если так, то капли моего пота станут слезами ваших близких, оплакивающих вашу смерть. Поэтому разбудите в себе страх и трепет и молитесь меня о пощаде.

Кольвиль

Я полагаю, что вы сэр Джон Фальстаф, и потому сдаюсь вам.

Фальстаф

В моем животе — целая школа языков, и все они провозглашают мое имя. Если бы только живот мой был хоть сколько-нибудь обыкновенным, я был бы самым предприимчивым человеком в Европе. Моя утроба, моя утроба губит меня. — А вот и наш полководец.

Входят принц Джон Ланкастерский,
Уэстморленд, Блент и другие.

Принц Джон

Пыл битвы миновал; конец погоне. —
Любезный Уэстморленд, сберите войско.

Уходит Уэстморленд.

А где же вы, Фальстаф, всё время были?
Всё кончилось — тогда вы тут как тут.
Когда-нибудь за эти все проделки,
Клянусь, под вами виселица рухнет.

Фальстаф

Странно было бы, если бы этого не случилось. Я знаю, что хула и попреки — всегдашняя награда за храбрость. Что ж я, по-вашему, ласточка, стрела или ядро? Разве я могу при моей старости двигаться с быстротой молнии? И мчался сюда с величайшей поспешностью, загнал более ста восьмидесяти почтовых лошадей, приехал сюда — и, еще весь в пыли, но блистая своей честной, незапятнанной храбростью, взял в плен сэра Джона Кольвиля из долины, бешеного рыцаря и храброго врага. Но мне это ни почем! Он увидал меня и сдался, так что я могу по справедливости сказать вместе с крюконосым римлянином: «Пришел, увидел, победил».

Принц Джон

Это было скорее учтивостью с его стороны, чем с вашей — заслугой.

Фальстаф

Не знаю. Вот он, я его вам передаю и прошу вашу милость записать это наряду с другими подвигами сегодняшнего дня; или, клянусь Господом, я закажу особую балладу, с изображением на заголовке Кольвиля, целующего мои ноги. Если вы меня к этому принудите, то, клянусь словом дворянина, ваша слава померкнет, как позолоченный медный грош, перед моей, и на светлом небе славы я воссияю над вами, как полный месяц, затмевающий звезды, которые в сравнение с ним ка-

жутся булавочными головками. Поэтому воздайте мне
должное: доблесть заслуживает превознесения.

Принц Джон

Твоя доблесть слишком тяжела, чтобы вознестись.

Фальстаф

Так пусть она воссияет.

Принц Джон

Твоя доблесть слишком мутна, чтобы сиять.

Фальстаф

Делайте с ней что угодно, зовите ее как хотите,
лишь бы это послужило мне на пользу.

Принц Джон

Тебе ведь имя Кольвиль?

Кольвиль

Да, милорд.

Принц Джон

Ты, Кольвиль, право, бунтовщик известный.

Фальстаф

И его взял в плен известный своею преданнос-
тью верноподданный.

Кольвиль

Милорд, такой же я, как и мои
Начальники, приведшие меня.
Начальствуй я над ними — и они бы
Дороже обошлись вам, чем теперь.

Фальстаф

Не знаю, за сколько они продали себя. Но ты, добрый человек, отдался мне даром, и я плачу тебе за твою особу благодарностью.

Входит Уэстморленд.

Принц Джон

Конец погоне?

Уэстморленд

Бью отступление, кончилась резня.

Принц Джон

С союзниками Кольвиля отправить
На казнь немедленную в Йорк. Вы, Блент,
Туда его доставьте под охраной. —

Уходят Кольвиль под стражей и Блент.

Мы ж ко двору, милорды, поспешим.
Я слышал, что отец мой тяжело болен.
Пусть наши вести нас опередят. —

(Уэстморленду.)

Его, кузен, утешьте ими вы.
По мере сил мы поспешим вослед.

Фальстаф

Милорд, прошу вас, разрешите мне проехать обратно через Глостершир. А прибыв ко двору, будьте ко мне благосклонны в вашем донесении.

Принц Джон

(Фальстафу)

Прощайте. Должен я по положенью
Дать лучший отзыв, чем заслужен вами.

Уходят все, кроме Фальстафа.

Фальстаф

Хорошо, если бы у тебя хватило на это ума; это было бы лучше твоего герцогства. Клянусь душой, этот трезвый мальчишка не любит меня, и никто в мире не может заставить его смеяться. Да это и не мудрено: ведь он не пьет вина. Из таких смиренных никогда прока не выйдет. Водяные напитки вместе с частым употреблением в пищу рыбы слишком охлаждают их кровь, так что они впадают в какую-то мужскую бледную немочь, а когда женятся, то производят на свет только девчонок. Они большей частью дураки и трусы. И некоторые из нас тоже были бы таковы, если бы не возбуждали себя горячительными напитками. Хороший херес производит двойное действие: во-первых, бросается в голову и высушивает в мозгу все скопившиеся в нем пары глупости, тупости и мрачности, делает его быстрым, восприимчивым, изобретательным, полным ярких, пламенных, игривых образов, которые, переходя в горло и рождаясь на языке, становятся метким остроумием. Второе действие хорошего хереса состоит в том, что он греет кровь. Она сначала холодная и неподвижная, и печень поэтому бледная, почти белая, что всегда служит признаком слабодушия и тупости; но херес разогревает кровь и разгоняет ее изнутри по конечностям. Херес расцветчивает лицо, и оно, как сигнальный огонь, созывает к оружию все остальные силы человека, этого маленького королевства. И тогда все мелкие жизненные полчища и маленькие духи собираются вокруг своего капитана — сердца, и оно, подзадоренное такой свитой, совершает смелые подвиги, — и всё это от хереса. Так что военное искусство ничто без хереса; херес приводит всё в действие; ученость — золотой

клад, оберегаемый дьяволом, пока херес не пускает ее в ход. Если принц Генрих храбр, то именно поэтому: холодную кровь, которую он унаследовал от отца, словно тощую, бесплодную землю, он разработал, вспахал и удобрил тем, что благородно пил, приняв большой запас плодоносного хереса. Вот почему он такой горячий и храбрый. Если бы у меня была тысяча сыновей, то первое житейское правило, которое я бы им внушил, было бы отвращение к водяным напиткам и приверженность к хересу.

Входит Бардольф.

Ну что, Бардольф?

Бардольф

Войско распущено, и все разошлись.

Фальстаф

Ну и бог с ними! Я поеду через Глостершир и там навещу Роберта Шеллоу, эсквайра. Я уже порядком размял его между пальцами и скоро буду им запечатывать письма. Идем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Вестминстер. Иерусалимская палата.

Входят король Генрих, Кларенс, Глостер,
Уорик и другие.

Король Генрих

Коль Бог пошлет конец счастливый бунту,
Что проливает кровь у нашей двери,

Мы юношество двинем в бой высокий
И обнажим лишь освященный меч.
В готовности наш флот, и войско в сборе,
Назначены наместники, чтоб править,
Пока вас нет; идет всё по желанью.
Но больше сил телесных надо нам
Да подождать, пока бунтовщики
Ярмо законной власти не наденут.

Уорик

Всё сбудется, конечно, государь,
На радость вашу.

Король Генрих

Сын мой Хемфри Глостер,
А где же принц, ваш брат?

Глостер

В Виндзоре он, должно быть, государь,
Охотится.

Король Генрих

А с кем?

Глостер

Мне неизвестно.

Король Генрих

Не с ним ли брат его, принц Томас Кларенс?

Глостер

Нет, государь, он здесь.

Кларенс

Что пожелает

Отец и государь мой?

Король Генрих

Лишь счастья тебе, принц Томас Кларенс.
Но как же так не с братом ты? Он любит
Тебя, а ты пренебрегаешь им.
В душе отвел тебе он больше места,
Чем прочим братьям, — и его любовью
Ты б должен был, мой мальчик, дорожить.
Ты благородную сослужишь службу,
Когда меня не станет, как посредник
Меж ними и величием его.
Так не теряй его; не ослабляй
Его любви; холодность проявляя
К его желаньям, важных преимуществ
Его благоволения не утрать.
Он милостив, когда вниманье видит,
Слез жалости не чужд, его рука
Для милосердия, как день, открыта.
Когда ж его разгневать, он — кремень,
И, как зима, капризен, и внезапен,
Как ледяные ветры на заре.
Так с настроением его считайся:
Коль видишь, кровь его склонна к веселью, —
За промахи почтительно жури;
А мрачен он — оставь его в покое,
Чтоб страсти в нем от собственных порывов
Изнемогли, как кит на суше. Томас,
Знай это — будешь для друзей щитом;
Как обруч золотой, ты свяжешь братьев,
Чтобы сосуд с единой кровью их,
Куда примешан будет яд наветов, —

Года его вольют туда, конечно, —
Не мог дать течи, будь тот яд сильней,
Чем аконит иль быстрый порох.

Кларенс

Буду

К нему забот я полон и любви.

Король Генрих.

Что ж ты не в Виндзоре с ним?

Кларенс

Он не там.

Он в Лондоне обедает сегодня.

Король Генрих

А кто же с ним? Тебе известно?

Кларенс

Пойнс

И спутники обычные его.

Король Генрих

Обильны сорняки на тучной почве,
И, славный образ юности моей,
Покрыт он ими. Потому простерлась
Моя печаль за мой последний час;
И плачет кровью сердце, как представлю
Себе картину я времен беспутных,
Развратных дней, что суждено вам видеть,
Когда я буду возле предков спать.
О, коль его советниками станут
Лишь вождение и крови жар,

Не будет знать узды разгул упрямый
И встретится богатство с мотовством, —
Как страсть его на крыльях устремится
Опасностям и гибели навстречу!

Уорик

Вы, государь, к нему несправедливы.
Своих приятелей он изучает
Лишь как язык чужой. Чтоб овладеть им,
Слова нескромнейшие даже надо
Увидеть и запомнить. Но в дальнейшем,
Как вам известно, государь, их зная,
Гнушаются все ими. Так и принц,
Как грубые слова, друзей отвергнет,
Когда настанет срок. О них лишь память,
Как образец иль мера, будет жить,
Чтоб ею он другие жизни мерил,
Грехи былые в пользу превратив.

Король Генрих

Но пчелы редко покидают пададь,
Где мед их сложен.

Входит Уэстморленд.

Кто там? Уэстморленд?

Уэстморленд

Привет вам, государь. Желаю счастья
В придачу к тем вестям, что я принес!
Принц Джон, ваш сын, целует руку вам.
Епископ Скруп, лорд Моубрей, Хестингс — все
Подверглись каре вашего закона.
Мечей восстанья обнаженных нет,
И расцвела везде олива мира.

О том, как это всё произошло,
Во всех подробностях вы на досуге,
Ваше величество, прочтете здесь.

Король Генрих

Ты птица летняя, о Уэстморленд,
Что и зимою возвещает пеньем
Начало дня.

Входит Харкорт.

А, вот еще известья!

Харкорт

Ваше величество, храни вас небо
От недругов; кто ж против вас восстанет —
Падет, как те, о ком я весть несу.
Разбил шериф Йоркширский рать большую
Из англичан с шотландцами. Ее
Вел граф Нортемберленд
и с ним лорд Бардольф.
Коль вам угодно ход сраженья знать,
В подробностях он здесь в письме изложен.

Король Генрих

Что ж плохо мне от радостных вестей?
Иль с полными руками не приходит
Фортуна к нам и дивные слова
Лишь буквами уродливыми пишет?
То посылает голод без еды,
Как беднякам здоровым; то избыток,
Но аппетит отняв, — и богачи
Не могут насладиться изобильем.
Вестям счастливым радоваться б мне,
Но меркнет взор, и голова кружится!
О, подойдите: мне нехорошо.

Глостер

Крепитесь, государь!

Кларенс

Отец державный!

Уэстморленд

Приободритесь, мой король, взгляните!

Уорик

Не бойтесь, принцы; государь подвержен
Таким припадкам. Расступитесь, — надо
Ему дать воздуха: очнется он.

Кларенс

Нет, нет, он долго этих мук не стерпит.
От всех тревог и от трудов ума
Так в нем тонка ограда духа стала,
Что жизнь сквозит и вырваться готова.

Глостер

Мне страшен слух в народе о рожденьях
Чудовищных, зачатых без отцов;
Иным стал ход времен, как будто год
Перескочил чрез месяцы, что спали.

Кларенс

В реке прилив был трижды без отлива,
И — летописи вздорные былого —
Толкуют старцы, что случилось то же
Пред тем, как умер Эдуард, наш предок.

Уорик

Король в себя приходит. Тише, принцы.

Глостер

На этот раз удар — конца предвестник.

Король Генрих

Прошу поднять и отнести меня

В другой покой. Прошу вас, осторожно.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая зала.

Король Генрих в кровати; Кларенс, Гло́стер,
Уорик и другие.

Король Генрих

Не надо шума, милые друзья.

Лишь легкая и нежная рука

Пусть музыку дает душе усталой.

Уорик

Позвать в покой соседний музыкантов.

Король Генрих

Корону на подушку мне сюда.

Кларенс

Как изменился он! Глаза ввалились.

Уорик

Потише.

Входит принц Генрих.

Принц Генрих
Кто видал, где герцог Кларенс?

Кларенс
Я здесь, мой брат, и преисполнен скорби.

Принц Генрих
Как? В комнатах, а не снаружи дождь?
Ну, что король?

Глостер
Плох чрезвычайно.

Принц Генрих
Слышал
Он вести радостные? Их ему
Скажите.

Глостер
Услышав их, он сильно занемог.

Принц Генрих
Если он заболел от счастья, то, значит, поправится без лекарства.

Уорик
Милорды, тише! Принц, умерьте голос.
Король, отец ваш, задремал.

Кларенс
Пойдем
В другую комнату.

Уорик

Вам, ваша милость,
Угодно ль с нами перейти туда?

Принц Генрих

Нет, я останусь подле короля.

Уходят все, кроме принца Генриха.

Зачем с ним здесь корона на подушке,
Докучная подруга? О тревога
Блестящая! Забота золотая!
Бессонной ночью часто дверь дремоты
Распахнутой ты держишь. С ней он спит!
Но не здоровым, крепким сном, как тот,
Кто, грубый свой колпак на лоб надвинув,
Ночь напролет храпит. О ты, величье!
Носителя ты давишь, точно в зной
Роскошные доспехи, что сжигают
Нас безопасностью. Лежит недвижно
Пушинка у ворот его дыханья.
Дышал бы он, — она бы шевелилась,
Такая легкая! Король! Родитель!
Да, это крепкий сон, сон, разлучивший
Немало с этим обручем златым
Английских королей. Мой долг тебе —
Скорбь крови безутешная и слезы;
Его — любовь, природа, нежность сына
Сполна уплатят, дорогой отец.
А мне твой долг — венец державный этот.
К ближайшему по сану и по крови,
Ко мне он перейдет. Вот он!

(Надевает корону.)

Храни

Его, Господь. И будь вся сила мира

В одной руке огромной, — этой чести
Наследственной не вырвать ей! Венец
Потомкам я отдам, как мне — отец.

Уходит.

Король Генрих
(пробудившись)

О Уорик, Глостер, Кларенс!

Входят Уорик, Глостер, Кларенс и другие.

Кларенс

Король нас звал?

Уорик

Что, государь, угодно? Как здоровье?

Король Генрих

Зачем один я брошен вами, лорды?

Кларенс

Остался, государь, здесь принц, мой брат.
Хотел сидеть он с вами.

Король Генрих

Принц Уэльский?

Где ж он? Его желал бы видеть я.
Его здесь нет.

Уорик

Сюда он вышел: эта дверь открыта.

Глостер

Там, где мы были, он не проходил.

Король Генрих
Корона где? Кто взял ее с подушки?

Уорик
Уйдя, ее оставили мы здесь.

Король Генрих
Так принц унес. Найдите же его.
Ужель он так нетерпелив, что принял
Мой сон за смерть? —
Лорд Уорик, устыдив, его пришлите.

Уходит Уорик.
Его поступок с недугом в союзе
Меня убьет. Вот кто вы, сыновья!
Как быстро, целью золото избрав,
Подъемлет бунт природа!
Вот для чего безумные отцы
Тревогою свой сон губили,
Мозги — заботами, трудами — кости;
Вот для чего они копили груды
Сокровищ злых, не для себя добытых;
Вот для чего учили сыновей
Искусствам и военным упражненьям!
Как пчелы, с каждого цветка собрав
Сладчайший сок,
На бедрах воск и мед во рту приносим
Мы в улей, но, как пчел, нас убивают
За все труды. О, горек в час последний
Отцу всего им собранного вкус.

Входит Уорик.
Где ж тот, кто ждать не хочет, чтоб со мной
Покончила болезнь, его подруга?

Уорик

В соседней комнате нашел я принца.
Так нежными слезами орошал
Он щеки милые в глубокой скорби,
Что даже кровожадное злодейство
Омыло б нежной влагою очей
Свой нож, его увидев. К нам идет он.

Король Генрих

Но почему же он унес корону?

Входит принц Генрих.

А вот и он. — Поди поближе, Гарри. —
Уйдите все, оставьте нас вдвоем.

Уходят Уорик и другие.

Принц Генрих

Не ждал я вновь услышать вашу речь.

Король Генрих

Твое желанье эту мысль родило:
Я зажился, ты тяготишься мной.
Так опустевшего ты алчешь трона,
Что хочешь раньше, чем твой час созрел,
Надеть знак власти? Юноша безумный!
Величья ищешь, что тебя раздавит?
Повремени; моей державной туче
Лишь слабый ветер не дает упасть.
Померк мой день; она прольется скоро.
Укравши то, чем без вины б владел
Чрез несколько часов, ты мне пред смертью
Как бы скрепил печатью подозренье:
Ты, нелюбовь мне жизнью доказав,
Желал, чтоб я в том убежденный умер.
Скрывал ты в мыслях тысячу кинжалов,

Отточенных о каменное сердце,
Чтоб жизни полчася убить моей.
Ты полчася мне сберечь не можешь?
Ступай же, сам могилу вырой мне,
И возвестит тебе пусть звон веселый
Не смерть мою — твое коронованье.
Пусть слезы, оросившие мой гроб,
Елеем станут, чтоб твой лоб помазать.
Меня же ты смешай с забытым прахом;
Отдай червям, что жизнь дало тебе.
Прочь слуг моих и все мои указы, —
Пришла пора смеяться над порядком:
На троне Генрих Пятый! Встань, тщеславье!
Прочь, сан монарший и советов мудрость!
Со всех концов к английскому двору
Стекайтесь, суетности обезьяны!
Очиститесь, соседи, от подонков;
Есть плут у вас, что пляшет, сквернословит,
Пьет, грабит, убивает и свершает
По-новому старейшие грехи?
Утешьтесь, он не будет вас тревожить.
Здесь позлатят вдвойне его вину,
Здесь он получит власть, почет и силу.
Запрета снял намордник Генрих Пятый
С распутства укрощенного, и будет
Терзать зубами лютый пес невинность.
Мой бедный край! Ты братской распрей болен.
Коль смут твоих я властью не сдержал,
Что ждет тебя, коль смута власть получит?
О, ты вновь глушью станешь и приютом
Волков, старинных жителей твоих.

Принц Генрих

О государь, простите! Если б слезы
Помехой влажной не были речам, —

Прервав укор ваш нежный и суровый,
Вам скорбно говорить я б не дал, сам же
Так долго б не внимал. Вот ваш венец.
Да сохранит надолго вам его
Тот, чей венец бессмертен. Если мне
Желанней он, чем ваша честь и слава,
Пусть навсегда останусь я лежать, —
Как учит дух покорности глубокой
Меня, — смиренно распростертый здесь.
Свидетель Бог, обьял мне душу холод,
Когда, войдя сюда, нашел я без дыханья
Вас, государь! Когда притворство это,
О, пусть умру среди беспутств и миру,
Что мне не верит, дивной перемены,
Какую я замыслил, не явлю.
К вам подойдя, сочтя, что вы скончались,
При мысли этой чуть не умерев,
Заговорил я, как с живой, с короной
И так ее корил: «Источник ты заботы,
Пожравшей тело моего отца,
И, злато лучшее, ты златом худшим стала.
Другое, ниже пробой, драгоценней,
В лекарстве жидком сохраняя жизнь.
Ты ж, чтимое, чистейшее, пожрало
Носившего тебя». Так, государь, с укором,
Я на голову возложил ее,
Чтоб истинным преемником начать
С ней поединок, как с врагом, который
Убил отца в присутствии моем.
Но коль она в крови зажгла мне радость
Иль мысль спесивую во мне раздула,
Коль суетный и непокорный дух
Во мне с малейшей склонностью к привету
Могушеству ее навстречу рвался,

Пусть снимет Бог ее с меня навек,
Чтоб, как вассал беднейший, я колени
В священном страхе преклонил пред ней!

Король Генрих

О сын мой!
Ее унес ты по внушенью Бога,
Чтоб большую любовь отца снискать
Защитой мудрой своего поступка.
Поди сюда, сядь, Гарри, у кровати
И выслушай последний мой совет,
Что дать могу. Известно Богу, сын мой,
Каким окольным и кривым путем
Венца достиг я. Как сидел тревожно
Он у меня на голове — я знаю.
К тебе же он спокойней перейдет,
Упроченным и признанным; а всё,
Что приобретение его пятнало,
Уйдет со мною в гроб. На мне казался
Он честью, добытой рукой упорной;
Мне многие могли бросать упрек,
Что я его с их помощью достиг,
И это, раня мнимый мир, рождало
Кровопролитья каждый день. Ты видел,
С какой опасностью я отвечал
На все удары грозные, и было
Мое правленье пьесой, содержанье
Которой — распри. Смерть моя теперь
Изменит всё; то, что я захватил,
Облагороженным получишь ты:
Наследственный венец носить ты станешь.
Хоть ты стоишь прочней меня, однако
Не так уж тверд, пока свежи обиды.
Мои друзья — их сделай и своими —

Зубов и жал недавно лишены.
Их действиями злыми вознесенный,
Я мог страшиться, что меня их мощь
Низвергнет вновь. Чтоб этого избежать,
Я устранил их и намеревался
В Святую землю многих увести,
Чтоб им покой и праздность не давали
В мои права вникать. И ты, мой Гарри,
Тревожные умы занять старайся
Раздором внешним: труд за рубежом
О днях былых в них память истребит.
Еще сказал бы, но дышать мне трудно,
И силы речи я совсем лишен.
Как и венца достиг — прости мне, Бог!
Пусть только б в мире жить с тобой он мог.

Принц Генрих

Мой государь, его
Вы добыли, носили, дали мне;
Отныне мой законно он вполне;
И за него я, жертвуя собой,
Вступлю по праву с целым миром в бой.
Входит принц Джон Ланкастерский.

Король Генрих

Смотри, смотри, идет мой Джон Ланкастер.

Принц Джон

Здоровье, мир и счастье вам, отец!

Король Генрих

Сын Джон, ты мир и счастье мне приносишь:
Здоровье же, увы, на юных крыльях

Покинуло сухой и голый ствол.
Тебя я видел, и земным делам
На том конец. Лорд Уорик где?

Принц Генрих

Лорд Уорик!

Входят лорд Уорик и другие.

Король Генрих

Не носит ли особого названия
Покой, где в первый раз мне стало дурно?

Уорик

Зовется он, милорд, Иерусалим.

Король Генрих

Хвала Творцу! Пусть жизнь я там окончу.
Уж много лет, как предсказали мне,
Что я умру в Иерусалиме. Это
Ошибочно я счел Святой землей.
Скорей меня в покой снесите тот:
В Иерусалиме к Гарри смерть придет.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Глостершир. Комната в доме Шеллоу.

Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и Паж.

Шеллоу

Клянусь петухом и сорокой, сэр, вы не уедете сегодня. — Эй, Деви!

Фальстаф

Уж вы извините меня, мистер Роберт Шеллоу...

Шеллоу

Не извиню, никаких извинений не принимаю. Никакое извинение вам не поможет. Нет никаких извинений. — Эй, Деви!

Входит Деви.

Деви

Здесь, сэр.

Шеллоу

Деви, Деви, Деви, постой... Ах, да! Позови сюда повара Вильяма. — Сэр Джон, ваше извинение не принимается.

Дев и

Слушаю, сэр. Этих повесток я не мог вручить. Да вот еще, чем мы засеем ту большую пашню — пшеницей?

Шеллоу

Да, красной пшеницей, Дев и. Но позови повара Вильяма... Есть у нас молодые голуби?

Дев и

Да, сэр. А вот счет кузнеца за ковку лошадей и за плуги.

Шеллоу

Проверь счет и заплати. — Сэр Джон, никаких извинений.

Дев и

А еще, сэр, нужно купить новую цепь к ведру; да вот еще что: прикажете вычесть из жалованья Вильяма за мешок, который он потерял на рынке в Хинкли?

Шеллоу

Непременно. Так вот, Дев и, пару голубей, пару цыплят, ножку баранины да еще разные разности, — скажи это повару Вильяму.

Дев и

А военный господин останется здесь на ночь, сэр?

Шеллоу

Да, Дев и. Я хочу его хорошенько угостить. Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке. Угости хо-

рошенько и его людей, Деви. Они ведь порядочные плуты и потом будут кусать заглазно.

Деви

У них самих спина искусана, сэр: белье на них страсть какое грязное.

Шеллоу

Хорошо сказано, Деви. Делай, что велено, Деви.

Деви

Я прошу вас, сэр, поддержать Вильяма Вайзора из Уинкота против Климента Перкса из Хилля.

Шеллоу

На Вайзора поступило много жалоб. Он, насколько я знаю, большой подлец.

Деви

Вполне согласен с вашей милостью, сэр, что он подлец. Но неужели, Господи помилуй, нельзя поддержать подлеца по просьбе друга? Честный человек, сэр, может сам себя защитить, а подлец не может. Я верно служил вашей милости, сэр, вот уже восемь лет, и если мне не дозволено раз или два раза в четверть года поддержать мошенника против честного человека, то, видно, мало у вас ко мне расположения. Этот подлец мой честный друг, сэр, и потому я очень прошу вашу милость решить дело в его пользу.

Шеллоу

Ну, хорошо, я его не обижу. А теперь иди, Деви.

Уходит Деви.

Где вы, сэр Джон? Ну, ну, пожалуйста, снимайте сапоги. — Вашу руку, мистер Бардольф.

Бардольф

Я рад видеть вашу милость.

Шеллоу

Благодарю тебя от всего сердца, милый Бардольф. *(Пажу.)* Добро пожаловать, великан. — Идемте, сэр Джон.

Фальстаф

Я скоро приду, мистер Шеллоу.

Уходит Шеллоу.

Бардольф, присмотри за нашими лошадьми.

Уходят Бардольф и Паж.

Если бы меня распилили на две части, то вышло бы четыре дюжины таких бородатых монашеских посохов, как мистер Шеллоу. Какое удивительное соответствие между его умом и умом его прислуги: глядя на него, они ведут себя как дураки-судьи, а он, разговаривая постоянно с ними, превратился в лакея, похожего на судью. Их мысли так слились благодаря постоянному общению, что они держатся все вместе, как стадо диких гусей. Имей я нужду в мистере Шеллоу, я стал бы льстить его людям, говоря им об их сходстве с их хозяином; нуждайся я в его слугах, я льстил бы мистеру Шеллоу, говоря ему, что никто не умеет лучше повелевать слугами, чем он. Нет никакого сомнения, что как мудрое поведение, так и глупое заразительны подобно болезни, — поэтому нужно брать товарищей со строгим разбором. Я из этого Шеллоу извлеку достаточно смеш-

ного, чтобы позабавить принца Генриха столько времени, сколько длится шесть мод, что равняется четырем судебным срокам и двум долговым, и он будет хохотать без интервалов. Удивительно, как действует выдумка, приправленная легкой клятвой, или шутка, сказанная с мрачным видом, на молодежь, не испытавшую, что такое ломота в плечах. Принц будет хохотать до тех пор, пока лицо его не сморщилось, как промокший плащ.

Шеллоу
(за сценой)

Сэр Джон!

Фальстаф

Иду, мистер Шеллоу, иду.

Уходит.

СЦЕНА 2

Вестминстер. Комната во дворце.

Входят с разных сторон Уорик и Верховный судья.

Уорик

А, лорд судья! Куда идете вы?

Верховный судья

Ну, как король?

Уорик

Прекрасно: кончились его тревоги.

Верховный судья
Надеюсь, жив?

Уорик
Указанный природой
Он путь свершил и не живет для нас.

Верховный судья
Когда б меня взял государь с собой!
За службу верную ему при жизни
Теперь обидам предоставлен я.

Уорик
Да, молодой король вас впрямь не любит.

Верховный судья
Я знаю и хочу во всеоружье
Приветствовать условия новых дней;
Ужаснее не быть им для меня,
Чем их рисует мне воображенье.
Входят принц Джон, принц Хемфри,
принц Кларенс, Уэстморленд и другие.

Уорик
Вот Гарри мертвого идет потомство
Грустящее. Будь у живого Гарри
Характер худшего из младших братьев,
Немало бы осталось здесь дворян,
Которым нынче паруса убрать
Пред разными мерзавцами придется.

Верховный судья
О господа! Боюсь, пойдет всё прахом.

Принц Джон

Привет, кузен мой Уорик! С добрым утром.

Принцы Хемфри и Кларенс

Привет, лорд Уорик!

Принц Джон

Дар речи мы утратили как будто.

Уорик

Нет, не совсем. Но скорбность нашей темы
Обилия не допускает слов.

Принц Джон

Так мир ему, по ком мы так скорбим!

Верховный судья

Мир нам, чтоб мы избегли большей скорби!

Глостер

О да, милорд, утратили вы друга,
И поклянусь, что горестный ваш вид
Вполне ваш собственный, а не заемный.

Принц Джон

Хоть не уверен в милости никто,
Вас ожидает наибольший холод.
Жаль: мне б хотелось, чтоб иначе было.

Кларенс

Льстить сэру Джону Фальстафу вам надо,
А это значит против чести плыть.

Верховный судья

Всё, что я делал, принцы, делал честно;
Дух беспристрастия мной руководил.
Вы не увидите меня просящим
Напрасно о позорном снисхожденье.
Коль мне невинность с правдой не помогут,
За королем усопшим вслед пойду
И расскажу ему, кем прислан я.

Уорик

Вот принц идет.

Входит король Генрих Пятый со свитой.

Верховный судья

Ваше величество, храни вас Бог!

Король

Не так удобен новый и роскошный
Наряд — величество, как можно думать. —
С боязнью скорбь у вас смешалась, братья.
Тут английский, а не турецкий двор.
Не Амурат — преемник Амурата,
А Генрих — Генриха. Но всё ж горюйте;
По правде, братья, это вам к лицу;
Столь королевский вид у вашей скорби,
Что, углубить ее желая, в сердце
Ее носить я буду. Да, горюйте,
Но на себя берите, братья, только
Ту часть печали, что лежит на вас.
Что до меня, клянусь вам небом, верьте,
Я буду вам и братом и отцом.
Любовь мне дайте, я ж заботы ваши
Возьму. Как я, оплакивайте, братья.

Смерть Генриха. Но Генрих жив, который
В дни счастья слезы эти превратит.

Принц Джон и другие
Мы, государь, от вас не ждем другого.

Король
Все странно смотрят на меня.
(*Верховному судье.*)
Вы первый
Уверены, что я вас не люблю.

Верховный судья
Уверен я, что, если беспристрастно
Оценивать все действия мои,
У вас причин для ненависти нет.

Король
Нет?
Как принц с моим грядущим мог забыть,
Что глубоко его вы оскорбили?
Журить, судить, в тюрьму сурово бросить
Наследника престола! Это малость?
Забыться это может, канув в Лету?

Верховный судья
Я представлял особу короля
И олицетворял его державу.
И вот, когда я блюл его закон,
О благе лишь общественном заботясь,
Угодно было вам, забыв мой сан,
Закона власть, величье правосудья,
Мной воплощенный образ короля,
Меня ударить на судейском месте.

Тут вас как оскорбителя отца
Я, смело властью пользуясь своей,
Под стражу взял. Коль плох был мой поступок,
Теперь, нося корону, соглашайтесь,
Чтоб попирали ваш сын указы ваши,
Гнал правосудье со скамьи священной,
Мешал закону, притупляя меч,
Хранящий мир и вашу безопасность;
Нет, больше: чтоб державный образ ваш
Топтал, глумясь над вашими делами
В лице того, кто представляет вас.
Спросите вашу мысль, вообразите,
Что это было с вами: вы отец,
У вас есть сын; вы слышите, как дерзко
Поруган сан ваш, видите презренья
К своим законам грозным и к себе.
Теперь представьте: я за вас вступился
И вашей властью сына обуздал.
Всё рассудив спокойно, объявите
Мне приговор, скажите как король:
Что сделал я, чем опорочил должность,
Достоинство монарха или себя?

Король

Всё взвесив так, вы правы, лорд судья.
Затем и впредь весы и меч держите.
Желаю вам средь почестей растущих
Дожить до дня, когда, как я, мой сын
Вас оскорбит и подчинится вам.
Слова отца тогда я повторю:
«Я счастлив, смелого слугу имея,
Что сына моего дерзнул судить.
Но столь же счастлив я, имея сына,
Что в руки правосудья сам отдал

Свой сан». Меня в тюрьму вы заключили, —
За это в вашу руку заключу
Я чистый меч, что вы досель держали.
Как некогда против меня, и впредь
Вы справедливо, смело, беспристрастно
Им действуйте. Вот вам моя рука;
Отцом вы будьте юности моей;
Мой голос станет вашим мненьям вторить;
Советам вашим опытным и мудрым
Покорно волю подчиню свою. —
И вы все, принцы, верьте мне, прошу вас:
Беспутным в гроб сошел отец мой, ибо
Там увлечения с ним мои лежат.
Во мне же дух его достойный ожил,
Чтоб ожиданья мира осмеять,
Пророков обмануть и уничтожить
Неверный взгляд, судивший обо мне
По внешности. Досель потоки крови
Во мне в гордыне суетно текли, —
Теперь же вспять они стремятся в море,
Чтоб, слившись там с державой всех потоков,
Струиться в истинном величье впредь.
Сзываем мы высокий наш парламент
И членов изберем в совет таких,
Чтоб тело крупное державы нашей
От стран с правленьем лучшим не отстало;
Чтоб и война и мир, иль оба вместе,
Привычны и знакомы были нам.
Во всем, отец, вам будет первый голос.
Короновавшись, мы, как я сказал,
Совет сзываем. Коль поможет небо
Благим желаньям, не найдут причин
Ни принц, ни пэр у Господа просить
Дни радостные Гарри сократить.

СЦЕНА 3

Глостершир. Сад при доме Шеллоу.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс,
Бардольф, Паж и Деви.

Шеллоу

Нет, вы должны еще посмотреть мой сад, и там в беседке мы покушаем прошлогодних яблок моей собственной прививки, съедем тарелочку варенья с тмином и еще что-нибудь. — Идемте, кузен Сайленс. — А потом в постель.

Фальстаф

Однако, клянусь Богом, у вас славное поместье, очень богатое.

Шеллоу

Жалкое, жалкое, жалкое поместье, сэр Джон, совсем нищенское; одно только, что хороший воздух. — Накрывай, Деви, накрывай. Вот так, хорошо!

Фальстаф

Этот Деви у вас на все руки — он и слуга, и управляющий.

Шеллоу

Хороший слуга, очень хороший, сэр Джон. Клянусь мессой, я слишком много хересу выпил за ужином... Хороший слуга! А теперь садитесь, садитесь. — Идем, кузен.

Сайленс

Эй, говорю я, —

(поет)

«Будем пить и гулять,
Добрый год прославлять,
Благо есть, что поесть.
В поле хлеба не счесть.
Будем пить! Нет, ей-ей,
Ничего веселей».

Фальстаф

Какой вы весельчак! Я выпью за ваше здоровье,
мистер Сайленс.

Шеллоу

Дай вина мистеру Бардольфу, Деви.

Деви

Добрейший сэр, садитесь, я сейчас вернусь к вам;
садитесь, добрый сэр. — И вы, добрый мистер паж, са-
дитесь. Ваше здоровье. Если неостанет чего съестно-
го, мы вознаградим выпивкой. Не взыщите; главное,
всё здесь от души.

Уходит.

Шеллоу

Веселей, мистер Бардольф. — И ты, мой малень-
кий солдат, тоже будь веселей.

Сайленс
(поет)

«Веселен, веселей!
Ведь не лучше моей
У соседа жена,
И она неверна.
Веселей, веселей!»

Фальстаф

Я не знал, что мистер Сайленс такой молодец.

Сайленс

Я? Мне уж случилось в жизни быть веселым раз-
другой.

Входит Деви.

Деви

Вот вам тарелка яблок. (*Ставит их перед Бар-
дольфом.*)

Шеллоу

Деви!

Деви

Что прикажете, ваша милость? — Я сейчас к ва-
шим услугам. — Стакан вина, сэр?

Сайленс

(*поет*)

«Зайдем, красотка, в кабачок.
Нальем стакана два — и чок,
И сердцу будет любо».

Фальстаф

Хорошо сказано, мистер Сайленс.

Сайленс

Давайте веселиться, перед нами еще самая при-
ятная часть ночи.

Фальстаф

Ваше здоровье, мистер Сайленс, — много лет вам
здоровствовать.

Сайленс
(поет)

«Я выпью весь стакан вина,
Будь миля целая до дна».

Шеллоу

Честный Бардольф, твое здоровье. Если тебе чего-нибудь хочется и ты не требуешь, пеняй на самого себя. — И ты тоже, маленький плутишка, милости просим. — Я пью за здоровье мистера Бардольфа и всех лондонских кавалеров.

Деву

Я еще надеюсь, что увижу Лондон, прежде чем умру.

Бардольф

Хотелось бы встретиться с тобою там, Деву...

Шеллоу

Клянусь мессой, вы там осушите вместе добрую квартиру. Не правда ли, мистер Бардольф?

Бардольф

Конечно, сэр, — пинты в четыре.

Шеллоу

И прекрасно, благодарю тебя. Этот плут не отстанет от тебя, поверь мне. Он неплохо воспитан.

Бардольф

И я от него не отстану, сэр.

Шеллоу

Ты сказал это, как король. Пейте и ешьте вдоволь; будьте веселы.

Стук.

Посмотри, кто там стучит.

Уходит Деви.

Фальстаф

*(Сайленсу, который только что выпил
полный кубок)*

Вот теперь я получил от вас надлежащий ответ.

Сайленс

(поет)

«Пью бокал до дна.

В рыцари меня

Посвяти, Саминго».

Так ведь?

Фальстаф

Так.

Сайленс

Вот видите. Сознайтесь, что старый человек иногда еще кой на что годится.

Входит Деви.

Деви

С позволения вашей милости, тут пришел какой-то Пистоль и привез новости от двора.

Фальстаф

От двора? Пусть войдет.

Входит Пистоль.

Что слышно, Пистоль?

Пистоль

Да хранит вас Бог, сэр Джон.

Фальстаф

Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль?

Пистоль

Не тот злой ветер, который ничего не приносит хорошего. Милейший рыцарь, ты теперь один из самых веских людей в королевстве.

Сайленс

Клянусь Святой Девой, он самый увесистый, если не считать кума Пуфа из Барсона.

Пистоль

Пуф?

Да, в зубы «пуф» тебе, трусишка подлый! —
Сэр Джон, я твой Пистоль, я твой приятель,
Я, голову сломя, к тебе скакал,
Чтоб радостные вести принести
О золотых деньках, о счастье светлом.

Фальстаф

Говори скорее, в чем дело, да говори толком, как житель здешнего мира.

Пистоль

К чертям весь здешний мир с его жильцами!
Об Африке вещаю золотой.

Фальстаф

Презренный ассирийский раб, в чем дело?
Король Кофетуа знать хочет правду.

Сайленс

(поет)

«И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет».

Пистоль

Смеяться ль над сынами Геликона
Собакам? Весть о счастье презирать?
Коль так, Пистоль, лети в объятья фурий.

Шеллоу

Честнейший джентльмен, я не знаю вашей родословной.

Пистоль

Скорби и плачь об этом.

Шеллоу

Простите, сэр. Если вы принесли вести от двора, то вам остается одно из двух: или выложить их, или удержать при себе. Знайте, что и я облечен некоторою властью, по воле короля.

Пистоль

Какого короля, скажи, бродяга,
Иль дух испутишь!

Шеллоу

Генриха.

Пистоль

Какого?

Четвертого иль Пятого?

Шеллоу

Конечно

Четвертого..

Пистоль

Ты должность потерял!
Сэр Джон! Теперь король —
твой кроткий агнец;
Он — Генрих Пятый. Правду говорю.
Коль я солгал, то покажи мне кукиш,
Как делают надменные испанцы.

Фальстаф

Как? Старый король мертв?

Пистоль

Он мертв, как гвоздь дверной. Сказал я правду.

Фальстаф

Скорее, Бардольф, оседлай мою лошадь. — Мистер Шеллоу, выбирай какую хочешь должность в государстве — она твоя. — Пистоль, я награжу тебя чинами.

Бардольф

О чудный день!
Он мне дороже рыцарского званья!

Пистоль

Что? Вести хороши?

Фальстаф

Снесите мистера Сайленса в постель. — Мистер Шеллоу, лорд Шеллоу, ты будешь теперь чем хочешь; я управитель фортуны. Надевай сапоги, мы будем скакать всю ночь. — О милый Пистоль! — Иди, Бардольф.

Уходит Бардольф.

Ну, Пистоль, расскажи мне, чего бы тебе хотелось. — Надевайте же сапоги, мистер Шеллоу. — Я знаю, молодой король тоскует по мне. Возьмите чьих угодно лошадей, — законы Англии в моей власти. Счастливы те, кто были моими друзьями, и горе лорду Верховному судье!

Пистоль

Пусть коршуны ему терзают печень.
«Где счастье на земле?» — поется в песне.
Вот где оно. Привет счастливым дням!

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Улица.

Входят полицейские, которые тащат
хозяйку Куикли и Долль Тершит.

Хозяйка

Постой, мерзавец! Я готова была бы умереть, лишь бы увидеть тебя повешенным, — ты мне плечо вывихнул.

1-й Полицейский

Констебли передали мне ее, и я могу ее уверить, что она получит свою порцию розог. Еще недавно из-за нее убиты были два человека.

Долль

Врешь, крюк дли стаскивания яблок, врешь. Пусти, говорю тебе, мерзкая trebuшинная рожа; если

ребенок, которого я теперь ношу, погибнет, то лучше бы ты отколотил свою мать, бумажная образина.

Хозяйка

О Господи, если бы только сэр Джон был здесь! Он бы кому-нибудь уготовил тут смертный час. Молю Бога, чтобы плод ее чрева погиб!

1-й Полицейский

Что ж, тогда у тебя будет дюжина подушек; а теперь только одиннадцать. Ступайте за мной, приказываю вам: человек, которого вы отколотили вместе с Пистолем, умер.

Долль

А я тебе говорю, поджарая фигурка на курильнице, тебя за это здорово выпорют. Ах ты, синий навозный жук! Ах, грязный изголодавшийся палач! Если тебя не выпорют, не носить мне короткого платья.

1-й Полицейский

Ну ты, странствующий рыцарь в юбке, идем.

Хозяйка

О Господи, неужели правда одолеет силу? Ну ничего, будет и на нашей улице праздник.

Долль

Идем, негодяй, веди меня к судье.

Хозяйка

Идем, голодный пес.

Долль

Ах ты, смерть костлявая!

Хозяйка

Скелет!

Долль

Идем, сухарь, идем, негодяй!

1 - й Полицейский

Идем.

Уходят.

СЦЕНА 5

Площадь близ Вестминстерского аббатства.

Входят двое прислужников, посыпая площадь тростником.

1 - й Прислужник

Больше тростника, больше тростника!

2 - й Прислужник

Уже два раза трубили.

1 - й Прислужник

Они раньше двух часов не вернутся с коронации.
Живей, живей.

Уходят прислужники.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль,
Бардольф и Паж.

Фальстаф

Станьте подле меня, мистер Шеллоу. Я устрою,
чтобы король был милостив к вам. Я ему подмигну,

когда он проедет мимо меня, — вы увидите, как он со мной обойдется.

Пистоль

Пошли Бог силы твоим легким, добрый рыцарь.

Фальстаф

Стань сюда, Пистоль, за мной. (*К Шеллоу.*) — Жаль, что у меня не было времени заказать новое платье в счет тысячи фунтов, которые я занял у вас. Но не все ли равно? Эта бедная одежда еще более подходит к данному случаю — она показывает, как я торопился увидеть его.

Шеллоу

Это верно.

Фальстаф

Она доказывает глубину моей привязанности.

Шеллоу

Да, да.

Фальстаф

Мое преклонение.

Шеллоу

Правда, правда.

Фальстаф

Видно будет, что я скакал день и ночь и не вспомнил, не счит нужным, не имел терпения переменить платье.

Шеллоу

Совершенно верно.

Фальстаф

Вот я стою здесь, забрызганный еще грязью с дороги, и потею от желания видеть его; ни о чем другом не думаю, забыв обо всех остальных делах, как будто нет у меня никакого другого дела на уме, кроме желания увидеть его.

Пистоль

Это «semper idem», ибо «obsque hoc nihil est», — все сказывается в каждой отдельной части.

Шеллоу

Верно.

Пистоль

О рыцарь, вашу доблестную печень
Хочу разжечь и в ярость привести.
Знай: Долли, нежных чувств твоих Елена,
Безжалостною, грубою рукой
Повергнута в тюрьму — в приют заразы.
Скорей для мщенья вызови из мрака
Змею Алекто яростной. В тюрьме
Томится Долль. Обман Пистоллю чужд.

Фальстаф

Я ее освобожу.

За сценой радостные клики и трубные звуки.

Пистоль

Как будто моря шум: рокочут трубы.

Входит король Генрих со свитой, в числе других
Верховный судья.

Фальстаф

Бог да хранит тебя, король наш Хел!

Пистоль

Спаси тебя Господь, венчаный отпрыск славы!

Фальстаф

Будь счастлив, милый мальчик!

Король

Милорд судья, с глупцом поговорите.

Верховный судья

Известно вам, кто это? Вы в уме?

Фальстаф

Король! Юпитер мой! Я говорю
С тобой!

Король

Старик, тебя не знаю я.

Молись. Шутам так не к лицу седины!
Мне долго снился человек подобный —
Такой же старый, грубый и распутный;
Проснулся я, и мне мой сон противен.
Плоть умеряй и добродетель множь;
Обжорство брось; знай, пред тобой могила
Зияет втрое шире, чем пред всеми.
Не отвечай дурацкой шуткой мне;
Не думай, будто тот же я, что раньше.
Известно Богу, и увидит мир,
Что я от прежнего себя отрекся,
Как и от всех, с кем некогда дружил.

Когда услышишь, что я прежним стал,
Приди, и снова моего распутства
Наставником ты будешь. До тех пор
Под страхом смерти ты, а также все,
Кто совращал меня, к особе нашей
На десять миль не смейте приближаться.
Я средства к жизни буду вам давать,
Чтоб вас на зло лишения не толкали.
Услышав же о вашем исправленье,
Мы по способностям вас всех определим
На службу. — Лорд судья, мы просим вас
Следить, чтоб был исполнен наш приказ.
Идем.

Уходит король со свитой.

Фальстаф

Мистер Шеллоу, я должен вам тысячу фунтов.

Шеллоу

Да, сэр Джон, и я попрошу вас отдать их мне
сейчас же: я еду домой.

Фальстаф

Это почти невозможно, мистер Шеллоу. Но вы
не тревожьтесь: он придет за мной тайно. Вы ведь
понимаете, ему нужно было показать себя таким пе-
ред светом. Не беспокойтесь относительно вашего
назначения, — я все-таки еще придам вам весу.

Шеллоу

Не вижу, как вы это сделаете, — разве только наде-
нете на меня ваш камзол и набьете его соломой. Я про-
шу вас, добрейший сэр Джон, отдайте хоть пятьсот из
тысячи.

Фальстаф

Я сдержу слово, сэр. То, что вы слышали, было только маской.

Шеллоу

Только маской... Боюсь, что в этой маске вы умрете, сэр Джон.

Фальстаф

Не бойтесь масок. Пойдемте обедать. — Идем, лейтенант Пистоль; идем, Бардольф. За мной еще пришлют сегодня же вечером.

Входят принц Джон, Верховный судья,
служители и прочие.

Верховный судья

Взять сэра Джона Фальстафа во Флит
И вместе с ним приятелей его.

Фальстаф

Милорд, милорд...

Верховный судья

Не время. Вас я выслушаю после. —
Ведите их.

Пистоль

Si fortuna me tormenta, spero contenta.

Уходят все, кроме принца Джона и Верховного судьи.

Принц Джон

Мне нравится поступок короля.
Он пожелал отлично обеспечить

Всех сотоварищей своих бывших,
Но всех изгнал, пока их поведение
Благоразумней и скромней не станет.

Верховный судья
Да, это так.

Принц Джон
Король созвал парламент свой, милорд.

Верховный судья
Созвал.

Принц Джон
Бьюсь об заклад, не кончится и год,
Огонь и меч во Францию пошлет
Король. О том песнь птички слышал он
И ею был, по-моему, пленен.
Идем, милорд?

Уходят.

ЭПИЛОГ

(произносится Танцовщиком)

Являюсь к вам прежде всего со страхом, затем с поклоном и наконец с речью. Боюсь я вашего неудовольствия, кланяюсь по обязанности, а говорю, чтобы попросить у вас прощения. Если вы ждете теперь хорошей речи — вы меня губите, потому что то, что я имею сказать, собственное мое сочинение, а то, что я должен был бы сказать, боюсь, испорчено мною. Но к делу, — я попробую. Да будет вам известно (как вы, конечно, знаете), что я недавно являлся здесь перед вами в конце плохой пьесы, которая вам не понравилась, и просил у вас с терпением выслушать ее, обещав вам лучшую. Действительно, я надеялся заплатить свой долг этой. А если она, как неудачное коммерческое предприятие, лопнет, я буду банкротом, а вы, мои милые кредиторы, пострадаете. Я обещал вам явиться сюда — и вот я пришел, поручая себя вашей снисходительности. Отпустите мне часть долга, а часть я заплачу вам и, как большинство должников, наобещаю вам без конца.

Если мой язык не может убедить вас отпустить мне вину, не прикажете ли вы пустить в дело ноги? Положим, это была бы легкая расплата — оттанцевать свой долг. Но чистая совесть готова дать какое угодно удовлетворение, и я на всё пойду. Все дамы, находящиеся здесь, уже простили меня; если же кавалеры не простят, значит, кавалеры не соглашаются

с дамами — вещь, совершенно невиданная в таком собрании.

Еще одно слово, прошу вас. Если вам не прискучила жирная пища, наш смиренный автор предложит историю, в которой действует сэр Джон, и развеселит вас Екатериной Французской. В этой истории, насколько я знаю, Фальстаф умрет от смертельного пота, — если он еще не убит вашим суровым приговором; потому что Ольдкастль умер мучеником, а Фальстаф не он. Язык мой устал, а когда мои ноги тоже устанут, то я пожелаю вам доброй ночи. А затем я преклоню колени, — но лишь для того, чтобы помолиться за королеву.

Приложение

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV»

Задача настоящего комментария, ограниченного требованиями объема, — очертить в самом общем виде историческую ситуацию, отображенную Шекспиром, отметить связь хроники с документальными и литературными источниками, уточнить ряд исторических и бытовых реалий. В комментарии вкратце обрисована история русских переводов хроники, даны сведения о сценической судьбе пьесы.

Заинтересованный читатель может обратиться к комментированным изданиям хроники, подготовленным известными советскими шекспироведами — А. А. Аникстом, А. А. Смирновым, М. М. Морозовым и др., а также к следующим фундаментальным исследованиям: *Henry the Fourth. Part I (A New Variorum Edition of Shakespeare)* / Ed. by S. B. Hemingway. Philadelphia, 1936; *Henry IV (The New Shakespeare)* / Ed. by J. Dover Wilson. Cambridge, 1968 (Part I), 1971 (Part II); *Baker A. E. A Shakespeare Commentary*. N. Y., 1957; *Beck R. J. Shakespeare: Henry IV*. L., 1965; *Carrington N. T. Notes on Shakespeare: King Henry IV*. Boston, 1965; *Hunter G. K. Shakespeare: Henry IV, Parts I and II. A Casebook*. Bristol, 1970; *March D. R. A Critical Commentary on Shakespeare's «Henry IV», Part One*. L., 1967; *Saccio P. Shakespeare's English Kings (History, Chronicle and Drama)*. Oxford, 1977; *Sen Gupta S. C. Shakespeare's Historical Plays*. Oxford, 1964; *Stokes F. G. A Dictionary of the Characters and Proper Names in the Works of Shakespeare*. L., 1924; *Twentieth-Century Interpretations of Henry IV. Parts I—II (A Collection of Critical Essays)*. Prentice-Hall, 1970; *Carrington N. J. Brodie's Notes on William Shakespeare's «King Henry IV»*. Part I. [L.]: Palgrave Macmillan, 1992; *Комарова В. П. Личность и государство в исторических драмах Шекспира*. Л., 1977; *Шведов Ю. Ф. Исторические драмы Шекспира*. М., 1964.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

После смерти английского короля Эдуарда III Плантагенета (1312—1377, годы правления 1327—1377) на трон в возрасте десяти лет вззошел его старший внук Ричард II Плантагенет (1367—1400, годы правления 1377—1399). К концу его тиранического царствования в стране нарастало недовольство капризным и расточительным монархом: жестокие расправы над неугодными, суровое налогообложение, неограниченное покровительство фаворитам ставили под угрозу стабильность общественной жизни и подрывали благосостояние государства (достаточно назвать крестьянское восстание Уота Тайлера 1381 г.). Все большее влияние при дворе начал приобретать двоюродный брат и ровесник Ричарда — Генрих Болингброк (1367—1413). Воспользовавшись случайным предлогом — его ссорой с Томасом Моубреем, герцогом Норфолком (Норфольком), — король осенью 1398 г. изгнал обоих из Англии. В феврале следующего года Ричард конфисковал в пользу короны владения умершего отца Болингброка — Джона Гонта, четвертого сына Эдуарда III, объявив о пожизненном изгнании Генриха. Генрих, принявший наследственный титул герцога Ланкастера, провозгласил о своем намерении вернуть утраченные земли. Во время карательного похода короля в Ирландию, 4 июля 1399 г. он высадился с небольшим отрядом на северо-восточном побережье Англии, где встретил широкую поддержку. На заседании парламента 29 сентября 1399 г. Ричард был низложен, и Генрих вступил на английский престол, положив начало династии Ланкастеров. Ричард был заточен в Помфретском замке (городок Понтефракт в графстве Йоркшир) и вскоре погиб (по одной версии, уморил себя голодом; по другой — его уморили голодом по приказанию Генриха, или же, по приказанию того же Генриха, он был убит Экстоном, якобы при попытке к бегству).

На протяжении всего царствования (1399—1413) королю Генриху IV пришлось вести ожесточенную борьбу с феодалной оппозицией внутри страны, что препятствовало осуществлению замышлявшихся им военных походов. Тем не менее уже в 1400 г., после кровавого подавления сторонников Ричарда, он предпринял колонизаторские экспедиции в Шотландию и Уэльс.

Первое крупное восстание против нового короля, изображенное в части первой шекспировской хроники, было поднято в 1403 г. могущественными северными феодалами — недавними приверженцами Генриха, представителями рода Перси: Генри Перси, графом Нортемберлендом (1342—1408), его сыном Генри Перси, по прозвищу Хотспер (1364—1403), и его братом Томасом Перси, графом Вустером (ок. 1344—1403) в союзе с Ричардом Скрупом, архиепископом Йоркским (ок. 1350—1405), шотландским военачальником Арчибалдом, графом Дугласом (ок. 1369—1424) и уэльским вождем Оуэном Глендауром (ок. 1359—ок. 1416). Все они оказали поддержку противнику Генриха — сэру Эдмунду Мортимеру (1376—ок. 1409), который, оказавшись в уэльском плену, вступил в союз с Глендауром и, согласно некоторым свидетельствам, в ноябре 1402 г. женился на его дочери Элизабет. Сэр Эдмунд Мортимер приходился дядей содержавшемуся под стражей в Виндзоре двенадцатилетнему законному претенденту на трон Эдмунду Мортимеру, 5-му графу Марчу (1391—1424), династические права которого определялись принадлежностью к старшей по сравнению с Ланкастерами ветви Плантагенетов. Сам сэр Эдмунд Мортимер, не имевший притязаний на престол, поддержал, вместе с Глендауром и семейством Перси, династические права племянника. Провозглашение королем несовершеннолетнего Эдмунда Мортимера позволило бы заговорщикам сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Армии мятежников (при отсутствии Нортемберленда и Глендаура) были разгромлены в кровопролитной битве при Шрусбери 21 июля 1403 г.

Второе крупное восстание 1405 г., изображенное во второй части хроники как непосредственно следующее за первым, вновь возглавили прощенные королем граф Нортемберленд (во время предыдущего восстания по не вполне понятным причинам уклонившийся от прямого выступления) и архиепископ Йоркский, к которым примкнули барон Томас Бардольф (1368—1408) и лорд-маршал, барон Томас Моубрей (1386—1405), старший сын герцога Норфолка. Архиепископ и Моубрей, потерпевшие 29 мая 1405 г. поражение близ Йорка от армии второго сына короля, принца Джона Ланкастерского (1389—1435), были казнены. Нортемберленд и Бардольф, не вступая в

битву с армией самого короля, бежали сначала в Шотландию, потом в Уэльс и 19 февраля 1408 г. были убиты при Бранхэм-Море после неудачной попытки поднять новое восстание в Йорке. Глендаур не принимал участия в битве при Шрусбери, так как потерпел поражение при Кармартене десятью днями ранее, а весной 1405 г. понес значительный урон в столкновениях с войском принца Генриха. Тем не менее упорного сопротивления он не прекращал и пренебрег всеобщей амнистией, объявленной при коронации Генриха V 9 апреля 1413 г. Укрывшись в горах северного Уэльса, он оставался непримиримым противником англичан вплоть до своей смерти (предположительно в конце 1415-го — начале 1416 г.).

Принц Генрих, сын Генриха IV (1387—1422), уже в 1400 г. принимал участие в походе отца против валлийцев, в 1402 г. возглавлял военные действия против Глендаура, а спустя год отличился в битве при Шрусбери. В 1410—1411 гг. был фактическим правителем государства, однако из-за политических расхождений с королем отстранен от участия в Совете. Правление Генриха V Ланкастера (1413—1422) ознаменовано победоносными походами во Францию, во время одного из которых он после недолгой болезни скончался, и корона перешла к его девятилетнему сыну, Генриху VI Ланкастеру (1421—1471).

Для лучшего понимания сущности борьбы за престолонаследие, вспыхнувшей в Англии вследствие того, что династия Плантагенетов по прямой линии оборвалась на бездетном Ричарде II, важно уяснить движущий ее мотив: конфликт двух принципов — принципа первородства (старшинства) и принципа наследования строго по мужской линии. Принцип первородства в сознании представителей той эпохи (как, впрочем, и позднее) безусловно преобладал; второй принцип казался несравненно более шатким. Недаром Генрих IV, у Шекспира представленный узурпатором, нарушившим святость Божьего помазания, постоянно испытывает угрызения совести и неуверенность в легитимности своего правления (часть вторая, IV, 5, 184—190 — ср. позднейший отклик в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина).

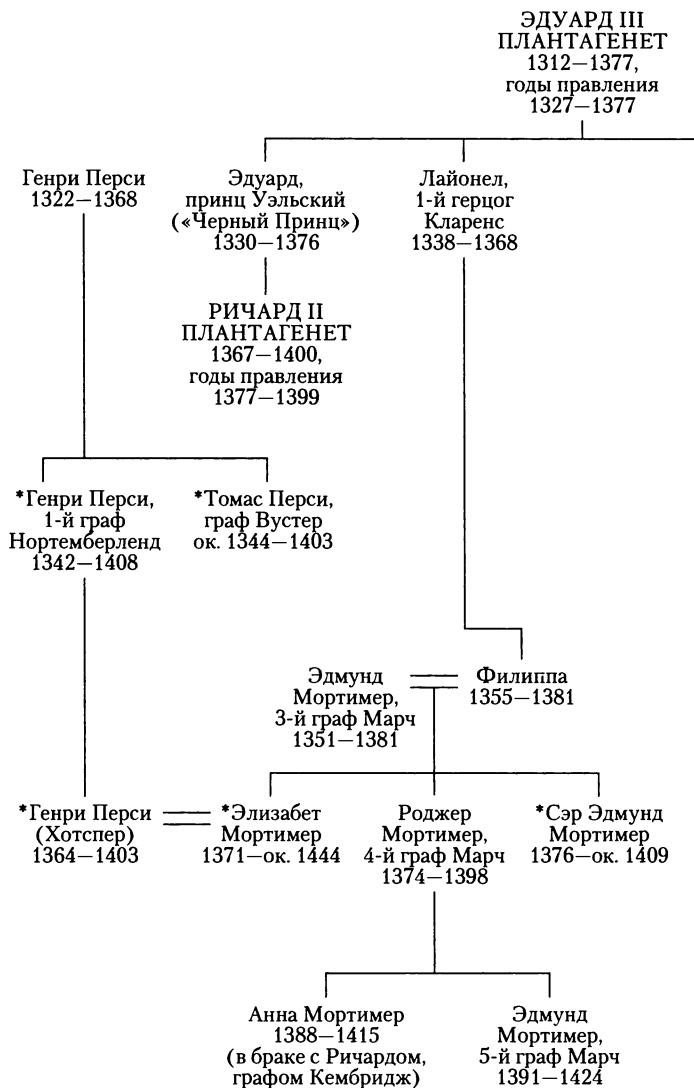
Будь у Ричарда II прямые наследники — никаких оснований для оспаривания их власти просто не могло бы воз-

никнуть. Все потомки Эдуарда III возводили свою родословную к нему и именовали себя Плантагенетами (так называет себя и Генрих IV у Шекспира — часть первая, I, 1, 89). Характерно, что после смерти Эдуарда III никому не приходило в голову назвать королем его *четвертого* сына — Джона Гонта, герцога Ланкастера, личность в высшей степени незаурядную, хотя к тому моменту троих его старших братьев уже не было в живых. В 1377 г. корона перешла к десятилетнему Ричарду — внуку Эдуарда III, единственному сыну наследного, *старшего* принца Уэльского Эдуарда («Черного Принца»), скончавшегося годом ранее. Также и Генриху совершенно чужда мысль передать корону не старшему «беспутному» сыну (будущему Генриху V), а одному из трех младших принцев, более «достойному».

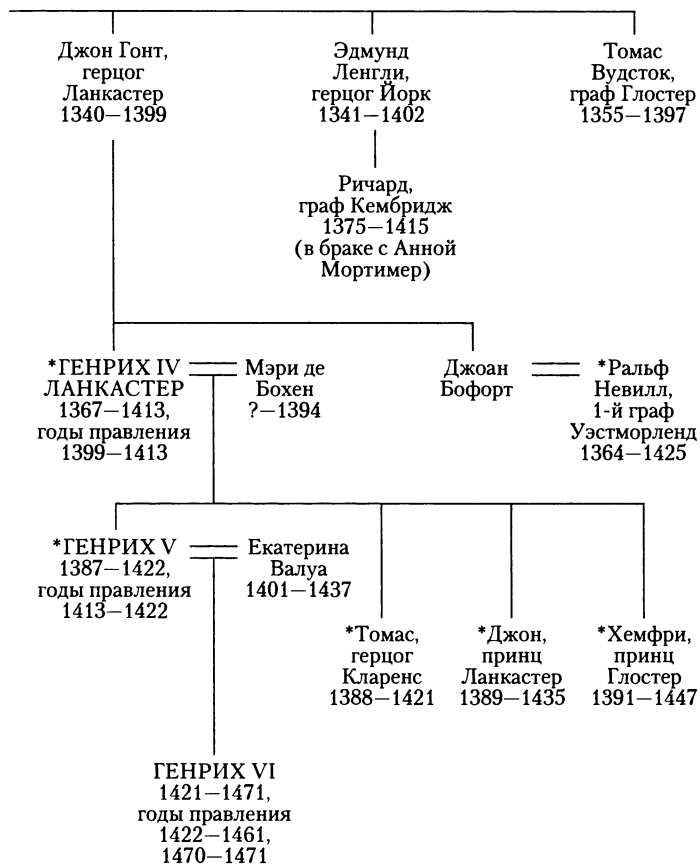
Бездетный Ричард II (линия *первого* сына Эдуарда на нем обрывается, а линия *второго* сына Уильяма, умершего во младенчестве, строго говоря, не существовала) назначил своим наследником «ближайшего по родству и крови»: своего двоюродного племянника — Роджера Мортимера, 4-го графа Марча, сына своей двоюродной сестры Филиппы (1355—1381), которая была дочерью *третьего* сына Эдуарда III — Лайонела, герцога Кларенса (1333—1368), к тому времени также покойного. Отец Генриха — Джон Гонт, герцог Ланкастер, был только *четвертым* сыном Эдуарда III, и потому линия прямого наследования связывалась с Мортимерами: сначала с Роджером, а после его гибели в 1398 г., за год до свержения Ричарда, — с его малолетним сыном, Эдмундом Мортимером-младшим; младший брат Роджера — сэр Эдмунд Мортимер (1376—ок. 1409) именовался, в отличие от своего племянника, Мортимером-старшим.

Позднее представители другой боковой ветви Плантагенетов — Йорки, потомки *пятого* сына Эдуарда III, Эдмунда Ленгли, герцога Йорка (1341—1402) — вступили в открытую борьбу с Ланкастерами (война Алой и Белой Роз), увидев свой шанс в том, что Эдмунд Мортимер-младший (1391—1424) также умер бездетным, а сами они породнились с Мортимерами через брак Ричарда, графа Кембриджа (1375—1425), сына Эдмунда Ленгли, с единокровной сестрой Эдмунда Мортимера-младшего Анной Мортимер (1388—1415?) — продолжательницей линии, идущей от третьего сына Эдуарда III — Лайонела, герцога Кларенса.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА АНГЛИЙСКОГО

КОРОЛЕВСКОГО ДОМА В XIV–XV ВВ.

* Звездочкой отмечены имена действующих лиц хроники Шекспира «Король Генрих IV»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ ШЕКСПИРА

Английский театр эпохи Возрождения вызвал к жизни особый, уникальный для европейской драматургии жанр сценических представлений, почти не связанный с античной традицией: это «пьесы-хроники» (chronicle plays) или «исторические хроники» (histories). Обращение к перипетиям отечественной истории, обусловленное ростом национального самосознания на фоне постоянной внешней угрозы и опасности новой внутренней распри, имело целью преподать современности политический и нравственный урок, сплотить общественность в порыве единого патриотического чувства. Расцвет жанра приходится на елизаветинскую эпоху: с 1586-го по 1610 г. появилось около 150 таких хроник, что составляет приблизительно одну пятую от общего количества пьес, игравшихся в то время.

Перу Шекспира принадлежит 10 драматических хроник, изображающих кризисные моменты истории Англии на протяжении едва ли не четырех столетий.

Ранние хроники, с которыми Шекспир впервые выступил на лондонской сцене, — три части «Генриха VI» (1590—1592) и «Ричард III» (1592—1593) — образуют так называемую «Йоркскую тетралогию», рисующую падение Ланкастерской династии в ходе междоусобных войн Алой и Белой Роз и воцарение Тюдоров. Вторая, «Ланкастерская тетралогия», созданная Шекспиром во всеоружии зрелого мастерства, — «Ричард II» (1595), две части «Генриха IV» (1597—1598) и «Генрих V» (1598—1599), — посвящена предшествующему периоду: здесь показаны захват трона Генрихом Ланкастером, борьба с мятежными лордами и победы над французами в Столетней войне под предводительством «идеального короля» — Генриха V.

Своеобразным хронологическим обрамлением названного цикла, запечатлевшего события бурного XV в., служат стоящие особняком хроники «Король Иоанн» (1596—1597) и «Генрих VIII» (1612—1613). Первая из них обращена ко времени правления третьего представителя династии Плантагенетов — Иоанна Безземельного (1199—1216), а вторая, после написания которой Шекспир оставил творческую деятельность, завершается эпизодом срав-

нительно недавнего прошлого — сценой крестин будущей королевы Елизаветы I Тюдор (1533).

Первая часть хроники, написанная в конце 1595-го — начале 1597 г., впервые была напечатана в 1598 г. без имени автора под названием «История Генриха Четвертого, с битвой при Шрусбери между королем и лордом Генри Перси, прозванным Генри Горячая Шпора Севера; с остроумными выдумками сэра Джона Фальстафа» (зарегистрирована в Гильдии печатников и книгоиздателей издателем Эндрю Уайзом 25 февраля 1598 г. и отпечатана, по мнению ряда исследователей, непосредственно с рукописи Шекспира или же по суфлерскому экземпляру — типографом Питером Шортом). Кварто 1598 г. (Q1), ставшее основой современных изданий как наиболее полное и достоверное в текстологическом отношении, имело два выпуска: Q1 предшествовало Q0, от которого сохранился только один лист, обнаруженный в переплете итальянской грамматики в Бристоле в 1891 г. О популярности пьесы свидетельствуют многократные переиздания — 1599 (Q2), 1604 (Q3), 1608 (Q4), 1613 (Q5) и др. — с указанием на авторство Шекспира.

Вторая часть хроники, написанная не позднее 1598 г., впервые появилась в 1600 г. (зарегистрирована в Гильдии печатников и книгоиздателей Эндрю Уайзом и Уильямом Эспли 23 августа 1600 г.) под заглавием «Вторая часть Генриха Четвертого, вплоть до его смерти и коронации Генриха Пятого, с забавными выходками сэра Джона Фальстафа и хвастуна Пистоля. Как она неоднократно публично исполнялась слугами достойного лорда-камергера. Сочинена Уильямом Шекспиром».

Обе части вошли в фолио 1623 г. (F), в котором текст второй части полнее единственного кварто 1600 г. на 150 строк (сокращения в кварто исследователи объясняют требованиями политической цензуры накануне заговора графа Эссекса).

В 1844 г. был опубликован так называемый «манускрипт Деринга» — рукописный сводный вариант пьесы (контаминацию сцен первой части с концовкой второй) — очевидно, предназначавшийся для домашнего спектакля в имении сэра Эдварда Деринга (1598—1644) в Саррендоне (графство Кент) около 1623 г.

Хроника Шекспира «Король Генрих IV» — пример смелого сочетания и тесного взаимодействия двух различных планов: исторического и вымышленного, возвышенного и бытового, трагического и комического. Шекспироведами не разрешен окончательно спорный вопрос относительно структуры хроники, во многом отличной от других хроник. Даже если считать, что каждая хроника Шекспира, хотя и связанная сюжетно с другими пьесами цикла, представляет собой самостоятельное законченное произведение, требующее отдельного спектакля, нельзя игнорировать наличие несомненного идейно-художественного единства между двумя частями «Генриха IV»: логика развития драматического конфликта (политические интриги, отношения короля и принца, карьера Фальстафа, эволюция трех главных действующих лиц) позволяет воспринимать ее как грандиозную драму в десяти актах. Подобное мнение, высказанное еще Сэмюэлем Джонсоном в 1765 г., разделяет и большинство современных исследователей.

Главным — и, по существу, единственным — источником документальных сведений для Шекспира при написании им драм на сюжеты из отечественной истории послужили «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Рафаэла Холиншеда (1577, 3-й том — 1587) — фундаментальный свод наиболее значительных трудов английских историков: в частности, таких как «Новые хроники Англии и Франции» (1516) Роберта Фабиана, «Английская история» (1534) Полидора Вергилия, «Соединение двух благородных и славных домов Ланкастеров и Йорков» (1548) Эдуарда Холла, «Хроники Англии» (1580) и «Анналы Англии» (1592) Джона Стоу и др. Хорошо была известна Шекспиру и стихотворная хроника «Первые четыре книги Гражданских войн между Йорками и Ланкастерами» Сэмюэла Дэниела (1595).

Другим важнейшим источником — в основном для «фальстафовских» сцен — стала посвященная королю-воину инсценировка биографического характера «Славные победы Генриха Пятого, содержащие знаменитую битву при Азенкуре, как она игралась актерами Ее Величества», написанная неизвестным автором и поставленная около 1588 г. Эта пьеса, опубликованная в 1594-м и 1597 гг., име-

ла успех (в 1592 г. о ней в памфлете «Пирс безгрошовый» одобрительно отзывался драматург Томас Нэш) и долгое время — по крайней мере до 1595 г. — не сходила со сцены.

Шекспир, как обычно, подверг материалы предшественников кардинальной творческой переработке, создав на их основе совершенно самостоятельное художественное целое.

Главное отступление Шекспира от фактической точности состоит в свободном обращении с хронологией: события одиннадцати лет царствования Генриха IV (1402—1413) спрессованы им во временной отрезок немногим более полутора лет, а само сценическое действие занимает всего около пяти месяцев. Часть первая хроники охватывает исторические события длительностью в три месяца (1403), вмещенные в десять драматургических дней; часть вторая концентрирует исторические события целого десятилетия (1403—1413) в девять драматургических дней (соотношение с ними трех — как в первой, так и во второй части хроники — «фальстафовских» дней достаточно размыто и условно).

Генриха IV Шекспир изображает человеком преклонного возраста, изнуренным неизлечимой болезнью, тогда как в год битвы при Шрусбери ему шел только 36-й год и он находился в расцвете сил. Хотспера, который был старше короля на три года, Шекспир, вслед за Дэниэлом, представляет юношей (кстати, по Холиншеду, свое прозвище он получил не за пылкий темперамент, а за постоянное пребывание в седле) — и уже самовольно превращает его в ровесника шестнадцатилетнего принца, с тем чтобы сделать контраст между ними более выразительным. Резко акцентированы Шекспиром и разногласия между заговорщиками, не находящие достаточного подтверждения в хрониках; привнесены им, в частности, и мотив притворной болезни Нортемберленда, и тайные соображения Вустера, побудившие его извратить перед Хотспером содержание королевского послания. Женские образы — леди Перси и леди Мортимер — никак не отражены в летописях и всецело созданы фантазией Шекспира.

Отношения короля с принцем воссозданы в основном с опорой на легендарные свидетельства: распушенное поведение любимого отцом юного Генриха, по всей вероят-

ности, давало повод для нареканий со стороны отца (современник Шекспира Стоу сохранил предание об участии принца в ограблении королевского сборщика податей). В 1410 г. король подарил принцу дом в Лондоне поблизости от вполне исторической харчевни «Кабанья голова». В битве при Шрусбери принц был ранен «стрелой в лицо», однако не покинул поля сражения (хотя и не убивал Хотспера и не спасал жизнь отцу в поединке с Дугласом). Ссора с Верховным судьей также не подтверждена документально.

Вслед за Холиншедом и Дэниелом (к сожалению, этой ставшей хрестоматийной ошибки не избежали и некоторые позднейшие комментаторы) Шекспир постоянно путает сэра Эдмунда Мортимера-старшего (1376 — ок. 1409) с его племянником-тезкой — Эдмундом Мортимером-младшим, 5-м графом Марчем (1391—1424). Бездетный Ричард II первоначально провозгласил в 1385 г. наследником престола Роджера, сына своей двоюродной сестры Филиппы (1355—1381), а после гибели Роджера в 1398 г. в Ирландии претендентом на трон был объявлен сын Роджера, семилетний Эдмунд Мортимер (несмотря на длительную неволю, неизменно сохранявший лояльность по отношению к Ланкастерам). Сэр Эдмунд Мортимер действительно приходился шурином Хотсперу, женатому на его сестре Элизабет (у Шекспира — Кет); из-за ошибки Шекспира леди Перси оказывается то сестрой, то теткой его «Мортимера».

Связующим звеном между двумя мирами, соположенными в хронике, выступает Фальстаф — величайший комический характер из созданных Шекспиром. По замечанию А. С. Пушкина, «нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе...»¹.

Исторический прототип Фальстафа — в сущности, не имеющий с ним ничего общего, — сэр Джон Олдкасл (Ольдкастль), лорд Кобэм (ок. 1378—1417), один из рыцарей Генриха IV, друг принца Генриха, глава секты лоллардов —

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 12. С. 160. (Table-talk, XVIII — «Лица, созданные Шекспиром...»).

последователей Джона Уиклифа (предшественников пуритан). За распространение ереси осужден в 1415 г. собором епископов на смерть и заключен в Тауэр, откуда бежал, скрывался в Уэльсе, однако был схвачен, вторично судим и сожжен на костре. Стойкий и мужественный человек, принеший жизнь в жертву своим убеждениям, был грубо оболган папистской традицией и, напротив, превознесен пуританами как мученик за веру.

Как и в «Славных победах Генриха Пятого», Олдкаслом Фальстаф именовался в первоначальной редакции обеих частей хроники. По преданию, ввиду протеста, заявленного после первых постановок пьесы потомками лорда Кобэма, Шекспир по требованию Елизаветы подставил в печатный текст несколько видоизмененное имя другого рыцаря — баронета Джона Фастолфа (ок. 1380—1459), соратника Генриха V в битве при Азенкуре, но впоследствии, согласно не вполне доказательным утверждениям некоторых историков, лишённого ордена Подвязки за бегство с поля боя при Патэ 18 июля 1429 г. (ср. этот эпизод в хронике Шекспира «Король Генрих VI», часть первая, III, 2 и IV, 1).

Тем не менее следы имени Олдкасла (Oldcastle) сохранились в хронике. В первой части (I, 2, 40) принц называет Фальстафа «my old lad of the castle», обыгрывая буквальное значение фразы («мой старый парень из замка»). Кроме того, в тексте кварто второй части перед одной из реплик Фальстафа стоит Old, т. е. Oldcastle, — хотя в Эпiloге прямо заявлено о том, что «Олдкасл умер мучеником, а Фальстаф — не он».

Из литературных прообразов Фальстафа обычно указывают на следующие: это Пиргополиник («Башнеградопобедитель») — заглавная маска одной из наиболее известных комедий древнеримского драматурга Плавта «Хвастливый воин», и Старый Грех (Old Vice), аллегорический персонаж средневекового моралите. Сопоставляли Фальстафа также с Панургом Рабле, Маргуттом Пульчи; отмечалась и его связь с «робингудовской» темой и пр. В то же время в огромной критической литературе, посвященной Фальстафу, неизменно подчеркивается оригинальность трактовки Шекспиром традиционных черт, сближающих «жирного рыцаря» с его возможными литературными предшественниками.

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ХРОНИКИ ШЕКСПИРА

Достоверных сведений о первых представлениях хроники не сохранилось: принято считать, что первая часть была поставлена на лондонской сцене в конце 1597 г., вторая — в 1598 г. (в роли принца выступал Ричард Бербедж, а роль короля, по предположениям некоторых исследователей, мог исполнять сам Шекспир). Известно, что 8 марта 1600 г. пьеса об Олдкасле игралась по просьбе лорда-гофмейстера для развлечения фламандского посла. Спектакли, зафиксированные под названиями «Хотспер» и «Сэр Джон Фальстаф», фигурируют среди двадцати представлений, игравшихся актерами Его Величества во время свадебных торжеств принцессы Елизаветы зимой 1612—1613 гг. Известны даты еще двух представлений — «Первая часть сэра Джона Фальстафа» (1 января 1625 г.) и «Олдкасл» (29 мая 1638 г.). Тем не менее, несмотря на скудость дошедших до нас документальных свидетельств, можно с уверенностью утверждать, что пьеса пользовалась громадным успехом и неизменно привлекала интерес тогдашней публики.

После Реставрации, освободившей театр от пуританского запрета, новая королевская труппа начала свои представления 8 ноября 1660 г. премьерой «Генриха IV». Особенно большой популярностью пользовалась хроника в XVIII веке: с 1704-го по 1750 г. на лондонской сцене первая часть игралась 220 раз. Наиболее полный цикл исторических пьес Шекспира был поставлен в Шекспировском мемориальном театре в Стратфорде-на-Эвон в 1975 г.

Среди лучших исполнителей роли Фальстафа — такие выдающиеся английские актеры, как Томас Беттертон (1699), Джеймс Куин (1720), Джон Хендерсон (1772), Стивен Кембл (1802), Сэмюел Фелпс (1846), Макс Бирбом Три (1896) и др. Уильям Чарльз Макреди исполнял роли Хотспера (1818) и короля (1834), сэр Лоуренс Оливье выступал в роли Хотспера (1945).

В Германии исполнением роли Фальстафа прославился Бернхарт Баумейстер (1810-е гг.). В начале 1887 г. в Москве на сцене театра «Парадиз» гастролировал берлин-

ский Немецкий театр, одним из основателей которого являлся Эрнст Поссарт, исполнявший в «Генрихе IV» роль Фальстафа.

В России хроника неоднократно подвергалась цензурному запрету. Так, 11 ноября 1859 г. цензор И. А. Нордстрем в рапорте доносил: «Трагедия эта, одна из лучших драм Шекспира, в 1840 г. уже была в рассмотрении цензуры, но не могла быть одобрена, потому что переводчик не сделал в ней необходимых перемен и не смягчил встречающихся в подлиннике неблагопристойностей, тогда как драмы Шекспира вообще не могут быть представлены без значительных переделок. ...к сожалению, переводчик, г. Соколовский, также строго придерживался подлинника и не исполнил необходимых условий, под которыми драмы Шекспира могут являться на наших сценах»¹. 19 ноября 1903 г. цензор М. Толстой мотивировал свой запрет хроники для народных театров тем, что «на сцене бурная эпоха Англии, когда возмущившаяся часть королевства грозила свергнуть с престола Генриха IV, незаконно добившегося короны, а наследный принц проводит время с пьяницами и проходимцами, каков „рыцарь“ Фальстаф»².

Осенью 1940 г. предполагалась постановка хроники в ленинградском Театре Комедии (режиссер — Г. М. Козинцев, художник — Н. П. Акимов, новый перевод готовил М. Л. Лозинский)³. Этот замысел Г. М. Козинцев вынашивал вплоть до 1955 г.⁴

Постановку спектакля из двух частей «Генриха IV» (литературная композиция В. Э. Рецептера) осуществил

¹ Цит. по: Театр. 1964. № 4. С. 138.

² Цит. по: Театральное наследство. М.: Искусство, 1956. С. 393.

³ Интервью с режиссером см.. Ленинград. 1940. № 3. С. 4 (обл.).

⁴ Режиссерскую разработку пьесы см.: *Козинцев Г. М.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Замыслы. Л.: Искусство, 1986. С. 43–53. См. также главу «Харчевня на вулкане» в кн.: *Козинцев Г. М.* Наш современник — Вильям Шекспир. Л.; М.: Искусство, 1966. С. 218–257.

на сцене АБДТ им. М. Горького в Ленинграде Г. А. Товстоногов¹. Премьера состоялась 1 апреля 1969 г.: Фальстаф — Е. А. Лебедев, король — С. Ю. Юрский, принц — О. И. Борисов, Хотспер — В. И. Стрельчик. За девять лет (до 1978 г.) спектакль прошел 273 раза.

В 1970 г. «Генрих IV» ставился в Латвийском театре драмы (Рига). В 1993 г. в постановке режиссера Ю. Авшарова в Московском высшем театральном училище им. Щукина роль принца Генриха исполнял Сергей Гирич.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ХРОНИКИ ШЕКСПИРА

Первыми цитатами из Шекспира на русском языке стали две реплики Фальстафа, содержащиеся в переведенной в 1764 г. «из аглинского журнала» моралистической статье². В 1789 г. в сборнике «Наставник, или Всеобщая система воспитания. Часть I» в отделе примеров для театральной декламации приведены прозаические переводы монолога Генриха (III, 1) и сцены с принцем (IV, 5) из второй части хроники. Ю. Д. Левин указывает, что за перевод хроники предполагал взяться рано умерший поэт и литератор Андрей Иванович Тургенев (1781—1803)³. В 1801 г. в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» был опубликован прозаический перевод того же «единобеседования» (монолога) Генриха о бессоннице, а помещенная в 1830 г. в журнале «Атеней» статья «Об исторических драмах Шекспира» включала в себя перевод диалога принца с Фальстафом из первой части хроники (I, 2).

В конце 1829-го — начале 1830 г., находясь в одиночном заключении, В. К. Кюхельбекер перевел первую часть

¹ См.: Товстоногов Г. А. Режиссерские комментарии // Товстоногов Г. А. Зеркало сцены. Т. 2. Л.: Искусство, 1980. С. 168—221.

² Письмо к приятелю, где объявляется, что часто люди непристойно свои поступки называют своим званием и должностью // Доброе намерение. 1764. Июнь. С. 267—268. — Подробнее см. в кн.: Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988. С. 10.

³ Там же. С. 16.

«Генриха IV» (и начало второй). Первый полный перевод (прозаический) обеих частей принадлежит Н. Х. Кетчеру (1841), полностью перевели хронику также А. Л. Соколовский (1860) и П. А. Каншин (1887); отрывки стихотворного перевода опубликовали Ф. Н. Устрялов (1864) и К. Р. (К. К. Романов — 1894). В издании Брокгауза-Ефрона (1902, под ред. С. А. Венгерова) «Генрих IV» был представлен переводом З. А. Венгеровой (проза) и Н. М. Минского (стихи); для издательства «Academia» (1937) перевод выполнили Вл. Мориц (стихи) и М. А. Кузмин (проза). Вслед за переводом Б. Л. Пастернака (1948) появился перевод Е. Н. Бируковой (1950, без имени переводчицы); отрывок начала первой части вольно переведен Я. Бергером (1977).

В обширном переводческом наследии Михаила Алексеевича Кузмина (1872—1936) переводы из Шекспира занимают особое и важное место: восемь пьес (преимущественно комедии) и 110 сонетов (рукопись считается утраченной). Из них при жизни Кузмина в печати появилась только «Трагедия о короле Лире» (1934). Остальные его переводы печатались позднее по не вполне отделанным авторским рукописям.

Перевод исторической хроники Шекспира «Король Генрих IV» выполнен М. А. Кузминым в соавторстве с Владимиром Эмильевичем Морицем (1890—1972) — поэтом, искусствоведом, автором детской стихотворной книжки «Клички» (М.: ГИЗ, 1927)¹.

В настоящем издании воспроизведен перевод Вл. Морица и М. А. Кузмина (*Шекспир В.* Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под ред. С. Динамова и А. Смирнова. Т. 3. М.; Л.: Academia, 1937. С. 233—512). Работу М. А. Кузмина над переводом прозаических частей пьесы прервала смерть, и пробелы были восполнены текстом перевода З. Венгеровой из собрания сочинений Шекспира в издании Брокгауза-Ефрона (Т. 2. СПб., 1902).

¹ О В. Э. Морице см. биографическую справку Е. О. Путиловой в кн.: Русская поэзия детям (Новая 6-ка поэта). Т. 2. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. С. 702.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЦА,
ДЕЙСТВУЮЩИЕ И УПОМИНАЕМЫЕ В ХРОНИКЕ
ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV»**

*Звездочкой отмечены имена действующих лиц.

Ангус — Джордж Дуглас, 1-й граф Ангус (Энгус) (ок. 1380—1403), шотландский вождь, умер в английском плену.

**Арчибальд*, 4-й граф Дуглас (ок. 1369—1424), предводитель шотландцев в битве при Шрусбери.

Атоль — по-видимому, Уолтер Стюарт, граф Этол и Кэтнесс (?—1437).

**Бардольф* Томас, 5-й барон Бардольф (1368—1408), участник мятежа 1405 г.

Болингброк — см. *Генрих IV*.

**Блент*, сэр Джон (?—1418), младший сын сэра Уолтера *Блента*.

**Блент*, сэр Уолтер (?—1403), знаменосец короля в битве при Шрусбери. Убит в битве при Шрусбери.

Бреси, сэр Джон — семейство Бреси было известно в графстве Вустершир со времен короля Иоанна Безземельного (1167—1216, годы правления 1199—1216).

**Вернон*, сэр Ричард (?—1403), владелец земель в Чeshire, участник мятежа Хотспера. Казнен после битвы при Шрусбери.

Верховный судья — см. *Гаскойн*.

Вустер — см. *Перси Томас*.

**Гаскойн*, сэр Уильям (ок. 1350—1419), лорд Верховный судья (1400—1413).

**Генрих IV Ланкастер* (1367—1413, годы правления 1399—1413), король Англии — первый из династии Ланкастеров; старший сын Джона *Гонта*, герцога Ланкастера (четвертого сына короля *Эдуарда III*), до кончины отца именовался *Болинброком* — по месту рождения; пришел к власти, низложив своего кузена, короля *Ричарда III*.

**Генрих*, принц Уэльский (Гарри Монмут) (впоследствии — король Англии Генрих V, 1387—1422, годы правления 1413—1422), старший сын короля *Генриха IV*.

**Глендаур* Оуэн (ок. 1359—ок. 1416), уэльский вождь. По некоторым данным, одна из его дочерей была замужем за сэром Эдмундом *Мортимером*.

Гонт Джон, герцог Ланкастер (1340—1399), четвертый сын *Эдуарда III*, отец *Генриха IV*.

**Гоузи* — по-видимому, сэр Николас Гаусхилл (?—1403) из Ховерингэма (графство Ноттингемпшир), вместе с сыном Робертом убитый в сражении при Шрусбери.

**Гоуэр* — возможно, Томас Гоуэр, уполномоченный короля по рекрутскому набору в Йоркшире.

**Джон, принц Ланкастер* (1389—1435) — третий сын короля *Генриха IV*, брат принца *Генриха*.

**Дуглас* — см. *Арчибальд*.

Екатерина Валуа (1401—1437) — дочь короля Франции Карла VI Безумного, супруга *Генриха V* (с 1420 г.).

Кент — Томас Холланд, 3-й граф Кент, герцог Саррей (1374—1400), лорд-маршал Англии (1398—1400). Растерзан толпой при попытке мятежа против *Генриха IV*.

Клифтон, сэр Джон (?—1403), рыцарь из Ноттингемпшира, баннерет (рыцарь-предводитель своего вассального войска). Убит в битве при Шрусбери.

**Кольвиль*, сэр Джон (?—1405), участник мятежа 1405 г. Казнен.

Ланкастер — см. *Генрих IV*.

Ментейт — см. *Мордек*.

Меррей — очевидно, Томас Данбар, 2-й граф Меррей.

Мордек — Мордейк Стюарт, граф Файфский (?—1425), старший сын Роберта, 1-го герцога Олбани, регента Шотландии, третьего сына короля Шотландии Роберта III (ок. 1337—1406, годы правления 1390—1406). *Ментейт* (*Ментейс*) — один из титулов Мордейка.

**Мортимер*, леди — согласно Шекспиру, дочь Оуэна *Глендаура* и супруга Эдмунда *Мортимера*.

**Мортимер*, сэр Эдмунд (1376—ок. 1409), брат Роджера Мортимера, 4-го графа Марча (1374—1398), внука Лайонела, 1-го герцога Кларенса (1338—1368), третьего сына короля *Эдуарда III* Плантагенета, дядя Эдмунда *Мортимера*, 5-го графа Марча — законного, согласно династическим законам, претендента на трон.

Мортимер Эдмунд, 5-й граф Марч (1391—1424), сын Роджера Мортимера, 4-го графа Марча, племянник сэра Эдмунда *Мортимера*. После гибели отца в 1398 г. провоз-

глашен Ричардом II наследником престола. Шекспир ошибочно принимает дядю и племянника за одно лицо.

Моубрей Томас, 1-й герцог Норфолк (ок. 1366—1399), в 1398 г. высланный Ричардом II из Англии за ссору с Генрихом Болингброком (будущим *Генрихом IV*). Умер в Венеции.

**Моубрей*, барон Томас (1386—1405), лорд-маршал, старший сын Томаса *Моубрея*, 1-го герцога Норфолка. Казнен за участие в мятеже.

**Нортемберленд*, леди — Мод Люси, вторая супруга *Генри Перси*, графа Нортемберленда; вдова Гилберта де Умфревиля; мачеха *Хотспера*.

Нортемберленд — *Перси Генри*, 1-й граф Нортемберленд.

**Перси Генри*, 1-й граф Нортемберленд (1342—1408), старший брат *Томаса Перси*, графа Вустера, отец *Генри Перси* (*Хотспера*).

**Перси Генри* (Гарри), по прозвищу *Хотспер* (англ. «hot spur» — «горячая шпора»), (1364—1403), сын *Генри Перси*, 1-го графа Нортемберленда. Убит в битве при Шрусбери.

**Перси Томас*, граф Вустер (ок. 1344—1403), младший брат *Генри Перси*, графа Нортемберленда, дядя *Генри Перси* (*Хотспера*). Казнен после битвы при Шрусбери.

**Перси*, леди — супруга *Генри Перси* (*Хотспера*) Элизабет (у Шекспира — Кет) Мортимер (1371—ок. 1444), сестра сэра Эдмунда *Мортимера*.

**Ричард II* Плантагенет (1367—1400, годы правления 1377—1399), король Англии, внук *Эдуарда III* Плантагенета, низложенный своим двоюродным братом — *Генрихом IV* Ланкастером. Погиб в заточении.

**Серри, граф* — Томас Фиц-Алан, 2-й граф Арундел и Соррей (1381—1415).

**Скруп* Ричард (ок. 1350—1405), архиепископ Йоркский (с 1398 г.). Казнен за участие в мятеже.

Скруп Уильям, двоюродный брат Ричарда *Скрупа*. Казнен.

Стеффорд — Эдмунд, 5-й граф Стеффорд (?—1403). Убит в битве при Шрусбери.

**Томас, герцог Кларенс* (1388—1421), второй сын *Генриха IV*, брат принца Генриха.

**Уорик* — Ричард Бошан, 5-й граф Уорик (1382—1439), сторонник и шурин Генриха IV.

**Уэстморленд, граф* — Ральф Невилл (Невиль), 1-й граф Уэстморленд (1364—1425), супруг Джоан Бофорт, дочери Джона Гонта, герцога Ланкастера и сестры короля Генриха IV.

**Харкорт* — возможно, сэр Томас Гаркорт (?—ок. 1417), занимавший должность шерифа в Беркшире.

**Хемфри, принц Глостер* (1391—1447), четвертый сын Генриха IV, брат принца Генриха.

Херфорд (Херефорд), граф — один из титулов Генриха IV до восшествия на престол.

**Хестингс, сэр Ральф* (?—1408) — один из мятежных феодалов (вопреки Шекспиру, лордом не являлся).

Хотспер — см. *Перси Генри (Гарри)*.

Шерли, сэр Хью (?—1403), смотритель охотничьих соколов Генриха IV. Убит в битве при Шрусбери.

Эдуард III Плантагенет (1312—1377, годы правления 1327—1377), король Англии, отец Джона Гонта, герцога Ланкастера, дед *Ричарда II* Плантагенета и *Генриха IV* Ланкастера.

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

* Звездочкой отмечены имена действующих лиц.

**Бардольф* — в шекспировские времена известным горожанином Стратфорда был некий Джордж Бардольф (или Барделл). Разумеется, данный персонаж не имеет ничего общего с историческим лордом *Бардольфом*, выведенным во второй части хроники.

Вайзор — фамилия, часто встречавшаяся среди жителей окрестностей Стратфорда.

**Гедсхиль* — в «Славных победах Генриха V» аналогичный персонаж носит имя «Касберт Каттер» (Cuthbert Cutter). «Гедсхиль» — прозвище, данное ему извозчиком, которого он ограбил в Гедсхиле — т. е. на «Гедском холме» (Gad's Hill). Заимствовав кличку, Шекспир опустил мотивировку ее возникновения.

Дебль (англ. «double») — «двуличный».

**Девы* — фамилия, встречавшаяся в Стратфорде в 1579 г.
Дойт (англ. «doit») — голландская мелкая монета, 1/2 фартинга.

**Долль Тершит* (англ. «doll» — «кукла»; «tear sheet» — «рви простыню»). Во времена Генриха IV и позднее «Dolly» (уменьшительное от «Dorothy» и «Dorothea») — обычное имя для проститутки.

**Куикли*, мистрис (англ. «quickly») — «быстро, живо, проворно».

**Майкел*, сэр — по-видимому, духовное лицо, приближенный архиепископа Йоркского.

**Мортон* — фамилия, принадлежавшая лицам «благородного» происхождения.

Найтуорк (англ. «night work») — «ночная работа».

Перкс — фамилия фигурирует в приходских списках за 1603 г. деревни Шоттери — родины Энн Хэтуэй, супруги Шекспира.

**Пето* — Ричард де Пето владел землями близ Стратфорда.

Пикбон (англ. «pickbone») — «гложащий кость, блюдолиз».

**Пистоль* (англ. «pistol») — «пистолет». Сходный персонаж по имени «Пистон» выведен в анонимной пьесе «Солимен и Перседа», изданной в 1599 г.

**Пойнс* — фамилия «Poynitz» встречается в кадастровой книге «Domesday Book» — земельной описи Англии, произведенной Вильгельмом Завоевателем в 1086 г.

[Рекруты]: *Плесень* (англ. «Mouldy»), *Тень* (англ. «Shadow»), *Бородавка* (англ. «Wart»), *Слабняк* (англ. «Feeble»), *Бычок* (англ. «Bullcalf»).

**Сайленс* (англ. «silence») — «молчание, безмолвие, тишина».

Скоган (среднеангл. «scoggin») — «шут, грубый кривляка»). Скорее всего, здесь нельзя усмотреть связи ни с Джоном Скогэном, шутом при дворе короля Эдуарда IV (1442—1483, годы правления 1461—1483), чья апокрифическая книга «Шутки» была издана в 1565 г., ни с Генри Скогэном (?—1407), поэтом, другом Чосера, воспитателем сыновей Генриха IV.

Скуиль (англ. «squeal») — «писк, вопль, визг».

Смут (англ. «smooth») — «гладкий».

* *Снер* (англ. «snare») — «капкан, ловушка, силок».

Сник (англ. «sneak») — «подхалим, подлиза».

Стокфиш (англ. «stockfish» — «вяленая рыба»).

* *Треверс* — возможно, отпрыск знатной фамилии, находящийся на службе у рыцаря.

* *Фальстаф*, сэр Джон — историческими прообразами Фальстафа считаются сэр Джон Олдкасл (Ольдкастль), лорд Кобэм (ок. 1378—1417), один из рыцарей Генриха IV, друг принца Генриха, глава секты лоллардов, и баронет Джон Фастолф (ок. 1380—1459), соратник Генриха V в сражении при Азенкуре.

* *Фенг* (англ. «fang» — «клык»), помощник Шерифа.

* *Шеллоу* (англ. «shallow») — «мелкий, ограниченный, пустой». Некоторые комментаторы считают прототипом Шеллоу сэра Томаса Люси (1532—1600) из Шарлкота (графство Уорикшир), в непосредственной близости от Стратфорда — по преданию, преследовавшего юного Шекспира за браконьерство.

Шуркард (англ. «sure card») — «верная карта».

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Бангор — город на севере Уэльса.

Баркли — замок в графстве *Глостершир*, место убийства Эдуарда II.

Барсон (Барстон) — небольшой город в графстве *Уорикшир*, в десяти милях от Стратфорда.

Безингсток — город в графстве Хэмпшир.

Берберия — область на северном побережье Африки.

Бертон — город на реке *Трент* (графство *Стаффордшир*).

Болингброк — замок Джона *Гонта* в графстве *Линкольншир*, место рождения Генриха IV.

Бриджнорт — город в графстве Шропшир, в восемнадцати милях к юго-востоку от *Шрусбери*.

Бристоль — портовый город на западном побережье Англии.

Вестминстер — район в центральной части Лондона, где находится здание парламента.

Виндзор — город в графстве Беркшир.

Галлоуэй (Гэллоуэй). — область на юго-западе Шотландии, где разводятся пони.

Гедский Холм — см. *Гедсхиль*.

Гедсхиль (Гедсхилл) — деревня, расположенная в 27 милях от Лондона и 2,5 милях от *Рочестера*. Окрестности Гедсхилла, стоявшего на оживленном тракте между Лондоном, *Кентерберри* и Дувром, пользовались дурной славой как место частых грабежей.

Глостершир — графство в юго-западной Англии, на границе с Уэльсом.

Гольтри — старинный королевский лес к северу от *Йорка*, занимал 100 000 акров, вырублен в 1670 г.

Дентри — город в графстве Нортхемптоншир, на пути из Лондона в *Шрусбери*.

Донкастер — город на юге графства Йоркшир.

Иерусалим — палата в юго-западном крыле Вестминстерского аббатства, сооруженная в 1376 г., ныне используется как дом капитула; получила название по трем текстам об Иерусалиме, начертанным на стене над камином; здесь хранится сделанный с натуры портрет Ричарда II.

Истчил — одна из улиц Лондона, идущая на восток от Сити. Здесь селился мелкий торговый люд, находились таверны, харчевни и лавки мясников.

Йорк — главный город графства Йоркшир на севере Англии.

«*Кабанья голова*» — таверна с таким названием, построенная на средства баронета Джона Фастолфа, действительно существовала в Саутуорке (южная часть Лондона) во времена Генриха IV. Поблизости находился дом, подаренный королем принцу Генриху в 1410 г. Шекспир мог проходить мимо нее по пути к театру «Глобус». Сгорела во время пожара 1666 г.

Кендал — главный город графства Камбрия на северо-востоке Англии.

Кент — графство в южной Англии.

Кентерберри — главный город графства *Кент* со знаменитым кафедральным собором — местом массового паломничества к гробнице с мощами убитого по приказу Генриха II архиепископа Кентерберийского Томаса Беке-та (1118—1170), причисленного к лику святых.

Климентов колледж (Клементс-колледж) — один из так называемых «*Inns of Chancery*» («Канцлерских иннов») — корпорации солиситоров (стряпчих) со школами подготовки разных категорий юристов.

Ковентри — город-графство в графстве *Уорикшир* (центральная Англия).

Колледж Грея (Грейз-Инн) — один из четырех лондонских «Судебных иннов» (корпораций барристеров).

Котсуольд (Котсол) — местность в графстве *Глостершир*.

Линкольншир — графство в восточной Англии; родина многих бродячих музыкантов, игравших на волынке.

Майленд-Грин (ныне Степни-Грин) — луг в восточной части Лондона, место военных учений, различных ярмарок и представлений.

Меннингтри — город Меннингтри славился крупным рогатым скотом.

Монмут — городок на реке Уай, место рождения Генриха V.

Мурский ров — Мурский ров (Moog Ditch), отделявший старый Лондон (City) с северной стороны от пригородной болотистой равнины; всегда полный мутной воды и грязи, имел мрачный вид.

Ньюгетская тюрьма — знаменитая тюрьма в Лондоне (снесена в 1902 г.).

Оксфорд — главный город графства Оксфордшир в центральной Англии; знаменит своим университетом, основанным в XII в.

Помфрет (Понтефракт) — замок в Йоркшире, место заточения и гибели низложенного короля Ричарда II.

Ревенсперг — не существующий ныне порт на восточном побережье Англии (графство Йоркшир), в устье реки Хамбер.

Рочестер — небольшой город в графстве *Кент* (в эпоху Шекспира насчитывал около 2 000 жителей). Через Рочестер проходила дорога из морского порта Дувр в Лондон.

Северн — река на западе Англии, впадает в Бристольский залив.

Сент-Джордж — место воскресных гуляний в окрестностях Лондона на берегу Темзы.

Сент-Олбенс — город, расположенный на главной дороге из Лондона в *Шрусбери*.

Сеттон-Кольдфильд — небольшой город к северо-западу от Ковентри.

Смитфильд — центральный скотный рынок в Лондоне, существовал до 1855 г.

Собор Святого Павла — средний неф столичного храма нередко служил местом встречи для обмена новостями, деловых свиданий, заключения торговых и иных соглашений.

Стаффордшир — графство в центральной Англии.

Стемфорд — городок в графстве *Линкольншир*, где ежегодно проводились три ярмарки-продажи скота.

Стеффордшир — см. *Стаффордшир*.

Темпл-Холл — имеется в виду «внутренний Темпл», один из четырех лондонских «Судебных иннов» (корпораций барристеров).

Тилт-Ярд — поле для турниров в *Вестминстере*.

Тернбульская улица (вернее, Торнбульстрит (или Тернмильстрит) — улица в Лондоне, славилась своими игорными домами и притонами.

Трент — река в западной Англии.

Тьюксбери — город в графстве Глостершир.

Уай — река, берущая начало в центральном Уэльсе и впадающая в устье *Северна*.

Уинкот — местность в графстве *Уорикшир*, неподалеку от Стратфорда.

Уорикшир — графство в центральной Англии.

Уоркуорт — город и замок в графстве Нортемберленд, на севере Англии.

Финсбери — место воскресных и праздничных гуляний на окраине Лондона.

Херфордшир (Херефордшир) — графство в западной Англии, на границе с Уэльсом.

Хилль — по-видимому, имеется в виду город Хенли на Темзе, в графстве Оксфордшир.

Хинкли — местечко в графстве Сомерсетшир, близ границы с Уэльсом.

Хольмдон (ныне Хаблтон) — местность близ Вулера (графство Нортемберленд) на севере Англии.

Черинг Кросс — перекресток между Трафальгарской площадью и улицей Уайтхолл, принятый за центр Лондона при отсчете расстояний (от *Рочестера* отстоит на 28 миль).

Честер — главный город графства Чешир в западной Англии, на границе с Уэльсом.

Шрусбери — главный город графства Шропшир в западной Англии, на границе с Уэльсом; знаменитое сражение 21 июля 1403 г. происходило в 4 милях к северо-востоку от Шрусбери.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

I, 1

С. 10. *Уж год, как нами это решено...* — О намерении Генриха IV совершить крестовый поход сообщают, помимо Холиншеда, и другие хронисты (например, Фабиан). Сходное объяснение политическим замыслам короля, в последний год своего правления стремившегося посредством дальнейшей экспедиции отвлечь внимание феодалов-оппозиционеров от внутренней распри (ср. часть вторую, IV, 5, 213—216) дает и Дэниел («Гражданские войны...», III, 121). У Шекспира, вопреки историческим фактам, Генрих впервые заявляет о желании направиться в Иерусалим тотчас после известия о гибели Ричарда: «Смыть кровь отправлюсь я в Святую землю» («Ричард II», V, 6, 49, пер. Мих. Донского). Таким образом, временной разрыв между двумя хрониками составляет всего один год, тогда как в действительности от низложения Ричарда до битвы при Хольмдоне прошло три с лишним года.

...кузен мой Уэстморленд... — Англ. «cousin» означает не только «кузен, двоюродный брат», но и «родственник» в широком смысле, а также титул, применяемый особой королевского рода в обращении к другому лицу королевского рода в своей стране. Граф Уэстморленд, женатый на сестре Генриха IV Джоан Бофорт, приходился ему зятем.

...славный Мортимер... сам попал / Валлийцу в руки грубые... — На самом деле Глендаур одержал победу над Мортимером в сражении близ Пиллета (графство Редношир) 22 июня 1402 г., тремя месяцами ранее битвы при Хольмдоне, о которой ниже говорится как о событии, происшедшем в это же время.

С. 11. *Сошлись под Хольмдоном...* — Английский род Перси, владевший северными графствами, издавна враж-

довал с шотландским родом Дугласов. Битва при Холм-доне состоялась 14 сентября 1402 г.

*Поруюкоу тому была пальба / Орудий их и признаки дру-
гие.* — В оригинале — анахронизм: «As by discharge of their ar-
tillery» (Залпами их артиллерии). Насамом деле битва была вы-
играна английскими лучниками: ошибка проистекает от непра-
вильного истолкования Шекспиром выражения Холиншеда
«the violence of the English shot» (мощь английской стрельбы).
На раннем этапе Столетней войны при осаде крепостей приме-
нялись пушки, заряженные порохом, однако огнестрельное
оружие как таковое вошло в употребление позднее.

*Тут дорогой, рачительный наш друг / Сэр Уолтер
Блент...* — В действительности новость о поражении Дуг-
ласа королю доставил некий Николас Мербюри, получив-
ший за это пожизненную пенсию в 40 фунтов ежегодно.

*Хотспером взяты / В плен Файфский граф Мордек, и
старший сын / Разгромленного Дугласа, и графы / Атоль и
Меррей, Ангус и Ментейт.* — Неточность, вызванная опе-
чаткой — пропуском запятой — в приводимом Холиншедом
списке пленных. Здесь же Шекспир повторяет еще одну
ошибку Холиншеда: Ментейт — один из титулов Мордейка.

*Пленных, / Захваченных в сражение этом, он / Оставил
за собой...* — В соответствии с военной юрисдикцией того
времени любой рыцарь, захвативший пленного, выкуп за
которого не превышал 10 000 крон, имел право распоря-
диться им по собственному усмотрению. Хотспер, сам в
свое время выкупленный из шотландского плена, мог за-
конным образом рассчитывать на солидный куш за пле-
ненных им шотландцев, из числа которых только графа
Файфского — как персону королевского происхождения —
он обязан был передать монарху.

С. 12. *Но призван мной уже к ответу он.* — Согласно Хо-
линшеду, оба Перси сами явились в Виндзор с претензиями к
королю. У Шекспира инициатором встречи выступает Ген-
рих.

I, 2

С. 13. *А что, Хел, который час дня теперь, голубчик?* —
У Шекспира Фальстаф спрашивает о «времени дня» («Now,
Hal, what time of day is it, Lad?»). Подобный вопрос мотиви-

рован, по-видимому, тем обстоятельством, что принц обнаруживает Фальстафа спящим, раздернув полог в глубине сцены (именно так строил мизансцену Стивен Кембл). Хел — уменьшительная форма имени Генрих (Генри).

...в пригожую горячую девку в тафте огненного цвета... — Ярко-красный цвет женских нарядов устойчиво связывался со склонностью к легкому поведению.

С. 13—14. ...нам, отбирателям кошельков, нужна луна и Большая Медведица, а не Феб, «прекрасный странствующий рыцарь». — Пародийная аллюзия на популярные тогда в Англии романы «Зеркало рыцарства» Ортуньеса де Калахарра (англ. пер. 1578), главный герой которого — Рыцарь Феб, и «Путешествия странствующего рыцаря» Жана де Картины (англ. пер. 1581). В оригинале, кроме того, игра слов: «knight errant» («странствующий рыцарь») и «arrant knave» («разбойник с большой дороги»).

С. 14. Пусть мы будем лесничими Дианы, рыцарями мрака, любимцами луны... — В оригинале: «Let us be Diana's foresters, gentlemen of the shade, minions of the moon». Согласно старинным воззрениям, луна управляет приливами и отливами. Если учесть, что имя богини луны — целомудренной Дианы — нередко прилагалось к безбрачной королеве Елизавете, то весьма смелой представляется параллель между ее фаворитами и ночными грабителями.

С. 15. Как мед Гиблы... — Гибла — город в Сицилии, славившийся в древности своим медом.

А не правда ли, буйволовая куртка — очень прочная штука? — Одежду из буйволовой кожи носили тюремные надзиратели. Принц дает понять Фальстафу, что того могут посадить в долговую тюрьму. В оригинале, кроме того, содержится каламбур, основанный на двойном значении слова «durance» — «тюремное заточение» и «особой прочности войлочная или камвольная ткань, имитирующая толстую бычачью кожу».

С. 16. Чтоб выхлопывать задушные? — В оригинале игра слов: «suits» — «предмет ходатайства» и «одежда» (платье казенного, которое переходило в собственность палача).

С. 17. ...как заяц... — Заяц считался «меланхолическим» животным по причине своей трусости.

«Премудрость вопиет на стогах, и никто не внемлет ей». — Ср.: «Премудрость возглашает на улице, на площа-

дях возвышает голос свой... и не было внимающего» (Книга притчей Соломоновых, 1: 20, 24).

С. 19. *...продал в прошлую Страстную пятницу за стакан мадеры и ножку холодного каплуна...* — Страстная пятница — день, в который предписывался наиболее строгий пост.

Гедсхиль сегодня ночует в Рочестере... — Выше Гедсхиль — название местности, здесь — имя персонажа.

С. 20. *Не знаю, право, есть ли в тебе королевская кровь... десяти шиллингов королевского чекана.* — В оригинале содержится двойная игра слов: Фальстаф упрекает принца: «nor thou camest not of the blood royal, if thou darest not stand for ten shillings». «Royal» — «королевский» и «монета стоимостью в 10 шиллингов»; «to stand» — «быть в состоянии» и «быть действительным».

С. 22. *...жди меня завтра вечером в Истчине.* — Характерное для Шекспира пренебрежение фактической точностью: зритель, предвкушающий сцену изобличения Фальстафа, должен как бы забыть о предстоящем совместном «предприятии» принца и Пойнса в Гедсхиле.

I, 3

С. 23. *Лондон. Дворец.* — Некоторые текстологи настаивают на ремарке «Виндзор. Комната во дворце», основывая ее на словах Генриха («Кузен, совет наш созываем в среду / В Виндзоре мы» — I, 1, 103—104).

С. 33. *Его безумный дядя, герцог Йоркский...* — Имеет в виду Эдмунд Ленгли, герцог Йорк (1341—1402), пятый сын Эдуарда III. Перед походом в Ирландию Ричард II возложил на него обязанности правителя.

...склонил колено / Пред королем улыбок Болингброком... — Ср. хронику Шекспира «Ричард II», II, 3.

С. 35. *Не простил / Он брата смерть в Бристоле, лорда Скрупа.* — Казненный Уильям Скруп, граф Уилтшир, приходился архиепископу Йоркскому двоюродным братом (ошибка Холиншеда).

II, 1

С. 38. *Мои индюшки в корзине чуть с голоду не подошли.* — Анахронизм: европейцы впервые увидели индеек в Мексике только в 1518 г.

С. 39. *...пора будить господ. Они хотят ехать в компании...* — В сцене ограбления (II, 2) извозчики отсутствуют, однако один из них появляется вместе с шерифом в таверне в качестве свидетеля (II, 4).

С. 40. *...встречи с ребятами святого Николая.* — Святой Николай, с именем которого связано множество легенд, считался покровителем не только путешествующих, но, в частности, и дорожных грабителей.

С. 41. *Найдутся еще такие троянцы...* — Троянцами (первоначально подразумевалось — доблестными воинами) в шутку стали именовать и разбойников.

...не молятся ему, а грабят его... — В оригинале игра слов: «ргау» — «молиться» и «ргеу» — «грабят».

...топчут, как свои сапоги. — В оригинале каламбур, основанный на двойном значении слова «boots» — «сапоги» и «награбленное добро».

II, 2

С. 44. *Так иди повесься на собственной подвязке, которую ты носишь как наследник.* — Намек на орден Подвязки — высшую награду, учрежденную прадедом принца Генриха, Эдуардом III Плантагенетом в 1348 г. Число награжденных, не считая иностранцев, не должно было превышать 24 человек.

С. 45. *Конечно, я не ваш дедушка сэр Джон Гонт...* — Дед принца Генриха Джон Гонт, герцог Ланкастер (англ. «gaunt» — «сухопарый, худой, костлявый») отличался высоким ростом и худобой.

II, 3

С. 48. *Входит Хотспер, читая письмо.* — Хотспер читает письмо, полученное им от его союзника, графа Данбара Марча, который отказался принять участие в восстании против короля.

С. 50. *О мой супруг, зачем вы всё одни?* — Ср. монолог Порции в трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599 — II, 1).

Про василиски... кулеврины... — Василиски и кулеврины — названия старинных видов пушек.

С. 51. *О Esperance!* («Esperance ma comforte» — фр. «Надежда — мое утешение») — девиз, начертанный на родовом гербе дома Перси (ныне — «Esperance en Dieu»).

С. 54. ...я — ...*настоящий коринфянин*... — Шутливое обозначение пьяницы и развратника (жители Коринфа славились распушенностью нравов).

С. 54. ...*всю жизнь могу пьянствовать с любым медником*... — Медникам приписывалось особое пристрастие к выпивке (ср. медника Слая в комедии Шекспира «Укрощение строптивой»).

С. 55. *Пинта* — одна восьмая галлона: 0,57 л. Галлон — 4,546 л.

С. 58. *Можешь ты ограбить этого человека в кожаной куртке... с испанской сумкой*... — По-видимому, имеется в виду хозяин трактира — мистер Куикли, одетый как заправский щеголь того времени.

В Берберии, сэр, это так скоро не делается. — Удовлетворительного объяснения этой реплики принца нет. Высказывалось предположение, что Берберия (область на северном побережье Африки) упоминается в связи с вывозом оттуда сахара.

С. 60. *Rivo!* — Существует целый ряд разноречивых догадок относительно смысла и происхождения этого восклицания. Согласно Доверу Уилсону, оно произносилось с легкой икотой и указывало на нетрезвое состояние говорящего.

С. 61. *Мерзавец, в этот херес подмешана известь!* — Добавление извести отбивало у плохого вина кислый привкус и заставляло его «играть».

Я хотел бы быть ткачом — распевать псалмы и тому подобное. — Ткачи, в елизаветинскую эпоху бывшие нередко набожными пуританами-кальвинистами — переселенцами из Нидерландов, — практиковали за работой религиозные песнопения.

...если я тебя не выгоню из твоего королевства деревянным мечом... — В религиозных драмах Порок избивал Дьявола деревянным мечом.

С. 64. *Но будь я пучком редиски*... — Редиска считалась средством для похудания.

С. 66. *Так как их клинки сломались.... То штаны с них свалились.* — В подлиннике игра слов: «points» означает «острия» и «помочи».

С. 72. *...тот валлиец, который отколотил Амемона...* — Амемон — имя злого беса, якобы побежденного Глендауром.

Тот, что на полном скаку убивает из пистолета воробья? — Анахронизм: пистолеты появились только в XVI в.

С. 73. *...какой-то Мордек вместе с тысячью синих шапок.* — Синие шапки — презрительное прозвище шотландцев.

С. 75. *...я должен говорить с чувством — вроде царя Камбиза.* — Имеется в виду пьеса Томаса Престона (1537—1598) «Плачевная трагедия, в избытке смешанная с приятным весельем, содержащая в себе Жизнь Камбиза, короля Персии» (1569), написанная 14-сложным размером. Довер Уилсон высказывает предположение, что цитаты из Престона фигурировали в старой пьесе о Генрихе IV, а Шекспир видоизменил их с целью создания пародии на более знакомый современникам стиль Томаса Кида («Солиман и Перседа», 1592) и Роберта Грина («Комическая история Альфонса, короля Арагонского», ок. 1598).

С. 75—76. *Хотя ромашка, чем больше ее топчут... тем быстрее расходуется.* — Исследователи усматривают здесь пародию на роман Джона Лили «Эвфуэс, или Анатомия остроумия» (1579, I, 196), оказавший влияние на ранний стиль Шекспира.

С. 78. *...с этим достопочтенным Пороком, седым Безбожием... с этим престарелым Тщеславием?* — Порок, Безбожие, Тщеславие — традиционные аллегорические фигуры из средневековых нравоучительных пьес (моралите).

С. 79. *...следует любить тощих фараоновых коров.* — По Библии, египетский фараон увидел во сне семь тучных и семь тощих коров, причем последние пожирали первых. Этот сон предвещал Египту семь урожайных, а следом за ними семь неурожайных лет (Бытие, 41: 1—7).

III, 1

С. 84. *...и вы, кузен Глендаур...* — Глендаур приходился Хотсперу зятем, поскольку, согласно отдельным источникам, одна из дочерей Глендаура была замужем за сэром Эд-

мундом Мортимером, на сестре которого, Элизабет, был женат Хотспер.

С. 85. *...у земли чреватой / Нередки колики...* — Ироническая аллюзия на слова библейского пророка: «Были беременны, мучились, — и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле» (Исайя, 26: 18).

С. 87. *...как черта посрамишь: / Лишь правду говори — и посрамишь.* — Поговорка «Tell the truth — and shame the devil» зафиксирована в XVI в.

...я гнал его босого... — В оригинале каламбур, основанный на двойном значении слова: «bootless» — «босоногий» и «лишенный всякой добычи».

С. 90. *Воспитан я при английском дворе, / Где в юности для арфы сочинил / Немало милых песенок английских, / Приукрашая с пользою язык.* — В елизаветинскую, подлинно стихотворную эпоху истинному патриоту вменялось в заслугу «приукрашение» национального литературного языка посредством поэтических занятий и переложения стихов на музыку (Ср. трактат Филипа Сидни «Защита поэзии» — 1581, опубл. 1595).

С. 91. *Не стыдно, Перси, тестю вам перечить?* — В оригинале «to cross my father» (тестем Глендаур приходился Мортимеру).

И предсказаньях вещего Мерлина... — Мерлин — легендарный уэльский поэт и мудрец-чародей, живший, по преданию, в VI в., во времена сказочного короля Артура. Согласно бытовавшим у валлийцев верованиям, Уэльс вновь обретет свободу и независимость от англичан, когда Мерлин вернется в мир.

С. 94. *Вас просит / Она прилечь на пышных тростниках...* — В Англии того времени до появления ковров полы, даже во дворцах, устилались тростником.

А музыканты, что играть должны вам, / Еще витают в сотнях миль, но тотчас / Здесь будут. — Глендаур подразумевает волшебных духов, услаждающих людской слух музыкой, якобы подвластных его велениям.

III, 2

С. 102. *Лорд Мортимер — шотландец — весть при-
слал...* — Ошибка Шекспира: здесь подразумевается

Джордж Данбар, шотландский граф Марч — из области, пограничной между Англией и Шотландией. Имя Мортимеров носили графы из области, пограничной между Англией и Уэльсом.

III, 3

С. 104. *Ты — рыцарь горящей лампы.* — В оригинале обыгрывается название рыцарского романа «Амадис, Рыцарь Пламенеющего Меча» (ср. комедию Френсиса Бомонта Джона Флетчера «Рыцарь Пламенеющего Пестика», 1610).

С. 105. *...о том богаче, который всегда одевался в пурпур.* — Евангелие от Луки, 16: 19—31.

«Клянусь этим пламенным Божьим ангелом». — Так в Q1. В позднейших изданиях — видимо, под влиянием духовной цензуры — переиначено: «By this fire, that's God's angel» (ср.: Исход, 3: 2; Псалтирь, 103: 4; Послание к Евреям, 1: 7).

С. 109. *...а что касается женственности, то девка Марианна в сравнении с тобой — жена пристава.* — На народных майских празднествах нередко разыгрывались театрализованные сценки на сюжеты сказаний о благородном разбойнике Робине Гуде и его возлюбленной Марианне. По традиции женские роли исполнялись мужчинами.

С. 111. *...я боюсь тебя, как боюсь рычащего львенка.* — Ср.: «Гнев царя — как рев льва» и «Гроза царя — как бы рев льва» (Книга притчей Соломоновых, 19: 12; 20: 2).

IV, 1

С. 119. *Блистают в латах золотых — иконы...* — В оригинале, разумеется, «images» — т. е. фигуры, статуи святых.

С. 120. *Мы огнеокой деве дымной брани...* — Т. е. Беллоне — римской богине войны, сестре Марса.

IV, 2

С. 121. *Ангел* (также «нобль») — старинная английская золотая монета, равная 10 шиллингам, имевшая хождение в XIV—XVI вв.

С. 123. *...большинство их я набрал из тюрем.* — Явление позднейшего времени: так, Тайный Совет в 1596 г.

пополнил рекрутское ополчение для экспедиции в Кадис заключенными из лондонских тюрем.

IV, 3

С. 127. *Звуки труб, возвещающие прибытие парламента.* — В действительности предложение короля было передано мятежникам аббатом Шрусберийским Томасом Престбюри и хранителем малой государственной печати.

IV, 4

С. 131. *...лорду-маршалу...* — Т. е. барону Томасу Моубреку.

V, 1

С. 138. *...честь меня тянет.* — Отмечена связь монолога Фальстафа с эссе Монтеня «О славе» из «Опытов» (кн. II, гл. XVI), известным Шекспиру в переводе Джона Флорио (1599, опубл. 1603).

V, 2

С. 140. *Освободите лорда Уэстморленда.* — Зрителю не было известно, что Уэстморленд являлся заложником во время переговоров Вустера с королем.

С. 141. *Лишь мне и Гарри Монмуту!* — Принц Генрих до восшествия на престол носил прозвище Монмут по месту своего рождения (город в Уэльсе).

V, 3

С. 144. *Лорд Стефффорд дорого с тобою сходство / Уж оплатил...* — У Холиншеда Стефффорд, возглавлявший передовой отряд, назван среди убитых; о его поединке с Арчибальдом Дугласом говорит Дэниел.

С. 146. *Султан Григорий...* — Фальстаф иронически наделает турецкого султана христианским именем. Обычно здесь усматривают намек на ненавистного англичанам папу Григория VII (1073—1085), однако более вероятна отсылка к папе Григорию XIII (1572—1585), вдохновителю и подстрекателю Варфоломеевской ночи, обещавшему отпущение грехов за убийство королевы Елизаветы. В 1579 г. он фигурировал, наряду с Нероном и Великим Султаном, в

качестве одного из «Трех Тиранов Вселенной» на раскрашенных гравюрах, продававшихся на улицах Лондона.

С. 147. ...*так горяч, что может сжечь целый город*. — В подлиннике каламбур: «sack» — «херес», «to sack» — «разгромить, разграбить город».

V, 4

С. 153. ...*иначе этот неистовый шотландец расквитался бы со мной*. — В подлиннике игра слов: «that hot termagant Scot had paid me scot and lot too». «Scot» — «шотландец», «scot» — «налог, пошлина, сбор».

V, 5

С. 157. *Ступайте и сейчас же отпустите / Вы Дугласа без выкупа на волю*. — В действительности Дуглас содержался в английском плену вплоть до 1408 г.

Часть вторая

Интродукция

С. 163. *Молва* — Образ из моралите (средневекового нравоучительного аллегорического театра). Ср. описание Молвы в «Энеиде» Вергилия:

Зла проворней Молвы не найти на свете иного:
Крепнет в движение она, набирает силы в полете .
...С шумом летает Молва меж землей и небом во мраке
Ночи, и сладостный сон никогда ей век не смежает...
...Алчна до кривды и лжи, но подчас
и вестница правды.
Разные толки в те дни средь народов она рассыпала,
Радостно быть наравне с небылицей всем возвещая.

(IV, 172–197, пер. С. Ошерова)

I, 1

С. 168. *Не Хотспер он, а Кольдспер?* — Обыгрывается прозвище Хотспера (англ. «hot spur» — «горячая шпора» и «cold spur» — «холодная шпора»).

С. 173. *...всех приверженцев своих / Он связывает узамы двойными.* — Подразумевается двойная власть, которой обладает архиепископ Йоркский — духовная и светская.

I, 2

С. 175. *...непотребный корешок мандрагоры...* — Считалось, что корень мандрагоры (растение, распространенное в Средиземноморье и на Гималаях) напоминает по виду маленького человечка и обладает магическими свойствами (являясь, в частности, сильнодействующим афродизиаком).

Никогда еще мне не прислуживала агатовая фигурка. — На агатах, нередко вправлявшихся в перстни, вырезались крошечные человеческие фигурки.

Вот поганый Ахитофель! — Ахитофель — имя одного из бесов.

С. 176. *Я его купил в церкви Святого Павла... снабжен слугой, лошадью и женой.* — Намек на пословицу: «Не выбирай жену в Вестминстере, слугу в соборе Святого Павла и лошадь в Смитфильде, не то получишь шлюху, мошенника и клячу».

...вот идет господин, который посадил принца под арест за то, что тот ударил его... — Фраза опирается на засвидетельствованный исторический факт: во время одного судебного разбирательства принц Генрих ударил Верховного судью по имени Роберт Гаскойн.

С. 180. *Я читал о причине ее появления у Галена...* — Гален (ок. 129—ок. 199), знаменитый греческий врач, лечивший Марка Аврелия, автор многих трудов по врачеванию. В эпоху Возрождения — высший медицинский авторитет (его учение было канонизировано Церковью).

...я беден, как Иов, но не обладаю его терпением. — Иов — подвергнутый суровому испытанию праведник, воплощение добродетели, главный персонаж одной из книг Ветхого Завета. Иов безропотно перенес множество посланных Богом несчастий (потерю семьи, разорение, неизлечимую болезнь) и не утратил благочестия.

Драхма — вышедшая из употребления единица аптекарского веса (3,888 г), равная трем скрупулам (1,296 г).

...выполню ли я ваши предписания... даже на целый скрупул. — Фраза оригинала содержит двойную игру слов: «patient» — «пациент» и «терпеливый»; «scruple» — «скрупул» и «сомнение».

С. 182. *Дурной ангел всегда легок...* — Обыгрывается значение слова «ангел» в смысле «монета» (см. прим. к IV, 2 первой части).

С. 184. *...пусть никогда мне больше не выплевывать белой слюны.* — Слюна пьяниц, как считалось, отличается особенной белизной.

С. 185. *...возлагать на вас крест.* — Каламбур (знак креста ставился на монетах).

Грот — старинная монета, равная 4 пенсам.

I, 3

С. 188. *Желая строить, / Мы место выберем и план начертим...* — Ср. притчу Иисуса Христа (Евангелие от Луки, 14: 28—30). Э. Фрипп усматривает здесь связь с перестройкой дома Нью-Плейс в Стратфорде, который Шекспир приобрел 4 мая 1597 г.

II, 1

С. 199. *...немецкая охота, написанная водяными красками...* — Т. е. акварель с изображением охоты на дикого кабана.

Нобль (также — «ангел») — см. прим. к IV, 2 первой части).

II, 2

С. 206. *...Он только что позвал меня, милорд, через красную оконную решетку...* — Отличительным признаком таверн были красные решетки на окнах.

Прочь, беспутный сон Алфеи! — Смешение двух мифов. Троянской царице Гекубе перед рождением Париса (виновника гибели Трои) приснилось, будто она разрешилась от бремени пылающей головней. Алфее (Алтее) была открыта таинственная связь жизни ее сына Мелеагра с догорающим в очаге поленом, которое она успела выхватить из огня. По другой версии, Алфея, напротив, бросила спрятанное полено в огонь, мстя за брата, убитого Мелеагром.

С. 208. *...готовы добраться до Иафета.* — Т. е. до прародителя всех «яфетидов» (индоевропейских народов) — Иафета, сына Ноя (Бытие, 10: 2–5).

С. 209. *С эфесцами... старого закала.* — Жители древнегреческого города Эфес славились пристрастием к роскоши и увеселениям; позднее — шуточное обозначение гуляк.

II, 4

С. 214. *...на ней лежат еще пять сэр Джонов...* — Сорт яблок «apple-John», созревающий к Иванову дню (середина лета): плоды подают к столу после длительного выдерживания высохшими и сморщенными (здесь — символ престарелого любовника).

...разыщи где-нибудь Сника с его музыкантами. — Во времена Шекспира существовал бродячий оркестр, возглавляемый неким Сником (Sneak's band), игравший на лондонских улицах.

С. 216. *Вынесите горшок.* — Характерная бытовая подробность того времени (ср. жалобу 2-го извозчика — часть первая, II, 1).

С. 222. *Не Ирина ли перед нами?* — Стих из утраченной трагедии современника Шекспира Джорджа Пиля (ок. 1557–1596) «Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина», принадлежавшей к жанру так называемых «трагедий крови и грома». Ирина — любовница султана Магомета II, позднее им обезглавленная (также героиня драмы Сэмюэла Джонсона «Ирина», 1749). Здесь и далее Пистоль приводит в искаженном виде отрывочные цитаты из различных трагедий, пользовавшихся популярностью в то время.

С. 222. *Вот так потеха!.. тридцать миль...* — Слегка измененная цитата из трагедии Кристофера Марло (1564–1593) «Тамерлан Великий» (1587) — часть вторая, IV, 4, 1–4. Далее пародируется экспрессивно-возвышенный стиль Марло.

...за Каннибалов — вместо «Ганнибалов».

...и Цербера, царя их... — Цербер — в греческой мифологии не царь, а свирепый трехголовый пес, охраняющий вход в подземное царство.

С. 223. *Ну, ешь, толстей, красавица моя Калиполида.* — Пародийно измененная строка из трагедии Джорджа Пиля «Битва при Алькасаре» (ок. 1584–1594).

Si fortune me tormente, sperato me contento. — Искаженная итальянская поговорка: «Se fortuna me tormenta, il sperare mi contenta» — «Если судьба меня терзает, надежда меня утешает» (по-видимому, девиз, начертанный на шпаге Пистоля). В оригинале: «sword» — меч, шпага, рапира, палаш, шашка, сабля, однако шпага получила в Западной Европе широкое распространение только в XVI в. Возможно, ироническая параллель с девизом Перси «Esperance ma comferte».

С. 224. *Смерть, усыни ж меня. Прерви мой скорбный век.* — Строка из песни, приписываемой Джорджу Болейну, брату Анны Болейн, сочиненной им в ожидании казни (17 мая 1536 г.).

Атронос — имя одной из трех Парок.

С. 225. *...в десять раз превосходишь всех девятирх героев.* — К «деяти героям» (или «деяти мужам славы»), изображавшимся в маскарадных процессиях и живых картинах того времени, причислялись три иудея (Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей), три язычника (Александр Македонский, Гектор, Юлий Цезарь) и три христианина (король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский).

С. 226. *Не говори, как Адамова мертвая голова...* — согласно средневековым верованиям, искусственная человеческая голова, наделенная магической способностью верно отвечать на все вопросы и предсказывать будущее.

С. 227. *...есть морских угрей с укропом...* — Излюбленная закуска тогдашних пьяниц, считавшаяся возбуждающим средством.

...этот огненный Тригон, его слуга, примазывается к старой записной книжке своего господина... — Тригон — одна из частей зодиака. Под «огненным Тригоном» подразумевается Бардольф, под «записной книжкой» — мистрис Куикли, заносщая в тетрадь долги Фальстафа.

III, 1

С. 238. *...кузен мой Невиль...* — Единственный Уорик, носивший это имя, — Ричард Невиль, 1-й граф Уорик, 2-й граф Солсбери (1428—1471), известный «делатель королей», введенный Шекспиром в хронику «Король Генрих VI».

С. 240. *Весть получил я, что Глендаур умер.* — На самом деле Глендаур умер предположительно в 1416 г.

III, 2

С. 250. *...ведет за собой такие полчища.* — Имеются в виду паразиты, кишачные в лохмотьях рекрута.

С. 251. *Я вызвал двумя больше, чем вам требовалось; вам нужно только четырех.* — Между тем на сцену выведено только пять рекрутов.

С. 253. *...четыре генриха...* — Т.е. монеты с изображением короля Генриха VII или VIII (явный анахронизм).

...капрал-капитан... — Чин, явно не существовавший.

С. 256. *...исполнял на Артуровых играх в Майленд-Грин роль сэра Дагонета...* — Дагонет — шут короля Артура в легендах о древнем рыцарском ордене короля Артура и его доблестном воинстве — рыцарях Круглого стола. На ежегодном состязании лучников близ Лондона участники принимали имена персонажей романов артуровского цикла.

С. 257. *...женщины звали его мандрагорой.* — См. прим. к I, 2 второй части.

С. 258. *...сказал Гонту, что он бьет свое собственное прозвище.* — См. прим. к II, 2 первой части.

...если он не станет для меня обоими философскими камнями сразу. — Средневековые алхимики стремились изготовить два состава: первый (красная тинктура, панацея, жизненный эликсир) должен был обладать свойством не только превращать в золото любые металлы, но и исцелять все болезни, омолаживать тело и продлевать жизнь; второй состав (белая тинктура) ограничивался свойством превращать неблагородные металлы в серебро. Некоторые шекспироведы усматривают в данном выражении Фальстафа («I'll make of him a philosopher's two stones to me») малопристойный каламбур, встречающийся также в трагедии Шекспира «Тимон Афинский» (1608): «Иногда он принимает облик вельможи, иногда адвоката, иногда мудреца, у которого помимо философского камушка имеется еще парочка собственных» (II, 2, пер. П. Мелковой).

IV, 1

С. 263. *...из-за жестокой / Судьбы, постигшей брата моего.* — Двоюродный брат архиепископа Йоркского, лорд Скруп, граф Уилтшир, был казнен Генрихом IV (см. I, 3, 279—280 первой части.).

С. 264. *Когда отец и Гарри Болингброк...* — Сцена поединка между Томасом Моубреем, герцогом Норфолком и Генрихом Болингброком изображена Шекспиром в хронике «Король Ричард II» (I, 3).

IV, 3

С. 277. *...сказать вместе с крюконосым римлянином: «Пришел, увидел, победил».* — Юлий Цезарь, одержав в 47 г. до н.э. победу над Фарнаком, царем понтийским, вместо отчета римскому сенату ограничился этими тремя словами.

С. 280. *Хороший херес производит двоякое действие...* — Херес (англ. «sack», от фр. «vin sec» — «сухое вино») — крепкое светлое вино, лучшей выдержкой считалось 2—3 года. Термин обозначал всякое сладкое вино из Испании и с Канарских островов, в которое тем не менее по тогдашним вкусам добавлялся сахар. Дифирамб Фальстафа хересу имел, по-видимому, особый смысл для покровителя Шекспира — графа Саутгемптона и его окружения, получавшего долю дохода с таможенных сборов и налогов на продажу всех вин, помимо французских и германских.

IV, 5

С. 295. *Другое, ниже пробой, драгоценней, / В лекарстве жидком сохраняя жизнь.* — В состав отдельных лекарств того времени входило золото более низкой пробы, чем золото королевской короны.

V, 2

С. 306. *Не Амурат — преемник Амурата...* — В 1574 г. турецкий султан Амурат по восшествии на престол умер-

твил всех своих братьев как возможных соперников. После его смерти в 1596 г. его преемник Магомет последовал примеру отца.

V, 3

С. 314. *«Пью бокал до дна...»* — Неточная цитата из комедии Томаса Нэша (1567—ок. 1601) «Последняя воля и завещание Лета» (1592, опубл. 1600).

Саминго — искаженная форма имени Сан-Доминго — т. е. святого Доминика, считавшегося покровителем пьяниц.

С. 315. *...если не считать кума Пуфа из Барсона.* — По некоторым сведениям, некий житель Барсона (в окрестностях Стратфорда) отличался необыкновенным ростом и весом; его показывали за деньги на ярмарках.

Король Кофетуа знать хочет правду. — Король Кофетуа — легендарный африканский царь, персонаж английской народной баллады «Король Кофетуа и нищенка Зеленофон».

«И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет». — Робин Гуд — легендарный герой старинных английских народных баллад. «Маленький» Джон и Скарлет — его ближайшие друзья и соратники.

С. 316. *Смеяться ль над сынами Геликона...* — Геликон — гора в Греции (на юге Беотии), где, согласно мифам, обитали бог искусства Аполлон и девять муз.

С. 318. *Пусть коршуны ему терзают печень.* — Мотив страданий Прометея — расхожий штамп дошекспировской драмы. Ср.: Вергилий. Энеида, V, 597—599.

V, 4

С. 319. *Что ж, тогда у тебя будет дюжина подушек; а теперь только одиннадцать.* — Долль, привязав к животу подушку, данную ей мистрис Куикли, симулирует беременность, дабы не подвергаться суровому наказанию.

...синий навозный жук! — Полицейские носили синие куртки.

...неужели правда одолеет силу? — Обмолвка, нередкая для комических персонажей Шекспира.

С. 322. Это «*semper idem*», ибо «*obsque hoc nihil est*», — все сказывается в каждой отдельной части. — Приводятся латинские девизы, означающие соответственно «Всегда тот же» (или «то же») и «Ничего, кроме этого, не существует». Пистоль тут же дает их перевод, весьма вольный.

Алект — одна из трех фурий, с головой, увитой змеями.

С. 325. Идем, лейтенант Пистоль... — Хотя Пистоль — только прапорщик, Фальстаф, продолжая надеяться на свое влияние при дворе, повышает его в чине.

Взять сэра Джона Фальстафа во Флит... — Лондонская тюрьма Флит, подчиненная Звездной палате (высшему королевскому суду, созданному Генрихом VII и существовавшему с 1487-го по 1641 г.) и суду лорда-канцлера, предназначалась для влиятельных особ, на время следствия взятых под стражу.

Эпилог

С. 328. ...наш смиренный автор предложит историю, в которой действует сэра Джон, и развеселит вас Екатериной Французской. — В хронике Шекспира «Король Генрих V» (1598) Фальстаф на сцене не появляется: о его кончине рассказано устами овдовевшей мистрис Куикли, ставшей супругой Пистоля (II, 3). Генрих V вступил в брак с дочерью французского короля Карла VI Безумного (1368—1422, годы правления 1380—1422) Екатериной Валуа (1401—1437) в 1420 г.

Сергей Сухарев

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действующие лица	7
АКТ I	9
СЦЕНА 1	9
СЦЕНА 2	13
СЦЕНА 3	23
АКТ II	37
СЦЕНА 1	37
СЦЕНА 2	42
СЦЕНА 3	48
СЦЕНА 4	54
АКТ III	84
СЦЕНА 1	84
СЦЕНА 2	97
СЦЕНА 3	103
АКТ IV	115
СЦЕНА 1	115
СЦЕНА 2	121
СЦЕНА 3	125
СЦЕНА 4	131
АКТ V	133
СЦЕНА 1	133

СЦЕНА 2	139
СЦЕНА 3	144
СЦЕНА 4	147
СЦЕНА 5	156

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Действующие лица	161
------------------------	-----

ИНТРОДУКЦИЯ	163
--------------------------	-----

АКТ I	165
--------------------	-----

СЦЕНА 1	165
---------------	-----

СЦЕНА 2	174
---------------	-----

СЦЕНА 3	186
---------------	-----

АКТ II	192
---------------------	-----

СЦЕНА 1	192
---------------	-----

СЦЕНА 2	202
---------------	-----

СЦЕНА 3	211
---------------	-----

СЦЕНА 4	214
---------------	-----

АКТ III	236
----------------------	-----

СЦЕНА 1	236
---------------	-----

СЦЕНА 2	240
---------------	-----

АКТ IV	259
---------------------	-----

СЦЕНА 1	259
---------------	-----

СЦЕНА 2	269
---------------	-----

СЦЕНА 3	275
---------------	-----

СЦЕНА 4	281
---------------	-----

СЦЕНА 5	288
---------------	-----

АКТ V	299
--------------------	-----

СЦЕНА 1	299
---------------	-----

СЦЕНА 2	303
---------------	-----

СЦЕНА 3	310
СЦЕНА 4	318
СЦЕНА 5	320
ЭПИЛОГ	327

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА	
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV»	
<i>С.Сухарев</i>	331

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
КОРОЛЬ ГЕНРИХ IV

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Елена Саламатова, Елена Орлова
Верстка Дмитрий Положенцева

Руководитель проекта Максим Крютченко

Подписано в печать 07.08.2009
Формат издания 76×100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург». Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № 1529.

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1
Телефон/факс: (812)495-56-10

КАКВ434902R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-КЛАССИКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Игорь Ефимов «Обвиняемый»

Игорь Ефимов (р. 1937) — русский писатель,
с 1978 года живущий в США.

Ефимов — интеллектуал, читать которого
увлекательно и легко. Иосиф Бродский сказал,
что он «...продолжает великую традицию
русских писателей-философов...», и при этом
его книги полны жизни, страсти и почти
кинематографического действия.

*Герой нового романа Игоря Ефимова —
профессор американского университета,
Грегори Скиллер, арестован по подозрению в
похищении и убийстве двенадцатилетней
девочки. Три любящие профессора женщины
решают, что вызволить его из тюрьмы
можно, только разыскав настоящего преступ-
ника. Детективный сюжет движется причуд-
ливыми ходами и завершается совершенно
неожиданной развязкой.*

Информацию о приобретении книг по почте
или через Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-КЛАССИКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дэниел Уоллес

«Мистер Себастиан и черный маг»

Дэниел Уоллес — современный американский классик, достойный продолжатель традиций Рэя Брэдбери и Сола Беллоу, Харпер Ли и Джона Апдайка. Его дебютный роман «Крупная рыба» послужил основой недавнего фильма Тима Бертона, в котором снимались Эван Макгрегор, Джессика Ланж, Хелена Бонэм-Картер, Стив Бушеми, Денни де Вито.

**В издательстве «Азбука»
также выходит в свет:
Дэниел Уоллес «Арбузный король»**

Информацию о приобретении книг по почте или через
Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «АЗБУКА-КЛАССИКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Стефани Цвейг «Нигде в Африке»

Впервые на русском языке издается книга писательницы, каждый новый роман которой становился бестселлером в Европе, а общий объем проданных экземпляров достиг отметки в 6 миллионов. Снятый по роману «Нигде в Африке» художественный фильм собрал почти два десятка наград престижных международных кинофестивалей и в 2002 году удостоен премии «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.

Семья недавно преуспевающего адвоката Вальтера Редлиха оказывается в Кении — без языка, без средств к существованию, без надежды вновь обрести утраченную родину... Полный драматизма, населенный незабываемыми персонажами, пронизанный мягким юмором и горькой самоиронией, окрашенный неповторимым африканским колоритом роман Стефани Цвейг «Нигде в Африке» обладает всеми качествами настоящей книги, которой суждена долгая жизнь. Не случайно автор одной из американских рецензий предпослал своему отзыву слова Уистена Хью Одена: «Бывают незаслуженно забытые книги; не бывает книг, незаслуженно **не забытых**».

Информацию о приобретении книг по почте
или через Интернет читайте на сайте www.azbooka.ru

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

Издательская Группа «Азбука-классика»

Санкт-Петербург:

ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Почта: 191014, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н
Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38
факс: (812) 321-66-60
E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:

тел./факс (495) 951-74-36, 959-55-69
info@azbooka-m.ru

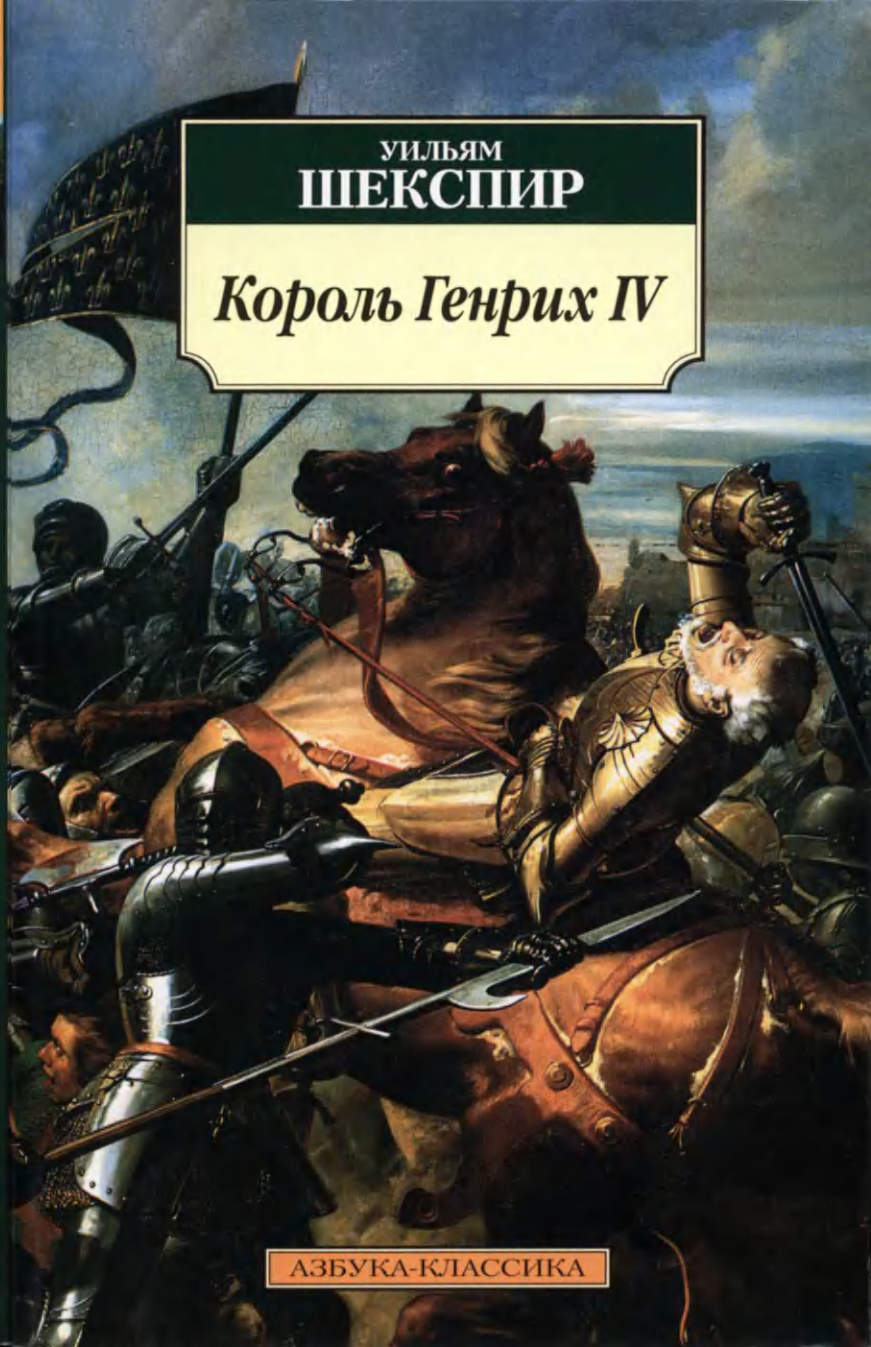
***Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайте***

www.azbooka.ru

УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

Король Генрих IV

АЗБУКА-КЛАССИКА

Историческая хроника-дилогия Уильяма Шекспира «Король Генрих IV» (1597–1598) переносит читателя в полную мятежных страстей и кровавых конфликтов политическую жизнь Англии начала XVI века. Изображенный в пьесе приход к власти Генриха IV — первого из династии Ланкастеров — отмечен появлением на подмостках Истории целой вереницы ярких, колоритных, запоминающихся личностей, среди которых юный принц Гарри (будущий король Генрих V), сэр Генри Перси по прозвищу Хотспер («Горячая Шпора») и, конечно, рыцарь-шут сэр Джон Фальстаф — величайший из когда-либо созданных Шекспиром комических персонажей. Публикация текста хроники сопровождается подробным историко-литературным комментарием, подготовленным специально для настоящего издания.

Уильям
ШЕКСПИР
1564 – 1616

В оформлении обложки
использован фрагмент картины
Ш.-Ф. Ларивьера

www.azbooka.ru

ISBN 978-5-9985-0412-9

0 2

9 785998 504129